

Н. А. Лейкинъ.

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОБЛДКИ СУПРУГОВЪ,

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны

ИВАНОВЫХЪ

ВЪ ПАРИЖЪ И ОБРАТНО.

33-ье ИЗДАНИЕ.



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕССЪ“.

Рига, 1928.

I.

Переѣхали русскую границу. Показался прусскій орель, изображенный на щитѣ, прибитомъ къ столбу. Поѣздъ подѣхалъ къ станціонному зданію. Русскіе кондуктора въ послѣдній разъ отворили двери вагоновъ. Послышалась нѣмецкая рѣчь. Стояли два откормленные нѣмца въ черныхъ военныхъ плащахъ съ множествомъ пуговиць по правую и по лѣвую сторону груди и въ каскахъ со штыками. „Ейдкуненъ“! возгласилъ кто-то, проглатывая слова. Виднѣлись вывѣски со стрѣлами и съ надписями „Herrn“, „Damen“. Пассажиры стали снимать съ полокъ ручной багажъ и начали выходить изъ вагоновъ. Въ числѣ ихъ былъ и молодой купецъ съ женой, купеческое происхожденіе котораго сказывалось въ каждой складкѣ, въ каждомъ движеніи, хотя онъ и былъ одѣтъ по послѣдней модѣ. Прежде всего онъ ударилъ себя ладонью по дну шляпы котелкомъ и сказалъ женѣ:

— Ну-съ, Глафира Семеновна, пріѣхали въ границу. Теперь слѣдуетъ намъ свое образованіе доказывать. Сажайте иностранныя слова! Сажайте безъ всякихъ стѣсненіевъ. Жарьте во всю.

Молодая супруга, одѣтая тоже по послѣдней модѣ, смутилась и покраснѣла.

— А какая это земля? — спросила она.

— Знамо дѣло — Нѣметчина. Нѣмецъ всегда на границѣ стоитъ. Помимо нѣмца ни въ какую чужую

землю не проѣдешь. Забирайте свою подушку-то. Мнѣ три не протащить сквозь двери. А насчетъ саквояжей мы носильщика крикнемъ. Какъ носильщикъ-то на нѣмецкій манеръ?

— Я, Николай Ивановичъ, не знаю. Насъ этимъ словамъ въ пансіонѣ не обучали.

— Какъ-же это такъ... А говорили, что обучались.

— Я и обучалась, а только комиатныя слова знаю.

— Странно... самъ-же я слышалъ, какъ вы стихи читали на иностранномъ діалектѣ.

— То по-французски. Вотъ ежели по-французски придется, то я больше знаю.

— Какъ тутъ въ нѣмецкой землѣ по-французски! Нѣмецъ страхъ какъ француза не любитъ. Ему французъ—что тараканъ во шахъ. Эй носильщикъ! — кричитъ купецъ. — Гуть моргенъ... Какъ васъ? Коммензи... Наши чемоданы. Брингензи... Саквояжи...

— Вотъ видишь, ты и самъ нѣмецкія слова знаешь.

— Десять-то словъ! На этомъ не много уѣдешь. Хмельного я самъ попрошу по-нѣмецки, потому хмельныя слова я знаю, а остальные ни въ зубъ. Эй, херъ носильщикъ! Херъ это по-ихнему господинъ. Поучтивѣе, такъ, можетъ, лучше... Херъ носильщикъ! Нейдетъ, подлець! Въ другой вагонъ проперъ. Неужто самому придется переть?... Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи? Чего-же стала?

— Да видишь, главная подушка не пролѣзаетъ. Надо по одной штукѣ...

— И къ чему только ты три подушки съ собой забрала!

— Да я не могу на одной спать. Голова затекаетъ. И наконецъ, вѣдь, не знаешь, куда ѣдешь. Можетъ быть, тамъ и вовсе безъ подушекъ...

— Брось подушки. Давай, я ихъ вытащу... Ну, пропихивай сзади, пропихивай... Вотъ такъ... Вѣдь таможня здѣсь. Не стали-бы нѣмцы подушки распарывать и искать въ нихъ? Вѣдь цѣлыя перины мы притащили. Не сочли-бы за мѣшки съ товаромъ. Хоть сказать имъ, что это подушки. Какъ подушки-то по-нѣмецки?

— Не знаю.

— Здравствуйте! А сейчас хвасталась, что всё комнатныя слова знаешь. Вѣдь подушка—комнатное слово.

— Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь? Вѣдь вы и сами не знаете!

— Я другое дѣло. Я специалистъ по хмельнымъ словамъ. Вотъ въ буфетѣ я въ лучшемъ видѣ... „Биръ-тринкенъ... Шнапсъ-тринкенъ... Зейдель... фляше... бутербродъ“... и, наконецъ, я въ пансіонѣ не обучался. Нѣмецкимъ словамъ я выучился у нѣмцевъ-колонистовъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ въ лавку веревки, парусину и гвозди покупать. „Ейнъ, цвей, дрей, фиръ, фиръ рубль, цванцигъ копекенъ“. Считать по-нѣмецки тебѣ что угодно высчитаю, а другихъ я словъ не знаю. Ну, постой тутъ около подушекъ, а я саквояжи вытащу. Эй, херъ носильщикъ! Нумеръ ейнъ ундъ цванцигъ! Коммензи! — снова началъ кричать купецъ и манить носильщика.

Носильщикъ, наконецъ, подошелъ, взялъ вещи и понесъ ихъ. Купецъ и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, пледъ и ватное стеганое одѣяло.

— Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, mein Herr? — спрашивалъ носильщикъ кульца.

— Чортъ его знаетъ, что онъ бормочетъ! — воскликнулъ купецъ. — Глафира Семеновна, понимаешь? — обратился онъ къ женѣ.

— Да должно быть на чай просить. Дай ему, — отвѣчала та.

— Ну, народъ! Даже двугривеннаго не хотятъ повѣрить и впередъ деньги требуютъ. Бери, бери... Вотъ три гривенника. Не надувать сюда пріѣхали. Мы въ Петербургъ въ полномъ довѣріи. У меня по банкамъ на полтора ста тысячъ векселей гуляетъ...

Носильщикъ денегъ не бралъ и говорилъ:

— Nacher, nacher werden Sie zahlen...

— Глаша! Не беретъ. Неужто двухъ пятиалтынныхъ мало? — недоумѣвалъ купецъ. — Иль, можетъ быть, ему нѣмецкія деньги надо?

— Да, конечно-же, онъ нѣмецкія деньги требуетъ,

— Дейчъ гельдъ хочешь? Дейчъ надо размѣнять. Гдѣ тутъ мѣняльная лавка? Надо размѣнять. Понимаешь? Ничего не понимаетъ. Глаша! Да скажи ему по-нѣмецки, какъ васъ учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка? Сади!

— Ахъ, Боже мой! Ну, что ты ко мнѣ пристаешь то!

— Ничего не знаетъ! А еще у мадамы училась.

— Мѣняльную лавку вы иайдете на вокзалѣ. Тамъ еврей вамъ и размѣняетъ, — слышалось сзади по-русски.

Говорилъ какой-то господинъ въ войлочной дорожной шапочкѣ. Купецъ обернулся и сказалъ:

— Мерси васъ... Удивительно какъ трудно безъ нѣмецкаго языка... Ничего не понимаютъ. Будьте добры сказать этой колбасѣ, что онъ на чай въ лучшемъ видѣ получить, какъ только я размѣняю русскія деньги. Ну, вотъ... Еще мерси васъ... Извините... А какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка, чтобы я могъ спросить?

— Вексельбуде... Но еврей, который будетъ мѣнять вамъ деньги, говоритъ по-русски.

— Анкоръ мерси васъ... Вексельбуде, вексельбуде, — твердилъ купецъ. — Запомни, Глаша, какъ мѣняльная лавка называется, а то я виопыхахъ-то могу забыть. Вексельбуде, вексельбуде.

У дверей вокзала стояли прусскіе жандармы и таможенные чиновники, отбирали паспорта и пропускали пассажировъ по очереди.

— Эхъ, слѣдовало-бы захватить съ собой въ дорогу Карла Адамыча для нѣмецкаго языка, — говорилъ купецъ. — Онъ хоть пропойный человѣкъ, а все-таки съ языкомъ.

— Такъ отчего-же не взялъ? — сказала жена.

— А не сама-ли ты говорила, что я съ нимъ съ круга сбиться могу? Я на твое образованіе надѣялся.

— Фу, какъ ты мнѣ надоѣлъ! Вотъ возьму да на зло тебѣ и заплачу.

— Да плачь. Чортъ съ тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купецъ проталкивалъ ее впередъ.

— Пассъ! — возгласилъ жандармъ и загородилъ ей дорогу.

— Глаша! Что онъ говорить? Чего ему нужно?— спрашивалъ у жены купецъ.

— Отстань. Ничего не знаю.

— Пассъ! — повторилъ жандармъ и протянулъ руку.

— Ну, вотъ извольте видѣть, словно онъ будто въ винтъ играетъ: пассъ да пассъ.

— Отдайте свой паспортъ. Онъ паспортъ требуетъ, — сказалъ кто-то по-русски.

— Паспортъ? Ну, такъ такъ-бы и говорилъ, а то пассъ да пассъ... Вотъ паспортъ.

Купецъ отдалъ паспортъ и проскользнулъ сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспортъ.

— Глаша! Чего-же ты?... Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты стала? — кричалъ купецъ.

— Да не пускають. Вонъ онъ руки распростра- няетъ, — отвѣчала та. — Пустите же меня! — раздра- женно рванулась она.

— Пассъ! — возвысилъ голосъ жандармъ.

— Да вѣдь я отдалъ ейный паспортъ. Жена при мужѣ... Жена въ моемъ паспортѣ... Паспортъ у насъ общій... Это жена моя... Послушайте, херь... Такъ не дѣлается... Это безобразіе... Ейный паспортъ. Ейный паспортъ на цвей, — возмущался купецъ.

— Я жена его... Я фрау. фрау... А онъ мужъ... Это мой мари... монъ мари... — бормотала жена.

Наконецъ ее пропустили.

— Ну, народъ! — восклицалъ купецъ. — Ни одного слова по-русски... А еще, говорятъ, образованные нѣмцы! Говорятъ, куда ни плюнь, вездѣ университетъ или академія наукъ. Гдѣ-же тутъ образованіе, спрашивается?! Тьфу, чтобы вамъ сдохнуть!

Купецъ плюнулъ.

II.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, запыхавшіеся и покраснѣвшіеся, сидѣли уже въ прусскомъ вагонѣ. Передъ ними стоялъ нѣмецъ-носильщикъ и

ждалъ подачи за принесенные въ вагонъ мѣшки и подушки. Николай Ивановичъ держалъ на ладони горсть прусскихъ серебряныхъ монетъ, перебиралъ ихъ другою рукою и рѣшительно недоумѣвалъ, какую монету дать носильщику за услугу.

— Разбери, что это за деньги! — бормоталъ онъ. — Однѣ будто-бы полтинники, а другія, которыя побольше, такъ тоже до нашего рубля не хватаютъ! Потомъ мелочь!.. На однѣхъ монетахъ помѣчено, что пять, на другихъ стоитъ цифирь пятьдесятъ, а обѣ монетки одной величины.

Онъ взялъ три монетки по десяти пфениговъ и подалъ носильщику. Тотъ скривилъ лицо и подбросилъ монетки на ладони.

— Неужто мало? Вѣдь я три гривенника даю! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и далъ еще десять пфениговъ.

Носильщикъ плюнулъ, отвернулся и, не приподнявъ шапки, отошелъ отъ вагона.

— Вотъ такъ иѣмецкая морда! Сорокъ ихнихъ копѣекъ даю, а онъ и этимъ недоволенъ. Да у насъ-то за сорокъ копѣекъ носильщики въ поясъ кланяются! — продолжалъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ женѣ.

— А почему ты знаешь, можетъ быть, ихнія копейки-то меньше? — сказала та и прибавила: — Ну, да что обѣ этомъ толковать! Хорошо, что ужъ въ вагоны-то усѣлись. Только, въ тѣ ли мы вагоны сѣли? Не ухватъ бы куда въ другое мѣсто вмѣсто Берлина-то!

— Песъ ихъ знаетъ! Каждому встрѣчному и поперечному только и твердилъ, что Берлинъ, Берлинъ и Берлинъ. Всѣ тыкали перстами въ этотъ вагонъ.

Николай Ивановичъ высунулся изъ окна вагона и крикнулъ:

— Эй! херъ кондукторъ! Берлинъ здѣсь?

— О, ja, mein Herr, Berlin.

— Слышишь? Около русской границы и то по-иѣмецки. Хотя бы одна каналья сказала какое-нибудь слово по-русски, кромѣ жида-мѣнялы.

— Ну, вотъ съ жидами и будемъ разговаривать. Вѣдь ужъ жида навѣрное вездѣ есть.

— Да неужто, ты, Глашенька, окромя комнатныхъ словъ, никакого разговора не знаешь?

— Про ѣду знаю.

— Ну, слава Богу, хоть про ѣду-то. По крайней мѣрѣ, голодомъ не насидимся. Ты про ѣду, я про хмельное и всякое питейное. Ты, по крайней мѣрѣ, поняла ли, что нѣмецъ въ таможенѣ при допросѣ-то спрашивалъ?

— Да онъ только про чай да про табакъ съ папиросами и спрашивалъ. Тэ, табакъ папирось...

— Ну, это-то и я поиялъ. А онъ еще что-то спрашивалъ.

— Ничего не спрашивалъ. Спрашивалъ про чай и про папиросы, а я молчу и вся дрожу, — продолжала жена. — Думала, ну какъ полѣзеть въ платѣ щупать.

— А гдѣ у тебя чай съ папиросами?

— Въ турнюрѣ. Два фунта чаю и пятьсотъ штукъ папирось для тебя.

— Вотъ за это спасибо. Теперь, по крайности, мы и съ чаемъ, и съ папиросами. А то Федоръ Кирилычъ вернулся изъ заграницы, такъ сказывалъ, что папиросы ихнія на манеръ какъ бы изъ капустнаго листа, а чай такъ брандахлысть какой-то. Вотъ пиво здѣсь—уму помраченье. Я сейчасъ пару кружекъ опрокинулъ—прелестъ. Бутерброды съ колбасой тоже должны быть хороши. Страна колбасная.

— Колбасная-то колбасная, да кто ихъ знаетъ, изъ чего они свои колбасы дѣлають. Можетъ быть, изъ кошекъ да изъ собакъ. Нѣтъ, я ихъ бутербродовъ ѣсть не стану. Я своихъ булокъ захватила и у меня сыръ есть, икра.

— Нельзя же, душечка, совсѣмъ не ѣсть.

— Колбасу? Ни за что на свѣтѣ! Да и вообще не стану ѣсть ничего, кромѣ котлеты или бифштекса. У нихъ, говорятъ, супъ изъ рыбьей чешуи, изъ яичной скорлупы и изъ сельдяныхъ головъ варится.

— Ну?!

— Я отъ многихъ слышала. Даже въ газетахъ читала. А нашъ жилецъ-нѣмецъ настройщикъ, что въ па-

пенькиномъ домѣ живетъ... Образованный нѣмецъ, а что онъ ѣсть вмѣсто супа? Разболтаетъ въ пивѣ корки чернаго хлѣба, положить туда яйцо, сварить, вотъ и супъ. Намъ ихняя кухарка рассказывала. „Они, говоритъ, за обѣ щеки ѣдятъ, а мнѣ въ глотку не идетъ. Я, говоритъ, кофейными переварками съ ситнымъ въ тѣ дни питаюсь“. Я и рыбу у нихъ въ Нѣметчинѣ ѣсть не буду.

— Рыбу-то отчего? Вѣдь ужъ рыба все рыба.

— Боюсь, какъ-бы вмѣсто рыбы змѣи не подали. Они и змѣй ѣдятъ и лягушекъ.

— Это французы.

— И французы, и нѣмцы. Нѣмцы еще хуже. Я сама видѣла, какъ настройщицкая нѣмка въ корзинкѣ угря на обѣдъ съ рынка тащила.

— Такъ угря-же, а не змѣю.

— Та же змѣя, только водяная. Нѣтъ, я у нихъ ни рыбы, ни колбасы, ни супу—ни за что на свѣтѣ... Бифштексъ, котлета, булки. Пирогі буду ѣсть, и то только съ капустой. Яйца буду ѣсть. Тутъ ужъ, по крайней мѣрѣ, видишь, что ѣшь настоящее.

— У нихъ и яйца поддѣльныя есть.

— Да что ты! Какъ же это такъ яйца поддѣлать?

— Въ искусственной алебастровой скорлупѣ, а внутри всякая химическая дрянь. Я недавно еще читалъ, что поддѣлываютъ.

— Тьфу, тьфу! Кофе буду пить съ булками.

— И кофе поддѣльный. Тутъ и жареный горохъ, и рожь, и цикорій.

— Ну, это все-таки не поганое.

— А масла у нихъ настоящаго и нѣтъ. Все маргаринъ. Вѣдь мы съ нихъ примѣръ-то взяли. Да еще изъ чего маргаринъ-то...

— Не рассказывай, не рассказывай!.. — замахала руками жена. — А то я ничего жаренаго ѣсть не стану.

Поѣздъ тихо тронулся.

— По нѣмецкой землѣ ѣдемъ. Въ царство пива и колбасы насъ везутъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.

III.

Поѣздъ стрѣлой мчался отъ Эйдкунена по направленію къ Берлину, минуя не только полустанки, но даже и незначительныя станціи, останавливаясь только на одну или двѣ минуты передъ главными станціями. Передъ окнами вагоновъ мелькали, какъ въ калейдоскопѣ, каменные деревеньки съ черепичными крышами на домахъ, съ маленькими огородиками между домовъ, обнесенными живой изгородью, аккуратно подстриженной, а въ этихъ огородахъ—женщины въ соломенныхъ шляпкахъ съ лентами, копающіяся въ грядкахъ.

— Смотри-ка, смотри-ка: въ шляпкахъ и на огородахъ работаютъ!—удивлялась Глафира Семеновна. — Да неужели это нѣмецкія деревенскія бабы?

— Должно быть, что бабы. Карлъ Адамычъ сказывалъ, что у нихъ деревенскія бабы въ деревняхъ даже на фортепіанахъ играютъ, а по праздникамъ себѣ мороженое стряпаютъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Мороженое? Да что ты! А какъ-же у насъ рассказываютъ, что нѣмцы и нѣмки съ голоду къ намъ въ Россію ѣдутъ? Вѣдь ужъ ежели мороженое...

— Положимъ, что отъ мороженаго въ брюхѣ еще больше заурчитъ, ежели его одного нажраться. Да нѣтъ, не можетъ быть, чтобы съ голоду... Какой тутъ голодъ, ежели въ деревняхъ вотъ уже сколько времени ѣдемъ—ни одной развалившейся избы не видать. Даже соломенныхъ крышъ не видать. Просто-напросто нѣмецъ къ намъ ѣдетъ на легкую работу. Здѣсь онъ гряды копаетъ, а у насъ пріѣдетъ—сейчасъ ему мѣсто управляющаго въ имѣніи... Здѣсь бандуристъ какой-нибудь и по трактирамъ за пятаки да за гривенники играетъ, а къ намъ пріѣдетъ—настройщикъ и сейчасъ ему по полтора рубля за настройку фортепіанъ платятъ.

Не мало удивлялись они и нѣмкѣ-пассажиркѣ, вязавшей чулокъ, которая, какъ вошла въ вагонъ, вынула начатый чулокъ, да такъ и не переставала его вязать въ теченіе двухъ часовъ.

— Неужто дома-то у ней не хватаетъ времени, чтобы связать чулки? — сказала жена.

— И хватается, можетъ статья, да ужъ такая извадка, — отвѣчалъ мужъ. — Нѣмки ужъ такой народъ... Нѣмка не только что въ вагонъ, а и въ гробъ ляжетъ, такъ и то чулокъ вязать будетъ.

А поѣздъ такъ и мчался. Супруги наѣлись булокъ съ сыромъ и икрой. Жажда такъ и томила ихъ послѣ соленого, а напиться было нечего. Во время минутныхъ остановокъ на станціяхъ они не выходили изъ вагоновъ, чтобы сбѣгать въ буфетъ, опасаясь, что поѣздъ уйдетъ безъ нихъ.

— Чортъ бы побралъ эту нѣмецкую ѣзду съ минутными остановками! Помилуйте, даже въ буфетъ сбѣгать нельзя! — горячился Николай Ивановичъ. — Поѣздъ останавливается, пятьдесятъ человѣкъ выпускаютъ, пятьдесятъ пассажировъ принимаютъ—и опять пошелъ. Ни предупредительныхъ звонковъ — ничего. Одинъ звонокъ — и катать-валяй. Говорятъ, это для цивилизаціи... Какая тутъ къ чорту цивилизація, ежели человѣку во время остановки поѣзда даже кружки пива выпить нельзя?

— Да дай кондуктору на чай и попроси, чтобы онъ намъ въ вагонъ пива принесъ, — посоветовала ему жена... — За стекло-то заплатимъ.

— Попроси... Легко сказать—попроси... А какъ тутъ попросишь, коли безъ языка? На тебя понадѣялся, какъ на ученую, а ты ни въ зубъ толкнуть по-нѣмецки...

— Комнатныя слова я знаю, а тутъ хмельныя слова. Это по твоей части. Самъ-же ты хвастался, что хмельныя слова выучилъ въ лучшую,—ну, вотъ и попроси у кондуктора, чтобы онъ принесъ пива.

— А и то попросить.

Николай Ивановичъ вынулъ изъ кармана серебряную марку и, показывая ее пробѣгавшему кондуктору, крикнулъ:

— Эй, херъ!.. Херъ кондукторъ! Коммензи... Вотъ вамъ нѣмецкая полтина... Дейчъ полтина... Биръ тринкенъ можно? Брингензи биръ... Боюсь выйти изъ вагона, чтобы онъ не уѣхалъ... Два биръ... Цвей биръ... Для меня и для мадамъ.. Цвей биръ, а остальное—немензи на чай...

Все это сопровождалось жестами. Кондукторъ понялъ—и явилось пиво. Кельнеръ принесъ его изъ буфета. Мужъ и жена жадно выпили по кружкѣ.

Поѣздъ опять помчался.

IV.

Выпитая кружка пива раздражила еще больше жажду Николая Ивановича и Глафиры Семеновны.

— Господи! Хоть-бы чайку гдѣ-нибудь напиться въ охотку, — говорила Глафира Семеновна мужу. — Неужто поѣздъ такъ все и будетъ мчаться до Берлина безъ остановки? Гдѣ-же мы пообѣдаемъ? Гдѣ-же мы поужинаемъ? Хоть бифштексъ какой-нибудь съѣсть и супцу похлебать. Вѣдь нельзя-же всю дорогу сыромъ и икрой питаться. Да и хлѣба у меня мало. Всего только три маленькія булочки остались. Что это за житье, не пивши, не ѣвши, помилуйте!

— Ага! жалуешься! — поддразнилъ ее мужъ. — А зачѣмъ просилась за границу? Сидѣла бы у себя дома на Лиговкѣ.

— Я просилась на Эйфелеву башню, я просилась къ французамъ на выставку.

— Да вѣдь и тамъ не слаще. Погоди, на Эйфелевой-то башнѣ, можетъ быть, взвоешь.

— Николай Иванычъ, да попроси-же ты у кондуктора еще пива.

— Погоди, дай до станціи-то доѣхать.

Но на станціяхъ, какъ на грѣхъ, останавливались на одну минуту.

Поѣздъ мчался съ неимоверной быстротой. Мимо оконъ вагоновъ непрерывно мелькали домики, поля, засѣянные озимью, выравненные, скошенные луга, фабричныя трубы или сады и огороды. Вездѣ воздѣланная земля и строенія.

— Да гдѣ же у нихъ пустырь-то? Гдѣ же болота? — дивился Николай Ивановичъ.

Въ вагонъ пришелъ кондукторъ ревизовать билеты.

— Бирь тринкенъ... Гдѣ можно бирь тринкенъ и

поѣсть что-нибудь? — приставалъ къ нему Николай Ивановичъ.

— Эссенъ, эссенъ... — пояснила Глафира Семеновна и покраснѣла, что заговорила по-нѣмецки. — Биръ тринкенъ, тэ тринкенъ, кафе тринкенъ и эссенъ? — продолжалъ она.

Кондукторъ понялъ, что у него спрашиваютъ, и отвѣчалъ:

— Königsberg... Königsberg werden Sie zwölf Minuten stehen...

— Поняли, поняли. Зеръ гуть. Въ Кенигсбергѣ двѣнадцать минутъ. Ну, вотъ это я понимаю! Это какъ слѣдуетъ. Это по-человѣчески! — обрадовался Николай Ивановичъ.

Смеркалось. Супруги съ нетерпѣніемъ ждали Кенигсберга. Но вотъ поѣздъ сталъ останавливаться. Показался большой вокзалъ, ярко освѣщенный.

— Königsberg! — возгласилъ кондукторъ.

— Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то!

Пассажиры высыпали изъ вагоновъ. Выскочили и Николай Ивановичъ съ Глафирой Семеновной. У станціи стояли сразу три поѣзда. Толпился народъ. Одни входили въ вагоны, другіе выходили. Носильщики несли и везли сундуки и саквояжи. Шумъ, говоръ, свистки, звонки, постукиваніе молотковъ о колеса.

— Вотъ адъ-то! — невольно вырвалось у Николая Ивановича. — Да тутъ живымъ манеромъ растеряешься. Постой, Глаша, надо замѣтить, изъ котораго поѣзда мы вышли, а то потомъ какъ-бы не попасть въ чужой поѣздъ. Видишь, нашъ поѣздъ посрединѣ стоитъ, а на боковыхъ рельсахъ — это чужіе поѣзда. Ну, пойдемъ скорѣй въ буфетъ.

Они бѣгутъ, натыкаются на носильщиковъ. Вотъ и буфетъ. Разставлены столы. На столахъ въ тарелкахъ супъ. „Табельдотъ по три марки съ персоны“, читаетъ Глафира Семеновна нѣмецкую надпись надъ столомъ.

— Полный обѣдъ есть здѣсь за три марки. Занимай скорѣй мѣста, — говоритъ она мужу.

Тотъ быстро отодвигаетъ стулья отъ стола и хочетъ

състь, но лакей отстраняетъ его отъ стола и что-то бор-мочетъ по-нѣмецки. Николай Ивановичъ выпучиваетъ на него глаза.

— Ви? Васъ? Мы ѣсть хотимъ... Эссенъ... ми-тагъ эссенъ, — говоритъ Глафира Семеновна.

Лакей упоминаетъ слово „телеграмма“. Подходятъ двое мужчинъ, говорятъ лакею свою фамилію и зани-маютъ мѣста за столомъ, на которыя рассчитывалъ Николай Ивановичъ.

— Что-жъ это такое! — негодуетъ Николай Ива-новичъ. — Ждали, ждали ѣды, пріѣхали на станцію и ѣсть не даютъ, не позволяютъ садиться! Однимъ можно за столъ садиться, а другимъ нельзя! Я такія-же деньги за проѣздъ плачу!

Лакей опять возражаетъ ему, упоминая про теле-грамму. За столомъ, наконецъ, находится какой-то русскій. Видя, что двое его соотечественниковъ не могутъ понять, что отъ нихъ требуютъ, онъ старается разъяснить имъ.

— Здѣсь табльдотъ по заказу... Нужно было обѣдъ заранѣе телеграммой заказать, — говоритъ онъ. — Вы изволили прислать сюда телеграмму съ дороги?

— Какъ телеграмму? Обѣдъ-то по телеграммѣ? Ну, порядки! Глаша! Слышишь? — обращается Нико-лай Ивановичъ къ женѣ. — Очень вамъ благодаренъ, что объяснили, — говоритъ онъ русскому. — Но мы ѣсть и пить хотимъ. Неужели-же здѣсь безъ теле-граммы ничего ни съѣсть, ни выпить нельзя?

— Вы по картѣ можете заказать. По картѣ что угодно...

— Эй! Прислуживающій! Человѣкъ! Эссенъ! Что-нибудь эссенъ скорѣй и биръ тринкенъ! — вопить Николай Ивановичъ. — Цвей порціи.

Появляется лакей, ведетъ его и супругу къ дру-гому столу, отодвигаетъ для нихъ стулья и подаетъ карту.

— Гдѣ тутъ карту разсматривать, братецъ ты мой! Давай двѣ котлеты или два бифштекса.

— Zwei Koteleten? О, ja... — отвѣчаетъ лакей и бѣжитъ за требуемымъ, но въ это время входитъ

желѣзнодорожный сторожъ и произносить что-то по-нѣмецки, упоминая Берлинъ.

Пассажиры вскакиваютъ изъ-за стола и принимаются разсчитываться.

— Что-же это такое, Господи! Неужто-же поѣздъ отправляется? Вѣдь эдакъ не пивши, ни ѣвши уѣзжать надо. Берлинъ? — спрашиваетъ онъ сторожа.

— Берлинъ, — отвѣчаетъ тотъ.

— Глаша! Бѣжимъ! А то опоздаемъ!

Мужъ и жена вскакиваютъ изъ-за стола. Появляется лакей съ двумя котлетами.

— Некогда, некогда! — кричитъ ему Николай Ивановичъ. — Давай скорѣй эти двѣ котлеты. Мы съ собою возьмемъ... Клади въ носовой платокъ... Вотъ такъ... Глаша! Тащи со стола хлѣба.. Въ вагонъ поѣдимъ. Человѣкъ! Меншъ! Получай... Вотъ двѣ полтины... Мало? Вотъ еще третья. Глаша! Скорѣй, а то опоздаемъ. Ну, порядки!..

Мужъ и жена бѣгутъ изъ буфета.

— Николай Ивановичъ! Николай Ивановичъ! У меня юбка сваливается! — говоритъ на бѣгу жена.

— Не до юбокъ тутъ, матушка. Бѣги!

Они выбѣжали изъ буфета, бросились къ поѣзду и вскочили въ вагонъ.

V.

Глаша! Гдѣ-же наши подушки, гдѣ-же наши саквояжи?—воскликнулъ Николай Ивановичъ, очутившись вмѣстѣ съ женой въ вагонъ.

— Боже мой, украли!.. Неужто украли?—всплеснула руками Глафира Семеновна.—Или украли, или мы мы не въ тотъ вагонъ сѣли. Такъ и есть, не въ тотъ вагонъ. Тотъ вагонъ былъ съ сѣрой, а этотъ съ какой-то рыжей обивкой. Выходи скорѣй, выскакивай!

Николай Ивановичъ бросился къ запертымъ снаружи дверямъ купэ, быстро отворилъ окно и закричалъ:

— Эй, херъ... херъ кондукторъ... Отворите... Мы не въ тотъ вагонъ попали!

Но поѣздъ уже тронулся и быстро ускорялъ свой ходъ. На крикъ никто не обратилъ вниманія.

Какой-то нѣмецъ въ войлочной шапкѣ, сидѣвшій съ ними въ купѣ, видя ихъ безпокойство, спросилъ ихъ что-то по-нѣмецки, но они не поняли и только вытаращили глаза. Нѣмецъ повторилъ вопросъ и прибавилъ слово „Гамбургъ“.

Постой... Мы даже, кажется, не въ тотъ поѣздъ сѣли. Нѣмецъ что-то про Гамбургъ толкуетъ,— испуганно проговорила Глафира Семеновна, обращаясь къ мужу.

— Да что ты... Вотъ уха-то! Спроси-же его, куда мы ѣдемъ. Вѣдь можешь-же ты хоть про это-то спросить?! Вѣдь ты все-таки чему-же нибудь училась въ пансіонѣ.

Испугъ придалъ Глафирѣ Семеновнѣ энергии. Она подумала, сложила кой-какъ въ умѣ нѣмецкую фразу и задала вопросъ нѣмцу:

— Инъ Берлинъ виръ фаренъ? Берлинъ этотъ вагонъ?

— Nein, Madame, wir fahren nach Gamburg.

— Какъ нахъ Гамбургъ? А Берлинъ?

Нѣмецъ отрицательно покачалъ головой и опять что-то пробормоталъ по-нѣмецки.

— Да, конечно-же, не въ томъ поѣздѣ ѣдемъ, — чуть не сквозь слезы сказала Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ досадливо почесалъ затылокъ.

— Ну, переплетъ! Бѣда безъ языка! — вырвалось у Николая Ивановича.

— Въ Гамбургъ, въ Гамбургъ ѣдемъ... въ Гамбургъ,—твердила Глафира Семеновна.

— Да спроси ты у нѣмца-то поосновательнѣе. Можетъ быть, поѣздъ-то гамбургскій, а Берлинъ по дорогѣ будетъ.

— Какъ я спрошу, ежели я не умѣю! Спрашивай самъ.

— Чему-же ты училась въ пансіонѣ?

— А ты чему учился у своихъ нѣмцевъ-колони-стовъ и чухонцевъ?

— Я учился въ лавкѣ, продавая парусину, желѣзо

и веревки. За меня въ пансіонъ разнымъ мадамъ деньги не платили. Я счетъ по-нѣмецки знаю, хмельныя слова знаю.

— Ты хмельныя, а я комнатныя. Про поѣзда насъ ничего не учили.

Супруги уже начали ссориться, размахивая руками, но, наконецъ, Николай Ивановичъ плюнулъ, оттолкнулъ отъ себя жену, подсѣлъ къ нѣмцу и показалъ ему свои проѣздные билеты. Нѣмецъ посмотрѣлъ ихъ и опять отрицательно покачалъ головой.

— Nein. Das ist nicht das. Die Fuhrkarten sind nach Berlin, aber wir fahren nach Gamburg.

— Да Берлинъ-то будетъ по дорогѣ, или нѣтъ? Вотъ что я васъ спрашиваю! — раздраженно крикнулъ Николай Ивановичъ. Ну, можетъ быть, такъ, что сначала Берлинъ, а нахеръ Гамбургъ или сначала Гамбургъ, а нахеръ Берлинъ. Нихъ ферштейнъ.

— O, ja... ich versteche... Berlin ist dort und Gamburg ist dort. Von Dirschau sind zwei Zweigen.

Нѣмецъ показалъ жестами въ двѣ противоположныя стороны.

— Здравствуйте! Даже и не въ ту сторону и ѣдемъ-то,—отскочилъ отъ нѣмца Николай Ивановичъ, понявъ, что по дорогѣ не будетъ Берлина. А гдѣ этотъ самый Гамбургъ? Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ! Можетъ быть, на краю свѣта!

Глафира Семеновна сидѣла, держа въ рукѣ котлеты, завернутыя въ носовой платокъ, и плакала.

— Зачѣмъ же намъ въ Гамбургъ-то ѣхать? Мы выйдемъ вонъ изъ вагона на первой-же станціи,—говорила она.

— А чортъ ихъ знаетъ, будетъ-ли еще по дорогѣ станція-то, да и выпустятъ-ли насъ изъ этого вагона. Видишь какіе у нихъ вездѣ дурацкіе порядки. Можетъ быть, изъ вагона-то вплоть до Гамбурга и не выпустятъ. А заплати деньги сполна, да и поѣзжай.

— Попросимся, чтобы выпустили. Скажемъ, что по ошибкѣ не въ тотъ поѣздъ попали.

— Попросимся, скажемъ... А кто будетъ говорить, ежели по-нѣмецки ты ни аза въ глаза, а я еще меньше? Въ Гамбургъ! На кой песь, спрашивается, намъ этотъ Гамбургъ,—горячился Николай Ивановичъ, но, увидавъ уже рыдающую жену, понизилъ голосъ и прибавилъ: — Не реви... Утри глаза платкомъ и сиди безъ слезъ.

— Какъ-же я могу утереться платкомъ, ежели у меня въ носовомъ платкѣ котлеты! Вѣдь весь платокъ у меня въ подливкѣ. Самъ-же ты въ Кенигсбергъ на станціи въ мой носовой платокъ котлеты съ двухъ тарелокъ вываливалъ,—отвѣчала жена.

— Вынь изъ саквояжа чистый платокъ. Нехорошо въ слезахъ. Вонъ нѣмецъ смотритъ.

— Да, вѣдь, саквояжи въ томъ поѣздѣ остались.

— Тьфу!.. И то.. Совсѣмъ спутался. Вотъ наказаніе-то! Ну, возьми мой платокъ и вытрись моимъ платкомъ.

— Лучше-же я кончикомъ отъ своего платка... Кончикъ не замаранъ.

Вошелъ кондукторъ визировать билеты, увидалъ у супруговъ не тѣ билеты, заговорилъ что-то по-нѣмецки и, наконецъ, возвыся голосъ, раскричался.

— Weg, weg! Sie müssen bald umsteigen und die Strafe zahlen, — кричалъ онъ.

— Про штрафъ говорить. Штрафъ возьмутъ, — пробормоталъ Николай Ивановичъ женѣ и, обратясь къ кондуктору, спросилъ: — Да геень-то все-таки можно? Изъ вагона-то можно геень?... Выпустятъ насъ на станціи?

— Какъ манъ на станціи веггеень? — поправила мужа жена.

— О, ja... ja... Bald wird die Station und Sie müssen fort.

— Что онъ говоритъ? — интересовался Николай Ивановичъ.

— Говоритъ, что сейчасъ будетъ станція и насъ высадятъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!

Поѣздъ уменьшилъ ходъ и, наконецъ, остановился. Супруги не вышли, а выскочили изъ вагона, словно изъ тюрьмы. Кондукторъ сдалъ ихъ начальнику станціи, свистнулъ, вскочилъ на подножку вагона, и поѣздъ опять помчался.

VI.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна стояли передъ начальникомъ станціи, совали ему свои билеты и ждали надъ собой суда.

Начальникъ станціи, длинный и тощій, какъ хлысть, въ красной фуражкѣ и съ сигарой въ зубахъ, глубоко-мысленно сталъ разсматривать сунутую ему книжку билетовъ прямого сообщенія до Парижа.

— Бите, загензи, васъ махень? Васъ махень? — спрашивала въ свою очередь Глафира Семеновна.

— Ага! заговорила по-нѣмецки! Заставила нужда калачи ѣсть! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, съ какимъ-то злорадствомъ подмигивая женѣ.

— Заговорила потому, что обыкновенныя комнатныя слова потребовались. Комнатныя слова я отлично знаю. Васъ махень? Васъ махень? — повторяла она передъ начальникомъ станціи.

Тотъ понялъ вопросъ, важно поднялъ голову и заговорилъ по-нѣмецки. Говорилъ онъ съ толкомъ, съ разстановкой, наставительно, часто упоминалъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Диршау, слово „Schnellzug“ и сопровождалъ все это пояснительными жестами. Глафира Семеновна, морщась отъ табачнаго дыма, который онъ пускалъ ей прямо въ лицо, внимательно слушала, стараясь не проронить ни слова.

— Поняла? — спросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Да, конечно-же, поняла. Слова самая обыкновенныя. Штрафъ, купить билеты и ѣхать обратно въ этотъ проклятый Кенигсбергъ.

— А когда, когда поѣздъ-то въ Кенигсбергъ пойдетъ? Спроси его по-нѣмецки. Вѣдь, можешь.

— Ви филь урь поѣздъ инъ Кенигсбергъ?

— Nach zwei Stunden, Madame.

— Что онъ говорить?

— Не понимаю. Ви филь уръ? Уръ, уръ? — твердила она и показывала на часы.

— Um zehn Uhr, nach zwei Stunden.

Начальникъ станціи вынулъ свои карманные часы и показалъ на цифру десять.

— Черезъ два часа можно ѣхать? Отлично. Бери, мусью, штрафъ и отпусти скорѣй душу на покаяніе! — воскликнулъ радостно Николай Ивановичъ, опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда нѣсколько золотыхъ монетъ и серебряныхъ марокъ и протянулъ ихъ на ладони начальнику станціи. — Бери, бери... Отбирай самъ, сколько слѣдуетъ, и давай намъ билеты до Кенигсберга. Сколько нѣмецкихъ полтинъ надо, столько и бери.

— Немензи, немензи штрафъ ундъ фюръ билетъ, фюръ цвей билетъ, — подтвердила жена. — Виръ висенъ нихтъ вашъ гельдъ. Немензи...

Начальникъ станціи осклабилъ свое серьезное лицо въ улыбку и, отсчитавъ себѣ нѣсколько марокъ, прибавилъ:

— Hier ist Wartenzimmer mit Speisesaal, wo Sie Können essen und trinken...

— Тринкенъ? — еще радостнѣе воскликнулъ Николай Ивановичъ и схватилъ начальника станціи подъ руку. — Мосье! Пойдемъ вмѣстѣ тринкенъ. Биръ тринкенъ, шнапсъ тринкенъ. Коммензи тринкенъ... Биръ тринкенъ... Хоть вы и нѣмецъ, а все-таки выпьемъ вмѣстѣ. Съ радости выпьемъ. Давно я тринкенъ дожидаюсь. Пойдемъ, пойдемъ. Нечего упираться-то... Комензи, — тащилъ онъ его въ буфетъ.

Черезъ пять минутъ начальникъ станціи и супруги сидѣли за столомъ въ буфетѣ.

— Шнапсъ! Биръ... Живо! — командовалъ Николай Ивановичъ кельнеру.

— Бифштексъ! Котлету! — приказывала Глафира Семеновна. — Тэ... кафе... бутерброды... Да побольше бутербродовъ. Филь бутербродовъ...

Столъ установился яствами и питіями. Появился

кюмель, появилось пиво, появились бутерброды съ сыромъ и ветчиной, кофе со сливками. Начальникъ станціи сидѣлъ, какъ аршинъ проглотивши, не измѣняя серьезнаго выраженія лица, и, выпивъ кюмелю, потягивалъ изъ кружки пиво.

— Водка-то у васъ, херъ, очень сладкая—кюмель,— говорилъ Николай Ивановичъ, чокаясь съ начальникомъ станціи своей кружкой. — Вѣдь такой водки рюмку выпьешь, да и претить она начнетъ. Неужто у васъ здѣсь въ Нѣметчинѣ нѣтъ простой русской водки? Русишь водка? Нейнъ? Нейнъ? Русишь водка?

Нѣмецъ пробормоталъ что-то по-нѣмецки и залпомъ dokonчилъ кружку.

— Анкоръ! Человѣкъ! Анкоръ... Меншъ... Еще цвей биръ!.. — кричалъ Николай Ивановичъ.

Появились новыя кружки. Николай Ивановичъ выпилъ залпомъ.

Нѣмецъ улыбнулся и выпилъ тоже залпомъ.

— Люблю, люблю за это! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и лѣзь обнимать нѣмца. — Еще биръ тринкенъ. Цвей биръ тринкенъ.

Нѣмецъ не возражалъ, пожалъ руку Николая Ивановича и предложилъ ему сигару изъ своего портсигара.

— Постой, я его спрошу, какъ намъ съ нашими подушками и саквояжами быть, что въ поѣздѣ уѣхали. Вѣдь не пропадать-же имъ, — сказала Глафира Семеновна.

— А можешь?

— Да вотъ попробую. Слова-то тутъ не мудреныя.

— Понатужься, Глаша, понатужься...

— Загензи бите, во истъ наши саквояжъ и подушки? Мы саквояжъ и подушки ферлоренъ. То-есть не ферлоренъ, нихтъ ферлоренъ, а нашъ багажъ, нашъ саквояжъ въ поѣздѣ остался... Багажъ въ цугъ остался, — обратилась она къ нѣмцу. — Нихтъ ферштеенъ?

И дивное дѣло—нѣмецъ понялъ.

— О, ja ich verstehe, Madame. Вы говорите про багажъ, который поѣхалъ изъ Кенигсберга въ Берлинъ? Багажъ вашъ вы получите въ Берлинъ, — заговорилъ

онъ по-нѣмецки. — Нужно только телеграфировать. Nein, nein, das wird nicht verloren werden.

Поняла нѣмца и Глафира Семеновна, услыхавъ слова: „wird nicht verloren werden, telegrafiren“.

— Багажъ нашъ не пропадетъ, ежели мы будемъ телеграфировать, — сказала она мужу. — Намъ въ Берлинъ его выдадутъ.

— Такъ пусть онъ телеграфируетъ, а мы съ нимъ за это бутылку мадеры выпьемъ.. Херъ... Телеграфирензи, а я скажу данке и, мы будемъ тринкенъ, мадера тринкенъ.

— О, ja, mit Vergnügen, — проговорилъ нѣмецъ, взялъ деньги и, поднявшись съ мѣста, пошелъ на телеграфъ.

Черезъ пять минутъ онъ вернулся и принесъ квитанцію.

— Hier jetzt seien Sie nicht bange, — сказалъ онъ и потрепалъ Николая Ивановича по плечу.

— Вотъ за это данке, такъ данке! Человѣкъ! Меншъ! Эйне фляше мадера! — крикнулъ тотъ и, обратясь къ нѣмцу, спросилъ: — Тринкенъ мадера?

— О, ja, Kellner, bringen Sie...

— Кельнеръ! Кельнеръ! А я и забылъ, какъ по-нѣмецки прислуживающій-то называется. Кельнеръ! Мадера!

Появилась мадера и была выпита. Лица у начальника станціи и у Николая Ивановича покраснѣлись. Оба были уже на второмъ взводѣ, оба говорили одинъ по-нѣмецки, другой по-русски, и оба не понимали другъ друга.

Передъ прибытіемъ поѣзда, отправляющагося въ Кенигсбергъ, они вышли на платформу и дружественно похлопывали другъ друга по плечу. Николай Ивановичъ лѣзъ обниматься и цѣловаться, но начальникъ станціи пятился. Когда поѣздъ подѣхалъ къ платформѣ, начальникъ станціи распростился съ Николаемъ Ивановичемъ и на этотъ разъ поцѣловался съ нимъ, посадилъ его въ вагонъ и крикнулъ:

— Glückliche Reise!

Поѣздъ помчался.

VII.

Поѣздъ мчался къ Кенигсбергу, куда начальникъ станціи неизвѣстно для чего отправилъ обратно супруговъ, такъ какъ и на той станціи, гдѣ они пили съ иимъ пиво и мадеру, можно-бы было дожидаться прямого берлинскаго поѣзда, который не миновалъ бы станціи. Очевидно, тутъ было какое-то недоразумѣніе, и начальникъ станціи и супруги не поняли другъ друга.

Николай Ивановичъ сидѣлъ съ женой въ купѣ и твердилъ:

— Кенигсбергъ, Кенигсбергъ . . . Надѣлалъ онъ намъ переполоху! Въ гробъ лягу, а не забуду этого города, чтобъ ему ни дна, ни крыши! И навѣрное, жидовскій городъ.

— Почему ты такъ думаешь? — спросила жена.

— Да вотъ, собственно, изъ-за „берга“. Всѣ жиды — „берги“: Розенберги, Тутенберги, Ейзенберги, Таненберги. Удивительно, что я прежде про этотъ заграничный городъ ничего не слыхалъ. Новый, какой, что-ли?

— Нѣтъ, мы про него въ пансіонѣ даже въ географіи учили.

— Отчего-же ты мнѣ про него раньше ничего не сказала? Я бы и остерегся.

— Да что-же я тебѣ скажу?

— А вотъ то, что въ немъ обычай, что по телеграфу обѣды заказывать надо. Навѣрное, ужъ про это-то въ географіи сказано . . . Иначе на что-же тогда географія? Вѣдь географію-то для путешествія учатъ.

— Ничего въ нашей географіи ни про обѣды, ни про телеграммы сказано не было. Я очень чудесно помню.

Николай Ивановичъ скорчилъ гримасу и проворчалъ.

— Хорошъ, значить, пансіонъ былъ! Изъ нѣмецкаго языка только комнатнымъ словамъ обучали, а изъ географіи ничего про обѣды не учили. Самаго то главнаго и не учили.

— Кенигсбергъ! — крикнулъ кондукторъ, заглянувъ въ купѣ, и отобралъ билеты до Кенигсберга.

Черезъ минуту поѣздъ остановился. Опять освѣ-

щенный вокзалъ, опять столовая съ снующими отъ стола къ столу кельнерами, разносящими кружки пива. Первымъ дѣломъ пришлось справляться, когда идетъ поѣздъ въ Берлинъ. Для вѣрности супруги обращались къ каждому желѣзнодорожному сторожу, къ каждому кельнеру, показывали свои билеты и спрашивали:

— Берлинъ? Ви филь урь? Берлинъ?

Оказалось, что поѣздъ въ Берлинъ пойдетъ черезъ два часа. Всѣ говорили въ одинъ голосъ. Несловохотливымъ или спѣшащимъ куда-нибудь Николай Ивановичъ совалъ въ руку по „гривеннику“, какъ онъ выражался, то-есть по десяти пфениговъ—и уста ихъ отверзались. Нѣкоторые, однако, не совѣтовали ѣхать съ этимъ поѣздомъ, такъ какъ этотъ поѣздъ идетъ не прямо въ Берлинъ — придется пересаживаться изъ вагона въ вагонъ, и указывали на слѣдующій поѣздъ, который пойдетъ черезъ пять часовъ, но супруги, разумѣется, ничего этого не поняли.

Das ist Bummelzug und bis Berlin müssen Sie zwei Mal umsteigen,—твердилъ Николаю Ивановичу какой-то желѣзнодорожный сторожъ, получившій на кружку пива.—Bummelzug. Haben Sie verstanden?

— Данке, данке... Цвей урь ждать? Ну подождемъ цвей урь. Это наплевать. Тѣмъ временемъ пивца можно выпить,—и отъ полноты чувствъ Николай Ивановичъ потрясъ сторожа за руку. — Какъ я, Глаша, по-нѣмецки-то говорить научился! — отнесся онъ къ женѣ. — Ну, теперь можно и пивца выпить. Надѣюсь, что ужъ хоть пиво-то можно безъ телеграммы пить. Пиво не ѣда.

Супруги усѣлись къ столу.

— Кельнеръ! Цвей биръ! — крикнулъ Николай Ивановичъ.

Подали пиво.

— Безъ телеграммы,—крикнулъ онъ женѣ. — Попробовать развѣ и по бутерброду съѣсть. Можетъ быть, тоже безъ телеграммы.

— Да по телеграммѣ только обѣды — табльдотъ, а что по картѣ, то безъ телеграммы,—отвѣчала жена.—

Вѣдь русскій-то, прошлый разъ сидѣвшій за столомъ, явственно тебѣ объяснилъ.

— Ну?! Въ такомъ разѣ я закажу себѣ селянку на сковородкѣ. Ъсть смерть хочется. Какъ по-нѣмецки селянка на сковородкѣ?

— Да почему-же я-то знаю!

— Постой, я самъ спрошу. Кельнеръ! Хабензи селянка на сковородкѣ? — обратился Николай Ивановичъ къ кельнеру.

Тотъ выпучилъ на него глаза.

— Селянка, — повторилъ Николай Ивановичъ. — Сборная селянка... Капуста, ветчина, почки, дичина тамъ всякая. Нихтъ ферштейнъ? Ничего не понимаетъ. Глаша! Ну, какъ отварной поросенокъ подъ хрѣномъ? Спрошу хотя поросенка.

Жена задумалась.

— Неужто и этого не знаешь?

— Постой... Знаю... Свинья — швейнъ. А вотъ поросенокъ-то...

— Ребеночка отъ швейнъ хабензи? — спрашивалъ Николай Ивановичъ кельнера.

— Швейнбратенъ? О! я... — отвѣчалъ кельнеръ.

— Да не брата намъ надо, а дитю отъ швейнъ.

— Дитя—по-нѣмецки—киндъ,—вмѣшалась жена.— Постой я спрошу. Швейнкиндъ хабензи? — задала она вопросъ кельнеру.

— Постой, постой... Только швейнкиндъ отварной, холодный...

— Кальтъ,—прибавила жена.

— Да съ сметаной и съ хрѣномъ. Хабензи?

— Nein, mein Herr,—отвѣчалъ кельнеръ, еле удерживая смѣхъ.

— Ну, вотъ видишь, стало-быть и по картѣ ничего нельзя потребовать безъ телеграммы. Говорятъ—нейнъ,—подмигнулъ женѣ Николай Ивановичъ. — Ну, порядки!

— А ты дай ему на чай, такъ, можетъ быть, будетъ и можно,—совѣтовала жена.—Сунь ему въ руку. За двугривенный все сдѣлаеть.

— А въ самомъ дѣлѣ попробовать?! Кельнеръ,

немензи вотъ на тѣ и брингензи швейнkindъ. Бери, бери... Чего ты? Никто не увидить. Будто по телеграммѣ,—совалъ Николай Ивановичъ кельнеру двѣ десяти-пфениговыя монеты.

Кельнеръ не взялъ.

— Nein, mein Herr, Ich habe schon gesagt, dasz wir haben nicht.

— Не беретъ... Значить, у нихъ строго и нельзя.

— Такъ спроси хоть бутербродовъ съ сыромъ. Можетъ быть, бутерброды можно, — сказала жена.—И мнѣ что-то ѣсть хочется.

— А бутерброды можно безъ телеграммы?— снова обратился Николай Ивановичъ къ кельнеру.

— Бутербродъ митъ кезе и митъ флейшъ, — прибавила жена.

— O, ja, Madame.

— Ну, слава Богу!—воскликнулъ Николай Ивановичъ и принялся за пиво.—То-есть, скажи у насъ въ рынкѣ кому угодно, что есть въ Нѣметчинѣ такой городъ, гдѣ прїѣзжающимъ на станціи сбѣдать и ужинать только по телеграммамъ даютъ—рѣшительно никто не повѣритъ,—разсуждалъ онъ, разводя отъ удивленія руками.

VIII.

Поѣздъ, котораго ожидали Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, чтобы ѣхать въ Берлинъ, долженъ былъ придти въ Кенигсбергъ въ часъ ночи. Лишь только часовая стрѣлка на часахъ въ буфетѣ показала половину перваго, какъ уже супруги встрепенулись и стали собираться выходить на платформу.

— Скорѣй, Глаша, скорѣй, а то какъ бы не опоздать. Чортъ ихъ знаетъ, какіе у нихъ тутъ порядки! Можетъ быть, и раньше поѣздъ придетъ. А ужъ на платформѣ будемъ стоять, такъ не опоздаемъ, — торопиль Николай Ивановичъ жену. — Какъ подойдетъ поѣздъ, такъ и вскочимъ. Ну, живо!

Ровно въ часъ къ платформѣ подошелъ поѣздъ

и выпустилъ пассажировъ. Супруги ринулись къ вагонамъ и вскочили въ первое попавшееся купэ. Тамъ уже сидѣли два нѣмца—одинъ тощій, другой—толстый.

— Херъ... Бите...—обратился къ нимъ Николай Ивановичъ.—Васъ истъ дасъ? Берлинъ?

— О, ја. Man kann auch nach Berlin fahren,—далъ отвѣтъ толстякъ.

— Берлинъ? Слава Тебѣ, Господи!

Заглянулъ въ окно кондукторъ и спросилъ билеты. Посмотрѣвъ на билеты супруговъ, онъ сказалъ:

— In Dirschau müssen Sie umsteigen.

— Глаша! Что онъ сказалъ?

— Песъ его знаетъ, что,—отвѣчала жена и задала вопросъ кондуктору: — Берлинъ?

— Ja, ja...—Aber in Dirschau werden Sie umsteigen,—повторилъ кондукторъ. — Этотъ вагонъ отъ Диршау пойдетъ на Данцигъ, а въ Диршау вы сядете въ другой поѣздъ, который пойдетъ въ Берлинъ,—прибавилъ онъ также по-нѣмецки, но супруги изъ всего этого поняли только слово „Берлинъ“.

— Не ошиблись: Берлинъ,—кивнулъ женѣ Николай Ивановичъ.

Свистокъ, отклики на паровозѣ и поѣздъ помчался.

— Любопытно-бы было знать, въ которомъ часу мы будемъ завтра въ Берлинъ?—говорила Глафира Семеновна мужу.

— А ты понатужься да и спроси воть у этого толстенькаго нѣмца. У него лицо основательное.

Глафира Семеновна сообразила, беззвучно пошевелила нѣсколько разъ губами и спросила:

— Берлинъ ви филь урь?

— Ganz genau, Madame, kann ich nicht sagen. Am Morgen werden Sie in Berlin sein.

— Что онъ, Глаша, говоритъ?

Глафира Семеновна, понявшая только слово „моргенъ“ и переведшая его по-русски словомъ „завтра“, отвѣчала:

— Говорить, что завтра, а про часъ ничего не сказалъ. Что завтра-то, такъ мы и сами знаемъ.

— Такъ ты переспроси. Или постой, я переспрошу. Берлинъ ви филь уръ?

Нѣмецъ развелъ руками.

— Um wie viel Uhr, das weiss ich nicht, aber ich weiss nur, dasz am Morgen früh...

— Тьфу пропасть! Опять: завтра.

На слѣдующей станціи тотъ-же вопросъ былъ предложенъ кондуктору. Кондукторъ отвѣчалъ по-нѣмецки:

— Я ѣзжу до Данцига. Это другая вѣтвь. Про Берлинъ не могу сказать, — и опять прибавилъ слово „моргенъ“, то-есть „утромъ“, но супруги опять-таки перевели это слово словомъ „завтра“.

И опять помчался поѣздъ, останавливаясь на минуту и на двѣ на станціяхъ. Въ вагонъ заглядывали кондукторы, простригали, отрывали клочки и цѣлые билеты изъ книжки прямого сообщенія и всякій разъ предупреждали, что въ Диршау придется пересѣсть въ другой поѣздъ, твердя: „in Dirschau müssen Sie umsteigen“. Супруги затвердили уже и слова „Диршау“ и „умштейгенъ“, но все-таки не могли понять, что они обозначаютъ.

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое говоритъ: „дырша да умштейгенъ“! — разводилъ всякій разъ руками Николай Ивановичъ и съ досады плевалъ.

— Не горячись, не горячись. Вѣдь уже всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что ѣдемъ мы въ берлинскомъ вагонѣ и въ Берлинъ, стало быть, горячиться тутъ нечего. Пускай ихъ, что хотятъ говорятъ. Только бы благополучно доѣхать, — останавливала его Глафира Семеновна, стараясь успокоить.

Супругъ, наконецъ, успокоился, и началъ дремать.

IX.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился.

Застукали желѣзные молотки о чугунныя колеса вагоновъ, засуетились кондукторы, распахивая дверцы

вагоновъ купэ. Слышались возгласы: „Dirschau, Dirschau! Drei Minuten“ . . . Глафира Семеновна спокойно сидѣла около открытой двери купэ и смотрѣла на платформу, по которой сновали носильщики съ багажомъ, катились телѣжки съ ящиками и тюками, суетилась публика, размахивая руками съ зонтиками, баульчиками, связкой пледа. Николай Ивановичъ спалъ, похрапывая самымъ аппетитнымъ образомъ. Вдругъ къ ихъ купэ подбѣжалъ кондукторъ, нѣсколько минутъ тому назадъ ревизовавшій ихъ билеты, и поспѣшно воскликнулъ, обращаясь къ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Madame, was sitzen Sie denn? Sie reisen nach Berlin, also hier müssen Sie umsteigen! Das ist schon Dirschau.

Глафира Семеновна ничего не поняла и, не шевелясь, смотрѣла во всѣ глаза.

— Dirschau! Müssen umsteigen! — повторилъ кондукторъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій ее выйти изъ вагона. — Schneller! Schneller! Umsonst werden Sie nach Danzig fahren.

— Коля! Да проснись-же! Смотри, что онъ говоритъ! — засуетилась Глафира Семеновна, расталкивая мужа.

Тотъ проснулся и потягивался. Кондукторъ кричалъ: „schnell, schnell“ и показывалъ, что надо выходить изъ вагона.

— Коля! Да прочухайся-же! Онъ махаетъ и показываетъ, чтобы мы выходили изъ вагона, — продолжала Глафира Семеновна. — Поломалось что-нибудь, что-ли?

— Да почему-же я-то знаю! — зѣвалъ Николай Ивановичъ во всю ширину рта. — Спроси. Вѣдь ты все-таки лучше меня знаешь нѣмецкій языкъ.

— Виръ инъ Берлинь, — сказала кондуктору Глафира Семеновна.

— Ja, ja. Nach Berlin. Also hier müssen Sie umsteigen und weiter fahren. Gott im Himmel! Was thun Sie denn? Es bleibt nur eine Halbe Minute. Weg von Waggon.

И опять жестъ, приглашающій выйти изъ вагона.

Николая Ивановича кондукторъ даже схватилъ за руку и потянулъ къ двери.

— Чортъ его знаетъ, куда онъ меня тащить? — упирался тотъ. — Приѣхали, что-ли? Херъ кондукторъ, Берлинъ?

— Ja, ja... Berlin... Schneller! Schneller!

— Глаша! Вообрази, въ Берлинъ приѣхали! Вотъ такъ штука! — восклицалъ Николай Ивановичъ, вытянутый уже кондукторомъ на платформу.

— Да что ты?

— Schneller, schneller, Madame! Um Gottes willen, schneller.

— Выходи скорѣй! Вотъ неожиданность-то! Думали что завтра приѣдемъ въ Берлинъ, а приѣхали ночью.

Выскочила изъ вагона и Глафира Семеновна, но все еще не вѣрила и спрашивала кондуктора:

— Берлинъ? Берлинъ?

— Да, да... Отсюда вы должны ѣхать. Поѣздъ вамъ укажутъ, — отвѣчалъ тотъ по-нѣмецки.

Николай Ивановичъ совалъ ему въ руку два „нѣмецкихъ гривенника“ и говорилъ:

— Данке, очень данке... Спасибо, что предупредили.

Кондукторъ захлопнулъ дверцы купэ. Раздался свистокъ, и поѣздъ помчался.

— Вотъ неожиданность-то! Приѣхали, въ Берлинъ приѣхали! — бормоталъ Николай Ивановичъ на платформѣ. Какъ-же нѣмцы-то намъ все твердили, что моргенъ, моргенъ, то-есть завтра.

— Да вѣдь ужъ оно завтра и есть. Вѣдь говорили-то намъ вчера. Ежели по часамъ судить, то теперь ужъ завтра, потому утро, — отвѣчала супруга. — Ну, пойдѣмъ. Надо въ гостиницу ѣхать. Вѣдь мы рѣшили сутки пробыть въ Берлинѣ и посмотрѣть городъ.

Они двинулись къ станціоннымъ дверямъ. Въ окна виднѣлся буфетъ и снующіе кельнеры.

— Вокзалишка-то неважный, — говорилъ Николай Ивановичъ, переступая порогъ станціоннаго дома. — Я думалъ, что въ Берлинѣ ужъ и не вѣсть какой шикар-

ный вокзалъ. Будешь что-нибудь ѣсть и пить на станціи?

— Какое теперь питье и ѣда. Только бы скорѣй до постели. Поѣдемъ скорѣе въ гостиницу. Вонъ гостиничный швейцаръ стоитъ и у него на шапкѣ „Готель де-Берлинъ“ написано. Поѣдемъ съ нимъ. Навѣрное, у нихъ карета. Онъ намъ и нашъ багажъ выправить. Дай ему квитанцію.

— Надо вѣдь еще про саквояжъ и подушки справиться, которые мы въ томъ прежнемъ поѣздѣ оставили. Вѣдь ужъ телеграмму нашу они навѣрное получили.

— Завтра справимся, завтра. Какая теперь справка! Поѣдемъ скорѣй въ гостиницу. Даже и насчетъ багажа можно завтра утромъ. Гдѣ теперь хлопотать! Завтра встанемъ и пошлемъ съ квитанціей. Швейцаръ и насчетъ подушекъ, саквояжей справится. Марья Ивановна говорила, что въ Берлинѣ въ гостиницахъ есть такіе лакеи, которые говорятъ по-русски. Вотъ такому и объяснимъ все основательно.

Николай Ивановичъ подошелъ къ гостиничному швейцару съ надписью на шапкѣ и крикнулъ.

— Готель-де-Берлинъ! Номеръ? Есть номера?

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Was für ein Nummer fragen Sie mein Herr?

— Комнату намъ нужно... Циммеръ, — пояснила Глафира Семеновна.

Швейцаръ встрепенулся.

— Ein Logement wünschen Sie? Ein Zimmer? O, ja, Madame, bitte... Haben Sie Koffer? Bagage?

— Багажъ моргенъ, моргенъ. Шнель инъ готель. Виръ воленъ шляфенъ...

— Bagage kann man bald kriegen. Geben Sie nur die Quittung.

— Нейнъ... Багажъ моргенъ...

— Also, bitte, Madame.

Швейцаръ вывелъ супруговъ со станціи и повелъ по плохо освѣщенной улицѣ. Это удивило Николая Ивановича.

— Да въ Берлинъ-ли ужъ мы пріѣхали? Не пере-

путались-ли опять какъ? Чортъ его знаетъ, можетъ быть, кондукторъ и въ насмѣшку намъ навралъ, — говорилъ онъ. — Мнѣ рассказывали, что Берлинъ залитъ газомъ. Кромѣ того, электрическое освѣщеніе. А здѣсь смотри, какая темень.

— Берлинъ? — спросила Глафира Семеновна швейцара.

— О, я, мадамъ. Готель де-Берлинъ, — отвѣчалъ швейцаръ, думая, что его спрашиваютъ, изъ какой онъ гостиницы.

— И этотъ отвѣчаетъ, что Берлинъ. Странно. А улица совсѣмъ темная. Только кой-гдѣ фонарикъ блеститъ. Да и народу-то на улицѣ не видать. Ни народу, ни извозчиковъ, — дивился Николай Ивановичъ.

Швейцаръ остановился около запертаго, однимъ фонаремъ освѣщеннаго подъѣзда, и позвонилъ. Дверь распахнули. Вышелъ непрезентабельный человѣкъ съ заспаннымъ лицомъ и въ сѣромъ пиджакѣ и повелъ Николая Ивановича и Глафиру Семеновну во второй этажъ показывать комнату.

— Drei Mark, — сказалъ онъ.

— Три марки. Это, стало быть, три нѣмецкія полтины, — соображалъ Николай Ивановичъ, оглядывая довольно чистенькую комнату о двухъ кроватяхъ, и отвѣтилъ непрезентабельному человѣку: — Ну, гуть.

Черезъ полчаса Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна покоились уже крѣпчайшимъ сномъ въ номерѣ „Гостиницы Берлинъ“, находящейся на главной улицѣ маленькаго нѣмецкаго городка Диршау. Засыпая, Николай Ивановичъ говорилъ женѣ:

— То-есть такъ радъ, что и сказать не умѣю, что я попалъ, наконецъ, въ Берлинъ.

— И я тоже, — отвѣчала жена.

Х.

Глафира Семеновна утромъ проснулась первой, открыла глаза, потянулась подъ жиденькимъ пуховикомъ, замѣняющимъ въ Германіи теплое одѣяло, и проговорила:

— Николай Ивановичъ, ты не спишь?

Въ отвѣтъ на это послышался легкій всхрапъ и скрипнула кровать. Николай Ивановичъ перевернулся на другой бокъ.

— Коля, вставай. Пора вставать. Смотри, какъ мы проспали: одиннадцатый часъ. Когда-же мы будемъ осматривать городъ? Вѣдь надо умыться, одѣться, чаю выпить, послать за нашимъ багажомъ и отыскать наши саквояжи и подушки. Вѣдь здѣсь, въ Берлинѣ, мы рѣшили пробить только одинъ день.

Николай Ивановичъ что-то промычалъ, но не пошевелился. Жена продолжала его будить:

— Вставай! Проспишь полдня, такъ много-ли тогда намъ останется сегодня на осмотръ города?

— Сегодня не осмотримъ, такъ завтра осмотримъ. Куда торопиться? Надъ нами не каплетъ, — пробормоталъ мужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ какъ ты тамъ хочешь, а въ нѣмецкой землѣ я больше одного дня не останусь! Поѣдемъ скорѣй въ Парижъ. Что это за земля, помилуйте! Ни позавтракать, ни пообѣдать нельзя настоящимъ манеромъ безъ телеграммы. Питайся одними бутербродами. Къ сухоѣденію я не привыкла.

Черезъ нѣсколько минутъ супруги умылись, были одѣты и звонили кельнера. Тотъ явился, поклонился и всталъ въ почтительной позѣ.

— Самоваръ, — обратился къ нему Николай Ивановичъ. — А тѣ не надо. Тѣ у насъ есть. Цукеръ также есть.

Кельнеръ глядѣлъ на него во всѣ глаза и, наконецъ, спросилъ:

— Thee wünschen Sie, mein Herr?

— Не тѣ, а просто самоваръ безъ цукеръ и безъ тѣ. Глаша, какъ самоваръ по-нѣмецки?

— Постой... Пусть ужъ просто чай несетъ. Можетъ быть, самоваръ принесетъ?

— Да зачѣмъ-же, ежели у насъ есть свой чай?

— Ничего. Гдѣ тутъ съ нимъ объясняться! Видишь, онъ ничего не понимаетъ изъ нашего разговора. Брингензи тѣ на двоихъ. Тѣ фюръ цвей.

Явился чай, но безъ самовара. Кипятокъ или, лучше сказать, теплую воду подали въ большомъ молочномъ кувшинѣ.

— А самоваръ? Ферштеензи: самоваръ, — спрашивала Глафира Семеновна. — Самоваръ мить угли... съ углями... съ огнемъ... мить фейеръ, — старалась она пояснить и даже издала губами звуки—пуфъ, пуфъ, пуфъ, изображая вылетающій изъ-подъ крышки самовара паръ.

— Sie wünschen Theemaschine.—Кельнеръ улыбнулся.

— Да, да... Я, я.. Тэмашине, — подхватила Глафира Семеновна. — Вотъ поди-жь-ты, какое слово забыла. А вѣдь прежде знала. Тэмашине.

— Theemaschine haben wir nicht, Madame. Das wird selten gefragt bei uns.

— Нейнъ?

— Nein,—отрицательно потрясъ головой кельнеръ.

— Извольте видѣть, нѣтъ у нихъ самовара! Ну, Берлинъ! Въ хорошей гостиницѣ даже самовара нѣтъ, тогда какъ у насъ на каждомъ постояломъ дворѣ. Ну, а кипятокъ откуда-же мы возьмемъ? Хейсъ вассеръ?

— Hier, — указалъ кельнеръ на кувшинъ.

— Здѣсь? Да это какой-же кипятокъ! Это просто чуть тепленькая водица. Даже и паръ отъ него не идетъ. Намъ нуженъ кипятокъ, ферштеензи—кипятокъ, хейсъ вассеръ. И, наконецъ, тутъ мало. Тутъ и на двѣ чашки для двоихъ не хватитъ, а мы хотимъ филь, много, мы будемъ пить по пяти, по шести чашекъ. Ферштеензи—фюнфъ, зехсъ тассе.

— Брось, Глаша. Ну, ихъ къ лѣшему. Какъ-нибудь и такъ напьемся. Видишь, здѣсь въ Нѣметчинѣ все наоборотъ, все шиворотъ-навыворотъ: на перинахъ не спятъ, а перинами покрываются, кипятокъ подаютъ не въ чайникахъ-арбузахъ, а въ молочникахъ, — перебилъ жену Николай Ивановичъ.

— И обѣдаютъ по телеграммамъ, — прибавила та. — Геензи, — кивнула она кельнеру, давая знать, чтобы онъ удалился, но вдругъ вспомнила и остановила его. — Или нѣтъ, постойте. Намъ нужно получить

нашъ багажъ со станціи. Багаже бекоменъ. Вотъ квитанція... Хиръ квитанецъ, — подала она кельнеру бумажку. — Манъ канъ?

— О, ja, Madame, — отвѣчалъ кельнеръ, принимая квитанцію.

— Ну, такъ брингензи... Да вотъ еще квитанцъ отъ телеграмма...

Супруги принялись пить чай и истребляютъ бутерброды съ сыромъ и телятиной. Послышался стукъ въ дверь, и кельнеръ вернулся. Въ рукѣ онъ держалъ квитанціи и улыбался.

— Мы сейчасъ разглядѣли въ конторѣ квитанціи. По этимъ квитанціямъ вы можете получить вашъ багажъ и вещи только въ Берлинѣ, а не здѣсь, — сказалъ онъ по-нѣмецки, кладя квитанціи на столъ.

Супруги въ недоумѣніи глядѣли на него и не понимали, что онъ говоритъ.

— Коля, ты не понялъ, что онъ говоритъ? — спросила мужа Глафира Семеновна. — Я рѣшительно ничего не понимаю.

— А мнѣ-то откуда-же понимать, ежели я нѣмецкимъ словамъ въ лавкѣ отъ чухонъ учился.

— Дуракъ! — выбранилась жена и, обратясь къ кельнеру, сказала:

— Брингензи, брингензи багаже. Мы заплатимъ.

— Das kann man nicht, Madame. Das werden Sie in Berlin kriegen.

— Ну, да, инъ Берлинъ. Вѣдь мы въ Берлинѣ. Виръ инъ Берлинъ, виръ зитценъ инъ Берлинъ. Хиръ Берлинъ.

— Hier ist Dirschau, Madame... Stadt Dirschau...

Глафира Семеновна начала соображать и вспыхнула.

— Какъ Диршау? Какой штатъ Диршау?! — воскликнула она. — Берлинъ!

— Nein, Madame.

Кельнеръ снялъ со стѣны карту гостиницы, поднесъ къ Глафирѣ Семеновнѣ и указалъ на заголовокъ, гдѣ было напечатано по-нѣмецки: Hotel de Berlin in Dirschau. Читать по-нѣмецки Глафира Семеновна умѣла, она прочла и вскрикнула:

— Николай Ивановичъ! Да знаешь-ли ты, что мы пріѣхали не въ Берлинъ, а въ какой-то городъ Диршау?

— Да что ты... Неужели?... — пробормоталъ Николай Ивановичъ, разинулъ ротъ отъ удивленія и сталъ скоблить затылокъ.

ХІ.

— Ну, что-жъ это такое! Вѣдь ужъ это совсѣмъ изъ рукъ вонь! Вѣдь это ни на что не похоже! — сердилась Глафира Семеновна, всплескивая руками и бѣгая по комнатѣ. Вотъ ужъ сколько времени ѣдемъ въ Берлинъ, колесимъ и все въ него попасть не можемъ. Второй разъ не въ то мѣсто попадаемъ. Диршау... Какой это такой Диршау? Гдѣ онъ? — остановилась она въ попросительной позѣ передъ Николаемъ Ивановичемъ.

Тотъ попрежнему сидѣлъ, досадливо кряхтѣлъ и чесалъ затылокъ.

— Николай Ивановичъ, я васъ спрашиваю! Что вы идоломъ-то сидите! Гдѣ это такой Диршау? Въ какой онъ такой мѣстности? Можетъ быть, мы опять не по той желѣзной дорогѣ поѣхали?

— Да почему-же я-то знаю, матушка! — отвѣчалъ мужъ.

— Однако, вы все-таки въ Коммерческомъ училищѣ учились.

— Всего только полтора года пробылъ, да и то гамъ всей моей науки только и было, что я на клиросѣ дискантомъ пѣлъ, да въ классѣ въ стальные перья игралъ. А ты вотъ четыре года въ пансіонѣ у мадамы по стульямъ елозила, да и то ничего не знаешь.

— Наша наука была дамская: мы танцовать учились, да кошельки бисерные вязать и поздравленія въ Рождество, въ день ангела папенькѣ и маменькѣ писать; такъ откуда-же мнѣ о какомъ-то Диршау знать! Справьтесь-же, наконецъ, какъ намъ отсюда въ Берлинъ попасть! Навѣрное, мы въ какое-нибудь нѣмецкое мѣстечко заѣхали, потому что здѣсь въ гостиницѣ самовара нѣтъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Вотъ закуска-то! — схватился Николай Ивановичъ за голову. — Ну, переплетъ! Господи Боже мой, да скоро-ли-же кончатся всѣ эти нѣмецкія мученія! Я увѣренъ, что во французской землѣ лучше и тамъ люди по-человѣчески живутъ. А все-таки надо ѣхать въ Берлинъ,—сказалъ онъ и прибавилъ:—Ну, вотъ что... До Берлина мы только доѣдемъ, возьмемъ тамъ на станціи нашъ багажъ и сейчасъ-же въ Парижъ. Согласна?

— Да какъ-же не согласна-то! Мы только ѣдемъ по Нѣметчинѣ и нигдѣ въ ней настоящимъ манеромъ не останавливаемся, а ужъ и то она мнѣ успѣла надобѣсть хуже горькой рѣдьки. Скорѣй въ Парижъ, скорѣй! Николай Ивановичъ позвонилъ кельнера.

— Сколько гельдъ за все происшествіе? Ви филь?—спросилъ онъ, указывая на комнату и на сервировку чая.—Мы ѣдемъ въ Берлинъ. Скорѣй счетъ.

Кельнеръ побѣждалъ за счетомъ и принесъ его. Николай Ивановичъ подалъ золотой. Ему сдали сдачи.

— Сколько взяли? — спрашивала Глафира Семеновна мужа.

— Да кто-жъ ихъ знаетъ! Развѣ у нихъ разберешь? Сколько хотѣли, столько и взяли. Вонъ счетъ-то, бери его съ собой. Въ вагонѣ на досугѣ разберешь, ежели сможешь. Скорѣй, Глафира Семеновна! Скорѣй! Надѣвай пальто и идемъ.

Супруги одѣлись и вышли изъ комнаты. Кельнеръ стоялъ и ждалъ подачи на чай.

И Николай Ивановичъ показалъ кельнеру кулакъ.

— Mein Herr! Was machen Sie!—попятился кельнеръ.

— Ничего, мейнъ херъ! Не заманивай. Мы явственно спрашивали, Берлинъ-ли это или не Берлинъ.

— Да вѣдь не у него, а у швейцара.

— Одна шайка. Проѣзжающихъ тутъ у нихъ нѣтъ—вотъ они давай надувать народъ.

Глафира Семеновна, однако, сжалилась надъ кельнеромъ, обернулась и сунула ему въ руку два „гривенника“.

Вышли на подъѣздъ. Кланялся швейцаръ, ожидая подачи.

— Я тебя, мерзавецъ! — кинулъ ему Николай Ивановичъ. — Ты благодари Бога, что я тебѣ бока не обломалъ.

— Да брось. Ну, чего тутъ? Вѣдь нужно будетъ у него спросить, гдѣ тутъ желѣзная дорога, по которой въ Берлинъ надо ѣхать, — остановила мужа Глафира Семеновна, сунула швейцару два „гривенника“, и спросила:—Во исть ейзенбанъ инъ Берлинъ?

— Это здѣсь, мадамъ. Это недалеко. Дорога въ Берлинъ та-же самая, по которой вы къ намъ пріѣхали, — отвѣчалъ швейцаръ по-нѣмецки, указывая на виднѣющееся въ концѣ улицы сѣренькое зданіе.

— На ту-же самую станцію указываетъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Вретъ, вретъ, Глаша, не слушай. А то опять захороводимся.

— Да вѣдь мы на станціи-то опять спросимъ. Спросимъ и провѣримъ. Языкъ до Кіева доведетъ.

— Насъ-то онъ что-то не больно-то доводитъ. Ну, двигайся.

На станціи опять разспросы словами и пантомимами. Кое-какъ добились, что поѣздъ идетъ черезъ полтора часа.

— Ой, врутъ! Ой, надуваютъ! Ужъ такое это нѣмецкое сословіе надувательное! — говорилъ Николай Ивановичъ.—Ты, Глаша, спроси еще.

И опять разспросы. Отвѣтъ былъ тотъ-же самый.

— Да поняла-ли ты настоящимъ манеромъ? — все сомнѣвался Николай Ивановичъ.

— Да какъ-же не понять-то. Три человѣка часы вынимали и прямо на цифры указывали, когда поѣздъ въ Берлинъ идетъ. Вѣдь я цифры-то знаю.

— Да въ Берлинъ-ли? Не заѣхать-бы опять въ какой-нибудь новый Диршау...

— Въ вагонѣ будемъ спрашивать.

Промаячивъ на станціи полтора часа и все еще разспрашивая у cadaго встрѣчнаго о поѣздѣ въ Берлинъ, супруги, наконецъ, очутились въ вагонѣ. Ихъ усадилъ какой-то сердобольный желѣзнодорожный сторожъ, видя ихъ замѣшательство и безпокойное бѣганье по вокзалу.

— Да инъ Берлинъ-ли?—снова спросилъ Николай Ивановичъ, суя ему въ руку два „гривенника“. — Виръ Берлинъ?

— Berlin, Berlin. Direct nach Berlin, — отвѣтилъ сторожъ.

Поѣздъ тронулся.

— Доѣдемъ до Берлина, никуда не попадая, — свѣчку въ рубль поставлю,—произнесъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, дай-то Богъ!—пробормотала Глафира Семеновна и украдкой перекрестилась.

XII.

Путь отъ Диршау до Берлина Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна проѣхали безъ особенныхъ приключеній.

Въ Берлинъ пріѣхали вечеромъ. Поѣздъ, проходя надъ улицами и минуя громадныя дома съ вывѣсками, въѣхалъ, наконецъ, въ блестяще освѣщенный электричествомъ вокзалъ и остановился.

— Вотъ онъ, Берлинъ-то! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Тутъ ужъ, и не спрашивая, можно догадаться, что это Берлинъ. Смотри, въ вокзалъ-то какая толкотня. Словно въ Нижнемъ во время ярмарки подъ главнымъ домомъ,—обратился онъ къ женѣ. — Ну, выходи скорѣй изъ вагона, а то дальше куда-нибудь увезутъ.

Они вышли изъ вагона.

— Багаже гдѣ можно взять? Багаже? — сунулъ Николай Ивановичъ какому-то сторожу квитанцію.

— Weiter, mein Herr,—отмахнулся тотъ и указалъ куда-то рукой.

— Багаже... — сунулся Николай Ивановичъ къ другому сторожу и опять тотъ-же отвѣтъ.

Пришлось выйти къ самому выходу изъ вокзала. Тамъ около дверей стояли швейцары гостиницъ, съ мѣдными бляхами на фуражкахъ, и приглашали къ себѣ путешественниковъ, выкрикивая названіе своей гости-

ницы. Одинъ изъ такихъ швейцаровъ, заслыша русскій разговоръ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, прямо обратился къ нимъ на ломанномъ русскомъ языкѣ:

— Въ нашъ готель говорятъ по-русски. Въ нашъ готель первая рангъ комната отъ два марка до двадцать марка!

— Глаша! слышишь! По русски болтаетъ! — радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ и чуть не бросился къ швейцару на шею:—Голубчикъ! Намъ багажъ надо получить. По-нѣмецки мы ни въ зубъ, и ужъ претерпѣли въ дорогѣ отъ этого, яко ювъ много-страдальный! Три нѣмецкихъ полтинника на чай, выручи только откуда-нибудь багажъ.

— Можно, можно, ваше превосходительство. Давайте вашъ квитунгъ и садитесь въ наша карета, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Вотъ квитанція. Да кромѣ того, надо саквояжи и подушки получить. Мы растерялись въ дорогѣ и забыли въ вагонѣ всѣ наши вещи.

Николай Ивановичъ передалъ швейцару происшествіе съ саквояжами.

— Все сдѣлаю. Садитесь прежде въ наша карета,—приглашалъ швейцаръ.

ХІІІ.

— Ну, ужъ ты какъ хочешь, Николай Ивановичъ, а я здѣсь въ Берлинѣ больше одной ночи ни за что не останусь. Чтобъ завтра же въ Парижъ ѣхать! Съ первымъ поѣздомъ ѣхать,—говорила Глафира Семеновна.— Нѣмецкая земля положительно намъ не ко двору. Помилуйте, что это за земля такая, гдѣ куда ни сунешься, навѣрное не въ то мѣсто попадешь.

— Да ужъ ладно, ладно, завтра поѣдемъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Пиво здѣсь хорошо. Только изъ-за пива и побывать стоитъ. Пива сегодня попьемъ вволю, а завтра поѣдемъ.

— Я даже и теперь-то сомнѣваюсь, туда-ли мы попали, куда слѣдуетъ.

— Однако, ты видишь, по какимъ мы богатымъ улицамъ ѣдемъ. Все газомъ и электричествомъ залито.

— А все-таки ты спроси у швейцара-то еще разъ:—Берлинъ-ли это?

Николай Ивановичъ поднялъ стекло кареты и высунулся къ сидящему на козлахъ рядомъ съ кучеромъ швейцару.

— Послушайте?... Какъ васъ? Мы вотъ все сомнѣваемся, Берлинъ-ли это?

— Берлинъ, Берлинъ. Вотъ теперь мы ѣдемъ по знаменитая улица Unter den Linden. Подъ Липами, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Что-жъ тутъ знаменитаго, что она подъ липами? У насъ, братъ, въ Петербургѣ этихъ самыхъ липъ на бульварахъ хоть отбавляй, но мы знаменитыми ихъ не считаемъ. Ну, а гдѣ у васъ тутъ самое лучшее пиво?

— Пиво вездѣ хорошо. Лучше берлинскій пиво нѣтъ. Вотъ это знаменитый Бранденбургеръ - Торъ, — указывалъ швейцаръ.

— По-нашему, Триумфальная ворота. Такъ это, братъ, есть и у насъ. Этимъ насъ не удивишь. Вы вотъ ихъ за знаменитыя считаете, а мы ни за что не считаемъ, такъ что даже и стоять то они у насъ въ Петербургѣ на краю города, и мимо ихъ только быковъ на бойню гоняютъ. Скоро пріѣдемъ въ гостиницу?

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше превосходительство.

Карета остановилась около ярко освѣщеннаго подъѣзда гостиницы. Швейцаръ соскочилъ съ козелъ, сталъ высаживать изъ кареты Николая Ивановича и Глафиру Семеновну и ввелъ ихъ въ притворъ. Второй швейцаръ, находившійся въ притворѣ, позвонилъ въ объемистый колоколь. Гдѣ-то откликнулся колоколь съ болѣе нѣжнымъ тономъ. Съ лѣстницы сбѣжалъ кельнеръ во фракѣ.

Супруговъ ввели въ какую-то маленькую комнату. Швейцаръ захлопнулъ стеклянную дверь. Раздался электрическій звонокъ, потомъ легкій свистокъ, и комната начала подниматься, уходя въ темноту.

— Ай, ай!—взвизгнула Глафира Семеновна. Ни-

колай Иванычъ! Голубчикъ! Что это такое? — ухвати-лась она за мужа, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

— Это, мадамъ, подъемный машинъ, — отвѣчалъ голосъ швейцара.

— Не надо намъ, ничего не надо! Отворите!.. Пустите... Я боюсь... Впотьмахъ еще. Богъ знаетъ, что сдѣлается... Выпустите...

— Какъ можно, мадамъ... Теперь нельзя... Теперь можно убиться.

— Николай Иванычъ! Да что-жъ ты молчишь, какъ истуканъ!

Николай Ивановичъ и самъ перепугался. Онъ тяжело отдувался и, наконецъ, проговорилъ:

— Потерпи, Глаша... Уповай на Бога... Куда-нибудь доведемъ.

Черезъ минуту подъемная машина остановилась, и швейцаръ распахнулъ дверцу и сказалъ, „прошу, мадамъ“.

— Тьфу ты, чтобъ вамъ сдохнуть съ вашей проклятой машиной! — плевался Николай Ивановичъ, выходя на площадку лѣстницы и выводя жену. — Сильно перепугалась?

— Ужаси!.. Руки, ноги трясутся. Я думала, и ни вѣсть куда насъ тащатъ. Мѣсто чужое, незнакомое, вокругъ все нѣмцы... Думаю, вотъ-вотъ въ темнотѣ за горло схватятъ.

— Мадамъ, здѣсь отель первый рангъ,—вставилъ замѣчаніе швейцаръ, какъ бы обидѣвшись.

— Плевать я хотѣла на вашъ рангъ! Вы прежде спросите, желаютъ-ли люди въ вашей чортовой люлькѣ качаться. Вамъ только-бы деньги съ проѣзжающихъ за ваши фокусы сорвать. Не плати имъ, Николай Иванычъ, за эту анаѳемскую клѣтку, ничего не плати...

— Мадамъ, мы за подъемную машину ничего не беремъ.

— А не берете, такъ съ васъ нужно брать за безпокойство и испугъ. А вдругъ со мной сдѣлались-бы нервы, и я упала бы въ обморокъ?

— Пардонъ, мадамъ... Мы не хотѣли...

— Намъ братъ, изъ вашего пардона не шубу

шить, — огрызнулся Николай Ивановичъ. — Успокойся, Глаша, успокойся.

— Все-ли еще у меня цѣло? Здѣсь-ли брошка-то бриллиантовая?—ощупывала Глафира Семеновна брошку.

— Да что вы, мадамъ... Кромѣ меня и вашъ супругъ, никого въ подъемный каретъ не было,—конфузился швейцаръ, повель супруговъ по коридору и отворилъ номеръ.

— Вотъ... Изъ вашихъ оконъ будетъ самый лучшій видъ на Паризерплаць.

— Цѣны-то архаровскія, — сказалъ Николай Ивановичъ, заглядывая въ комнату, которую швейцаръ освѣтилъ газовымъ рожкомъ.—Войдемъ, Глаша.

Глафира Семеновна робко переступила порогъ.

— О, Господи! Только-бы переночевать, да вонъ скорѣй изъ этой земли! — бормотала она.

— Ну, такъ и быть, останемся здѣсь, — сказалъ Николай Ивановичъ, садясь въ кресло. — Велите принести наши вещи. А какъ васъ звать? — обратился онъ къ швейцару.

— Франць.

— Ну, херъ Франць, такъ ужъ вы такъ при насъ и будете съ вашимъ русскимъ языкомъ. Три полтины обѣщаль дать на чай за выручку нашихъ вещей на желѣзной дорогѣ, а ежели при насъ сегодня вечеромъ состоятъ будете и завтра насъ въ какой слѣдуетъ настоящій вагонъ посадите, чтобы намъ, не перепутавшись, въ Парижъ ѣхать, то шесть полтинъ дамъ. Согласенъ?

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство. Теперь не прикажете-ли что-нибудь изъ буфета?

— Чайку прежде всего.

— Даже русскій самоваръ можемъ дать.

Швейцаръ позвонилъ, вызвалъ кельнера и сказалъ ему что-то по-нѣмецки.

— Глаша! Слышишь! Даже русскій самоваръ подадутъ, — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ, которая сидѣла насупившись. — Да что ты, дурочка, не бойся. Вѣдь ужъ эта комната неподвижная. Никуда насъ въ ней не потянуть.

— Пожалуйста, за нѣмцевъ не ручайся. Озорники для проѣзжающихъ. Ужъ ежели здѣсь заставляютъ по телеграммамъ обѣдать, то чего-же тебѣ?..

— Ахъ, да... Поужинать-то все-таки сегодня горячимъ будетъ можно?

— О, да... У насъ лучшій кухня.

— И никакой телеграммы посылать сюда не надо? — спросила швейцара Глафира Семеновна.

Швейцаръ посмотрѣлъ на нее удивленно и отвѣчалъ:

— Зачѣмъ телеграмма? Никакой телеграмма.

XIV.

Послѣ того, какъ швейцаръ удалился, кельнеръ подалъ чай и тотъ русскій самоваръ, которымъ похвастался швейцаръ. Глафира Семеновна хоть и была еще все въ тревогѣ отъ испуга на подъемной машинѣ, но при видѣ самовара тотчасъ-же расхохоталась.

— Смотри, смотри.. И это они называютъ русскій самоваръ! Ни трубы, ни поддувала, — обратилась она къ мужу. — Какое-то большое мельхиоровое яйцо съ краномъ, а внизу спиртовая лампа—вотъ и все.

— Брось ужъ. Не видишь развѣ, что здѣсь люди безъ понятія къ русской жизни, — отвѣчалъ презрительно Николай Ивановичъ. — Нѣмцы, хоть ты коль имъ на головѣ теши, такъ ничего не подѣлаешь. Ну, я пока буду умываться, а ты разливай чай. Напьемся чайку и слегка булочками закусимъ, а ужъ на ночь поужинаемъ вплотную.

Напившись чаю, Николай Ивановичъ опять позволилъ швейцара.

— Ну, херъ Францъ, надо намъ будетъ немножко Берлинъ посмотрѣть. Веди, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ни за что я никуда не пойду! — воскликнула Глафира Семеновна. — Еще опять въ какую-нибудь машину въ родѣ подъемной попадешь и перепугаешься.

— Да, что ты, глупая! Херъ Францъ теперь предупредитъ, коли ежели что.

— Да, да, мадамъ. Будьте покойны. Больше ничего не случится, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Пойдемъ, Глаша, — упрашивалъ жену Николай Ивановичъ.

— Ну, хорошо. Только ужъ спускаться я ни за что не буду на вашей подъемной машинѣ.

— Да ужъ и я—слуга покорный, — поддержалъ ее Николай Ивановичъ. — Ну, однако, что-жъ у васъ въ Берлинѣ сегодня вечеромъ посмотрѣть? — обратился онъ къ швейцару.

— Въ театры теперь уже поздно, не поспѣемъ къ началу; но можно побывать въ нашемъ аквариумѣ.

— Ахъ, и у васъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, есть аквариумъ? Глаша! слышишь, и у нихъ въ Берлинѣ есть аквариумъ.

— Нашъ берлинскій аквариумъ—знаменитый аквариумъ. Первый въ Европа.

— Bravo. А кто у васъ тамъ играетъ?

Швейцаръ посмотрѣлъ на него удивленными глазами и отвѣчалъ:

— Рыбы... Рыбы... Рыбы тамъ и амфибиень.

— Да неужели рыбы?

— О, господинъ, тамъ рыбъ много. Есть рыбы съ моря, есть рыбы съ океанъ.

— И играютъ?

— Да, да... играютъ.

— Глаша, слышишь? Въ аквариумѣ-то ихнемъ рыбы играютъ. Надо непременно пойти и послушать.

— Да что ты?... — удивилась Глафира Семеновна.

— Вотъ рассказываетъ. Вѣдь этого въ другой разъ ни за что не услышишь. А кто у нихъ дирижируетъ? Какъ вы сказали? — допытывался Николай Ивановичъ.

— То-есть какъ это? Я ничего не сказалъ, — удивился швейцаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы сказали. Такая нѣмецкая фамилія. Анти... Антиби...

— Я сказалъ, что тамъ есть рыбы и амфибіенъ, — повторилъ швейцаръ.

— Послушаемъ, братъ, херъ Францъ, этого Амфибіена, послушаемъ. Веди насъ. Глаша, одѣвайся! Это недалеко?

— Да почти рядомъ, Unter den Linden, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Ахъ, помню, помню. Ну, Глаша, поворачивайся, а то будетъ поздно. Да вотъ что, херъ Францъ, закажи, братъ, намъ здѣсь въ гостиницѣ ужинъ къ двѣнадцати часамъ, а то боюсь какъ-бы намъ голоднымъ не остаться.

— Зачѣмъ здѣсь?—подмигнулъ Николаю Ивановичу швейцаръ, ободренный его фамильярностью.—Мы найдемъ лучше здѣшняго ресторанъ, веселый ресторанъ.

— Ну, вали! Жарь, вотъ это отлично. Люблю, кто мнѣ потрафляетъ. Глаша!

— Я готова.

Изъ-за алькова вышла Глафира Семеновна въ ватерпруфъ и шляпкѣ, и супруги вышли изъ номера. Сзади ихъ шелъ швейцаръ.

XV.

Глафира Семеновна и Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи швейцара, сошли по лѣстницѣ гостиницы и вышли на улицу, прилегающую къ бульвару Unter den Linden, и вскорѣ свернули на него. Былъ уже девятый часъ вечера; нѣкоторые магазины запирались, потушивъ газъ въ окнахъ, но уличное движеніе не утихало.

— Вотъ нашъ знаменитый акваріумъ, — указалъ швейцаръ на подъѣздъ, освѣщенный электричествомъ.— Пожалуйста наверхъ.

— Какъ наверхъ? Да развѣ у васъ акваріумъ-то не садъ? — удивился Николай Ивановичъ. — У насъ въ саду.

— Какъ возможно въ саду! Тутъ есть такія рыбы

и амфибіенъ, что имъ нужно теплый цонне... теплый климатъ... Вы пальто снимите и отдайте. Будетъ жарко.

— Снимемъ, снимемъ. Ну, поднимайся, Глаша. А я думалъ, Францъ, что у васъ въ акваріумѣ этотъ... какъ его? . Штраусъ, вотъ кто, — вспомнилъ Николай Ивановичъ. — Я думалъ, что у васъ въ акваріумѣ Штраусъ, — продолжалъ онъ.

— Штраусъ на Зоологическій садъ... Тамъ и штраусъ, тамъ и жирафе, тамъ и гиппопотамъ, тамъ и вашъ русскій ейсберъ, ледяной медвѣдь.

Супруги взяли билеты и въ сопровожденіи швейцара вошли въ акваріумъ. Направо и налѣво стеклянные резервуары съ плавающей въ водѣ рыбой. Николай Ивановичъ взглянулъ мелькомъ и сказалъ швейцару:

— Ну, мимо! Чего тутъ простыхъ-то рыбъ разсматривать! Этого добра у насъ въ Петербургѣ въ каждомъ трактирѣ въ садкѣ много плаваетъ. А ты веди къ ученымъ рыбамъ, которыя вотъ музыку-то играютъ.

Швейцаръ покосился на него и повелъ дальше. Показался терраріумъ съ черепахами.

— Вотъ тутъ шильдкрете, — указалъ онъ.

— Черепахи? — заглянула Глафира Семеновна, сморщилась и проговорила: — Фу, какая гадость! Ведите скорѣй насъ къ эстрадѣ-то.

Швейцаръ опять покосился. Онъ недоумѣвалъ, отчего это путешественники пришли въ акваріумъ и ни на что смотрѣть не хотятъ.

— Мадамъ хочетъ амфибіенъ смотрѣть? — улыбнулся швейцаръ. — А вотъ многія дамы не любятъ на амфибіенъ смотрѣть. Вы храбрый дама... Вотъ начинается амфибіенъ, — указалъ онъ на бассейнъ. — Тутъ крокодилень...

Глафира Семеновна такъ и шарахнулась въ сторону, увидавъ выставившуюся изъ воды голову крокодила.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — заплевалась она. — И какъ вамъ не стыдно на такую гадость указывать! Мы

васъ просимъ, чтобы вы насъ къ Амфибіену вашему вели, а вы, какъ на зло...

— Да вѣдь это амфибіенъ и есть...—началь было швейцарь.

— Дальше, дальше, Францъ! Что это въ самомъ дѣлѣ! Тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ, что мы не желаемъ этой дряни смотрѣть! — крикнулъ Николай Ивановичъ.

Швейцарь недоумѣвалъ.

— Мадамъ просить амфибіенъ...

— Ну, такъ и веди къ нему! А ты какихъ-то ящерицъ да лягушекъ показываешь.

Сдѣлали еще поворотъ.

— Вотъ,—указалъ швейцарь.

За стекломъ изъ-подъ камня выставилась громад-ная змѣя, обвила сукъ дерева и, поднимая голову, открывала пасть. Увидавъ ее, Глафира Семеновна пронзительно взвизгнула и бросилась къ мужу.

— Коля! Голубчикъ! Уведи меня скорѣй!.. Не могу, не могу... Ты знаешь, я змѣй до страсти боюсь... У меня руки, ноги трясутся. Мнѣ дурно можетъ сдѣлаться.

Она вся нервно тряслась. На глазахъ ея показались слезы.

— Херъ Францъ! Да будетъ-ли этому конецъ? Что это за безобразіе!—закричалъ Николай Ивановичъ на швейцара.—Тебѣ русскимъ языкомъ сказано, что не хотимъ мы смотрѣть этой дряни! Тысячу разъ тебя просятъ, чтобы ты насъ на музыку вель, а ты, чортъ тебя знаетъ, къ чему насъ подводишь!

— На какую музыку?—удивленно спросилъ швейцарь.—Здѣсь никакой музыки нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Да вѣдь это акваріумъ?!

— Да, акваріумъ, но музыки нѣтъ.

— Какъ-же можетъ быть акваріумъ безъ музыки? Что ты насъ морочишь-то! Вездѣ акваріумъ съ музыкой... Будто мы не понимаемъ! У насъ въ Петербургѣ тоже акваріумъ съ музыкой.

— А у насъ въ Берлинъ безъ музыкъ...

— Какъ же ты раньше говорилъ намъ, что здѣсь

музыка, что здѣсь даже ученая рыба играютъ, что здѣсь какой-то вашъ нѣмецъ Амфибiенъ оркестромъ дирижируетъ.

— Никогда я этого, ваше превосходительство, не говорилъ.

— Глаша! И онъ еще мнѣ смѣетъ врать въ глаза!

— Говорили вы, говорили. Мы даже сейчасъ васъ спросили про Штрауса, а вы сказали, что Штраусъ дирижируетъ въ Зоологическомъ саду, а здѣсь Амфибiенъ,—подхватила Глафира Семеновна.

— Мадамъ, вы меня не такъ поняли. Никогда я про музыку не говорилъ. Амфибiенъ — звѣри: крокодиленъ, змѣи; штраусъ тоже звѣри—птица.

— Что вы мнѣ про Штрауса-то зубы заговариваете? Штраусъ дирижеръ, капельмейстеръ, музыкантъ, композиторъ. Я сама его вальсы на фортепьянахъ играю.

— Ахъ, да, да... Но тотъ Штраусъ не въ Берлинъ, а въ Вѣнѣ. А я вамъ говорилъ про штраусъ-птица.

— Ну, переплетъ! Нѣтъ, Нѣметчина намъ не ко двору! — прошепталъ Николай Ивановичъ. — Даже и по русски-то говоримъ, такъ другъ друга понять не можемъ. Такъ нѣтъ въ здѣшнемъ аквариумѣ музыки?—спросилъ онъ швейцара.

— Нѣтъ, нѣтъ. Здѣсь звѣри. Амфибiенъ тоже звѣри.

— Никакой музыки нѣтъ?

— Никакой.

— Такъ на кой-же шутъ ты насъ, спрашивается, привелъ сюда? На кой-же шутъ я зря три нѣмецкихъ полтинника въ кассѣ отдалъ, да еще за храненiе платья заплатилъ? Веди назадъ!

Швейцаръ пожалъ плечами и поплелся къ выходу. Сзади слѣдовали Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна.

— Вѣдь ты знаешь, что я не могу смотрѣть на змѣй... Когда я увижу змѣю, у меня дѣлается даже какое-то внутреннее нервное трясенiе, и я становлюсь больна, совсѣмъ больна,—говорила она мужу.

Куда-жъ теперь?—спрашивалъ Николай Ивановичъ Глафиру Семеновну, выходя изъ акваріума на улицу.

Сопровождавшій ихъ швейцаръ хотѣлъ что-то сказать, но Глафира Семеновна раздраженно воскликнула:

— Никуда! Рѣшительно никуда! Съ меня и этого удовольствія довольно. Прямо домой, прямо въ гостиницу, и завтра съ первымъ поѣздомъ въ Парижъ. Не желаю больше по Берлину ходить. А то опять вмѣсто музыки на какую-нибудь змѣю наскочишь. Достаточно. Будетъ съ меня... Угостили въ акваріумѣ... Ну, что-жъ вы стали! Ведите насъ обратно въ гостиницу!—обратилась она къ швейцару.

— Я хотѣлъ предложить для мадамъ...

— Ничего мнѣ предлагать не нужно... Прямо въ гостиницу.

— Глаша! Но зайдемъ хоть въ какую-нибудь биргале пива выпить,—началъ Николай Ивановичъ.

— Пива въ гостиницѣ можете выпить.

И Глафира Семеновна пошла одна впередъ.

— Не туда, мадамъ. Не въ ту сторону... Въ гостиницу направо,—сказалъ швейцаръ.

Она обернулась и перемѣнила направленіе. Николай Ивановичъ и швейцаръ шли сзади.

— А какое веселое мѣсто-то я вамъ хотѣлъ указать,—шепнулъ швейцаръ Николаю Ивановичу. — Тамъ поютъ и играютъ, тамъ можно и поужинать.

— Глаша! Вотъ Францъ хочетъ какое-то мѣсто показать, гдѣ поютъ и играютъ. Тамъ бы и поужинали и пива выпили.

— Опять съ змѣей? Нѣтъ, ужъ благодарю покорно.

— Никакой тамъ змѣи нѣтъ. Тамъ поютъ и играютъ. Тамъ шансонетенъ и оперштюке... Тамъ танцы... Тамъ хорошій кухня и можно хорошій ужинъ получить,—продолжалъ швейцаръ.

— Чтобы змѣи наѣсться? Давеча живую преподнесли, а теперь хотите жареную... Спасибо!

— Уговорите ее, монсье, вашу супругу... Мѣсто

очень веселое... Красивыя женщины есть, — шепнулъ швейцаръ.

— Нѣтъ, ужъ теперь закусила удила, такъ ее не только уговорить, а въ ступѣ не утолочь, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Веди домой и заказывай ужинъ для насъ.

Черезъ четверть часа они были дома. Глафира Семеновна съ сердцемъ сбросила съ себя ватерпруфъ, шляпку, сѣла въ уголь и надулась. Николай Ивановичъ взглянулъ на нее и покачалъ головой. Швейцаръ подалъ ему карту кушаній и отошелъ къ сторонѣ. Николай Ивановичъ повертѣлъ ее въ рукахъ и сказалъ:

— Я, братъ, по-нѣмецки ежели написано, то гляжу въ книгу и вижу фигу, такъ ужъ лучше ты заказывай. Глаша! Ты чего-бы хотѣла поѣсть? — обратился онъ къ женѣ.

— Ничего. У меня голова болитъ.

— Нельзя-же, милый другъ, не ѣвши. Завтра рано утромъ поѣдемъ въ Парижъ, такъ ужъ не успѣемъ до отправленія поѣсть. Въ которомъ часу, Францъ, идетъ поѣздъ въ Парижъ?

— Въ восемь часовъ утра. Вамъ придется на Кельнѣ ѣхать и тамъ будетъ пересадка въ другіе вагоны. Въ Кельнѣ пріѣдете вечеромъ и только въ Кельнѣ можете покушать, а до Кельна поѣздъ нигдѣ не останавливается больше двухъ-трехъ минутъ.

— Ну, вотъ видишь, Глаша; стало бытъ, тебѣ необходимо поклевать съ вечера, — уговаривалъ Николай Ивановичъ жену. — Скажи, чего ты хочешь — вотъ Францъ и закажетъ.

Ужинъ былъ заказанъ. Черезъ часъ его подали въ номеръ. Николай Ивановичъ былъ голоденъ и принялся его ѣсть такъ, что у него только за ушами трещало, а потомъ навалился на пиво. Ёла съ большимъ аппетитомъ и Глафира Семеновна.

Часа черезъ два Николай Ивановичъ, изрядно пьяный, лежалъ на постели и бормоталъ:

— Слава Богу, завтра въ Парижъ. Ужаси, какъ надѣбла Нѣметчина.

Утромъ Николая Ивановича и Глафиру Семеновну разбудили рано, еще только свѣтъ брезжился. Тотчасъ-же появился кофе, тотчасъ-же швейцаръ Францъ принесъ счетъ за пребываніе въ гостиницѣ и сказалъ Николаю Ивановичу:

— Ежели, ваше превосходительство, хотите къ первому поѣзду попасть, то торопитесь: безъ семи минутъ въ восемь отходить.

— Скорѣй, Глаша, скорѣй!.. — засуетился Николай Ивановичъ и принялся расплачиваться. — Ой, ой, какой счетъ-то наворотили! — воскликнулъ онъ, увидавъ въ итогѣ счета цифру тридцать восемь.

— Да вѣдь это, господинъ, тридцать восемь марокъ, а не рублей, — замѣтилъ швейцаръ.

— Еще-бы за одну-то ночь тридцать восемь рублей! Пьянствомъ и буянствомъ не занимались, вина не пили, сидѣли только на пивѣ да вашей нѣмецкой стряпни поѣли. Бифштексъ-то, братъ, былъ навѣрное изъ лошадки. Имъ можно было гвозди въ стѣну вколачивать.

— Что вы, господинъ... У насъ кухня хорошая, провизія первый сортъ.

— Какой бы сортъ ни былъ, а тридцать три полтинника за ѣду и за пиво ужасъ какъ дорого. Вѣдь комната-то всего пять полтинъ стоитъ.

— Нѣтъ, мосье, за кушанье меньше. Тутъ въ тридцати восьми маркахъ пять марокъ за комнату, двѣ марки за сервизъ...

— Какъ, и за сервизъ у васъ берутъ?

— Вездѣ берутъ.

— Глаша! Смотри-ка за сервизъ, на которомъ мы ѣли, взяли. Ну, нѣмцы!

— Это значитъ — за прислугу, — пояснилъ швейцаръ и продолжалъ: — Четыре марки за меня, что я вчера вечеромъ вашимъ проводникомъ былъ, — это значитъ одиннадцать марокъ, марку за свѣчи, марку за лишнюю кровать для вашей супруга...

— Какъ за лишнюю? Да развѣ моя супруга лиш-

ня? Глаша! Слышишь? Тебя за лишнюю считают! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Позвольте, господинъ, позвольте. Комната считается всегда съ одной кроватью, а ежели вторая кровать, то и лишняя марка. Итакъ, вотъ вамъ тринадцать марокъ! Да за омнибусъ со станціи и на станцію четыре марки — семнадцать, стало быть, за супэ всего двадцать одинъ маркъ,—сосчиталъ швейцаръ.

— Фю-ф-фю!—просвисталъ Николай Ивановичъ.— Тридцать восемь полтинъ за одну ночь. Ловко, Глаша! Вѣдь этакъ тысячи-то рублей далеко не хватить, на которую мы хотѣли въ Парижъ на выставку съѣздить и обратно домой пріѣхать.

— Да ужъ рассчитывайся, рассчитывайся! Чего тутъ торговаться! Все равно не уступятъ. Самъ меня торопилъ, а теперь бобы разводишь,—сказала Глафира Семеновна.

— Дай поругаться-то за свои деньги. Ахъ, вы грабители, грабители! А еще говорятъ, что нѣмецкая жизнь дешевая. Нѣтъ, вѣрно, вы объ вашей „экономии“ то только для себя толкуете. Разбойники вы, Францъ. Ну на, получай тридцать восемь полтинъ и вези на желѣзную дорогу.

Николай Ивановичъ звякнулъ по столу золотыми монетами.

— Шесть марокъ вы еще мнѣ на чай обѣщали, ваше превосходительство, такъ прикажете тоже получить?—замѣтилъ швейцаръ.

— За что? Вѣдь самъ-же ты говоришь, что за тебя четыре марки въ счетъ поставлено.

— Четыре марки нашъ готель поставилъ, а вы мнѣ обѣщали, чтобъ я васъ въ поѣздъ посадилъ, чтобъ вамъ не перепутаться. Сначала вы три обѣщали, а потомъ опять три.

Николай Ивановичъ вздохнулъ.

— Ну, получай,—сказалъ онъ. — А только, Бога ради, посади насъ въ такой поѣздъ, чтобъ ужъ намъ не путаться и прямо въ Парижъ ѣхать безъ пересадки.

— Такого поѣзда нѣтъ, монсье. Въ Кельнѣ вамъ все-таки придется пересаживаться въ французскіе ва-

гоны. Въ Кельнѣ вы прїѣдете вечеромъ, два часа будете сидѣть на станціи.

— Ну, значитъ, пиши пропало. Опять перепутаемся! — иронически поклонился Николай Ивановичъ. — Глаша! Слышишь? Въ какомъ-то Кельнѣ придется еще пересаживаться.

— Во французскіе вагоны, такъ ничего. По-французски я могу разговаривать, французскихъ словъ я больше знаю, чѣмъ нѣмецкихъ. Да кромѣ того, у меня въ саквояжѣ французскій словарь есть, — сказала Глафира Семеновна.

Въ половинѣ восьмого часа утра супруги поднимались по лѣстницѣ въ желѣзнодорожный вокзалъ на Фридрихштрассе. Швейцаръ сопровождалъ ихъ.

— Да тутъ-ли, Францъ, туда-ли ты насъ ведешь? — сомнѣвался Николай Ивановичъ. — Это, кажется, та-же самая дорога, по которой мы сюда прїѣхали. Смотри, какъ-бы не перепутаться. Вѣдь намъ нужно въ Парижъ, въ Парижъ.

— Да, да, господинъ. Въ Берлинѣ можно съ одного и того-же вокзала въ какой угодно городъ ѣхать. Здѣсь дороги кругомъ, вокругъ весь Берлинъ... Сюда всѣ поѣзды приходятъ и всѣ поѣзды отходятъ. Въ 7 часовъ 53 минутъ вы сядете въ поѣздъ на Кельнъ.

— Да вѣрно ли? — опять спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, какой вы, господинъ! Да вѣрьте-же мнѣ, вѣдь каждый день гостей изъ гостиницы отправляю.

— Нѣтъ, ты все-таки побожись.

— Ну, вотъ ей-Богу... А только напрасно вы беспокоитесь! У васъ французскія деньги есть-ли на расходъ? Ночью вы переѣдете нѣмецкую границу, и вамъ сейчасъ французскія деньги понадобятся. Вотъ здѣсь у еврея вы можете размѣнять на франки, — указалъ швейцаръ на мѣняльную лавку.

— Нужно, нужно. Русскую сторублевую бумажку здѣсь размѣняютъ?

— Конечно, размѣняютъ. Давайте. А то въ Кельнѣ, такъ какъ вы не понимаете по-нѣмецки, васъ жида

надуть могутъ. А ужъ меня не надуютъ. Я сейчасъ для васъ и счетъ съ фирма спрошу.

Николай Ивановичъ далъ деньги. Швейцаръ подошелъ къ мѣняльной будкѣ и вернулся съ французскими золотыми и серебряными монетами и со счетомъ. Николай Ивановичъ взглянулъ въ счетъ и проговорилъ:

— По тридцати девяти копѣекъ французскіе-то четвертаки купили! Ловко! Вотъ грабежъ-то! Вычистятъ намъ полушубокъ за границей, ой, ой, какъ вычистятъ! — покрутилъ головой Николай Ивановичъ и прибавилъ: — Ну, да ужъ только бы благополучно до Парижа-то доѣхать, нигдѣ не путаясь.

Подлетѣлъ поѣздъ.

— Этого? — быстро спросилъ швейцара Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это въ другое мѣсто. Видите, всего еще только пятьдесятъ одна минута. Вашъ поѣздъ теперь черезъ двѣ минуты.

Свистокъ—и подлетѣвшій поѣздъ уже помчался, но вслѣдъ за нимъ загромыхаль колесами еще поѣздъ.

— Вотъ вашъ поѣздъ, — заговорилъ швейцаръ. — Садитесь скорѣй. Не зѣвайте. Счастливаго пути.

Черезъ минуту супруги уже мчались въ поѣздѣ.

XVIII.

— Нѣтъ, совсѣмъ не рука намъ, русскимъ, эта самая нѣмецкая жизнь! — говорилъ Николай Ивановичъ женѣ, сидя въ мчавшемся вагонѣ. — Тутъ годъ живи, да и то не привыкнешь къ ихъ порядкамъ. Замѣтила ты, какъ поѣздъ-то отправился? Вѣдь ни одного звонка не было. Только что успѣли влѣзть въ вагонъ, кондукторъ свистнулъ—и покатили на всѣхъ рысяхъ. Право, не будь при насъ этого самага Франца, мы бы опять перепутались и попали не въ тотъ поѣздъ. За двѣ-то минуты до нашего поѣзда подлетѣлъ поѣздъ, такъ я и то хотѣлъ въ него вкарабкаться, ежели бы меня Францъ за рукавъ не удержалъ. А поѣздъ то тотъ шелъ въ Вѣну. Ну, кому въ голову придетъ, что по однимъ и

тѣмъ-же рельсамъ въ 7 часовъ и 51 минута можно ѣхать въ Вѣну, а черезъ двѣ минуты въ другомъ поѣздѣ въ Кельнъ! А ужъ спѣшка-то какая! Вотъ кому ежели съ родственниками проститься передъ отходомъ поѣзда, да ежели провожаютъ тебя пять-шесть родственниковъ... Тутъ и одного чмокнуть не успѣешь.

— Ну, это то пустяки, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Начмокайся заранѣе, да и дожидайся поѣзда.

— Не тотъ фасонъ, Глаша, совсѣмъ не тотъ фасонъ. Съ провожающимъ родственникомъ пріятно войти въ вагонъ— „вотъ, моль, гдѣ я сяду“, потомъ честь-честью расцѣловаться, сбѣгать въ буфетъ, опрокинуть на скорую руку по рюмочкѣ, опять вернуться, опять расцѣловаться. Отчего-же это все у насъ дѣлается, а у нихъ спѣшать, словно будто всѣ пассажиры воры или разбойники и спасаются отъ погони! И куда, спрашивается, спѣшить? Вѣдь ужъ рано-ли, поздно-ли будемъ на томъ мѣстѣ, куда ѣдемъ. Знаешь что? Я думаю, что это нѣмцы изъ экономіи, чтобы лишняго куска не съѣсть и лишней кружки пива въ дорогѣ не выпить...

— Да, конечно-же, — согласилась супруга.

— А ужъ пиво у нихъ соблазнительное. Только и хорошаго есть во всей Нѣметчинѣ, что пиво. Пиво— что твой бархатъ.

Николай Ивановичъ бормоталъ, порицая нѣмецкіе порядки, а Глафира Семеновна, вынувъ изъ саквояжа русско-французскій словарь, отыскивала разныя французскія слова, которыя, по ея соображенію, должны будутъ понадобится при вѣздѣ на французскую территорію.

До Кельна доѣхали безъ особенныхъ приключеній, прибывъ на кельнскую станцію часовъ въ 9 вечера. Изъ Кельна въ Парижъ поѣздъ долженъ идти въ полночь. Оставалось много свободнаго времени, и вотъ Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна направились въ буфетъ. Столовая комната была переполнена проезжающими. Кто ждалъ поѣзда въ Парижъ, кто въ Берлинъ, кто въ Майнцъ, кто въ Мюнхенъ. Нѣмецкая рѣчь чередовалась съ французской, цѣдилъ сквозь зубы англичанинъ по-англійски, и вдругъ слышалась русская

рѣчь. Николай Ивановичъ вздрогнулъ и обернулся. Обернулась и Глафира Семеновна. За столомъ передъ бутылкой рейнвейна сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, жирный широколицый человѣкъ, съ жиденькой бородкой, и гладилъ себя пухлой рукой съ бриллиантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ по жирному чреву, на которомъ колыхалась массивная золотая часовая цѣпь съ цѣлой кучей учредительскихъ жетоновъ. Одѣтъ жирный человѣкъ былъ въ сѣрую пиджачную пару купеческаго покроя и имѣлъ на головѣ шляпу котелкомъ. Противъ жирнаго человѣка черезъ столъ помѣщался сѣдой рослый усачъ въ пенснэ, съ сигарой въ зубахъ, въ сильно потертомъ пальто крылаткѣ и въ мягкой поярковой шляпѣ съ широкими полями. Жирный человѣкъ и усачъ разговаривали по-русски.

— Русскіе... — прошепталъ женѣ на ухо Николай Ивановичъ. — Сядемъ за ихъ столъ. Можно познакомиться и кой-о-чемъ поразспросить.

Супруги тотчасъ усѣлись за столъ.

— Кельнеръ! Цвей бифштексъ и цвей биръ! — скомандовалъ Николай Ивановичъ прислугѣ и, обратясь къ жирному человѣку, спросилъ, приподнимая шляпу:— Кажется, тоже русскіе? Изволите въ Парижъ на выставку ѣхать?

— Нѣтъ, ужъ съ выставки, чтобъ ей ни дна, ни покрышки!—отвѣчалъ жирный человѣкъ, не перемѣняя своего положенія. — Теперь обратно въ свои московскія палестины спѣшимъ.

XIX.

Николай Ивановичъ подсѣлъ ближе къ жирному человѣку и его спутнику, усачу, и, сказавъ: „очень пріятно заграницей съ русскими людьми встрѣтиться“, отрекомендовался и отрекомендовалъ жену.

— Коммерціи совѣтникъ и кавалеръ Бездонновъ, — произнесъ въ свою очередь жирный человѣкъ и, указывая на усача, прибавилъ: — А это вотъ господинъ переводчикъ и нашъ собственный адъютантъ.

— Графъ Дмитрій Калининскій, — назвался усачъ и, кивнувъ въ свою очередь на жирнаго человѣка, сказалъ: — Взятся вотъ эту глыбу свозить въ Парижъ на выставку и отцивилизовать, но цивилизаціи онъ у меня не поддастся.

— Это что устриць-то жареныхъ не ѣлъ? Такъ ты бы еще захотѣлъ, чтобъ я лягушекъ маринованныхъ глоталъ!—отвѣчалъ жирный человѣкъ.

— Выставку ругаешь!

— Не ругаю, а говорю, что не стоило изъ-за этого семи верстъ киселя ѣсть ѣхать. Только-то и любопытно, что въ поднебесьѣ на Эйфелевой башнѣ мы выпили и закусили, а остальное все видѣли и въ Москвѣ, на нашей Всероссійской выставкѣ. Одно, что не въ такомъ большомъ размѣрѣ, такъ размѣръ-то меня и раздражалъ. Ходишь, ходишь по какому-нибудь отдѣлу, смотришь, смотришь на все одно и то-же, даже плюнешь. Провалитесь вы совсѣмъ съ вашими кожами или бархатами! Вѣдь все одно и то-же, что у Ивана, что у Степана, что у Сидора, такъ зачѣмъ-же цѣлый огородъ витринъ-то выставлать!

— Вотъ какой странный человѣкъ, — кивнулъ на жирнаго человѣка усачъ. — И все такъ. Въ Парижѣ хлѣбъ отличный, а онъ вдругъ о московскихъ калачахъ стосковался.

— Не странный, а самобытный. Я, братъ, славянофилъ.

— Скажите, пожалуйста, землякъ, гдѣ бы намъ въ Парижѣ остановиться? — спросилъ жирнаго человѣка Николай Ивановичъ. — Хотѣлось бы, чтобъ у станціи сѣсть на извозчика и сказать: пошелъ туда-то. Вы гдѣ останавливались?

— Не знаю, милостивый государь, не знаю. Это все онъ, адъютантъ мой.

— Останавливайтесь тамъ, гдѣ впустятъ, — проговорилъ усачъ. — Какъ гостиница съ свободными номерами попадетса, такъ и останавливайтесь. Мы десять улицъ околесили, пока нашли себѣ помѣщеніе. Занято, занято и занято.

— Глаша, слышишь? Вотъ происшествіе-то! —

отнесся Николай Ивановичъ къ женѣ. — По всему городу придется комнату искать. Бѣда!.. — покрутилъ онъ головой. — Особливо для того бѣда, у кого французскій діалектъ такой, какъ у насъ: на двоихъ три французскихъ слова: бонжуръ, мерси, да буаръ.

— Врешь, врешь! По-французски я словъ больше знаю и даже говорить могу, — откликнулась Глафира Семеновна.

— Добре, кабы такъ. А вотъ помяни мое слово— прїѣдемъ въ Парижъ и прилипне языкъ къ гортани. А позвольте васъ спросить: отсюда до Парижа безъ пересадки насъ повезутъ?—обратился Николай Ивановичъ къ жирному человѣку.—Очень ужъ я боюсь пересадки изъ вагона въ вагонъ. Два раза мы такимъ манеромъ перепутались и не туда попали.

— Ничего не знаю-съ, рѣшительно ничего. Вы графа спросите: онъ меня везъ.

— Безъ пересадки, безъ пересадки. Ложитесь въ спальномъ вагонѣ спать и спите до Парижа. Въ спальномъ вагонѣ васъ и на французской границѣ таможенные чиновники не потревожатъ.

— Вотъ это отлично, вотъ это хорошо! Глаша, надо взять мѣста въ спальныхъ вагонахъ.

— Позвольте-съ, вы не телеграфировали?

— То-есть какъ это?

— Не послали съ дороги телеграмму, что вы желаете имѣть мѣста въ спальномъ вагонѣ? Не послали, такъ мѣстъ не достанете.

— Глаша! Слышишь? Даже и спальные вагоны здѣсь по телеграммѣ! Ну, Нѣметчина! Въ Кенигсбергѣ обѣдать не дали — подавай телеграмму, а здѣсь въ спальный вагонъ безъ телеграммы не пустятъ.

— Такой ужъ порядокъ. Мѣста въ спальныхъ вагонахъ готовятъ заранее по телеграммамъ...

— Позвольте... но въ обыкновенныхъ-то вагонахъ безъ телеграммы все-таки дозволятъ спать?—освѣдомился Николай Ивановичъ.

— Конечно.

— Ну, слава Богу. А я ужъ думалъ ..

Звонокъ. Вошелъ желѣзнодорожный сторожъ и

прокричалъ что-то по-нѣмецки, упоминая „Берлинъ“. Усачъ засуетился.

— Доливай, Петръ Никитичъ, рейнвейнъ-то. Надо въ поѣздъ садиться,—сказалъ онъ жирному человѣку.

Тотъ залпомъ выпилъ стаканъ, отдулся и, поднимаясь, произнесъ:

— Только ужъ ты какъ хочешь, а въ Берлинъ я ни на часъ не остановлюсь. Въ другой поѣздъ — и въ бѣлокаменную.

Вслѣдъ за отходомъ берлинскаго поѣзда возвѣстили объ отправленіи парижскаго поѣзда. Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна засуетились.

— Во? Во? Во цугъ имъ Парижъ?.. — бросилась Глафира Семеновна къ желѣзнодорожному сторожу и сунула ему въ руку два нѣмецкихъ „гривенника“.

— Kommen Sie mit, Madame... Ich werde zeigen,—сказалъ тотъ и повелъ супруговъ къ поѣзду.

Черезъ полчаса Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна мчались въ Парижъ.

XX.

Глухая ночь. Спокойное состояніе духа вслѣдствіе полной увѣренности, что онъ и жена ѣдутъ прямо въ Парижъ безъ пересадки, а также и плотный ужинъ съ возліяніемъ пива и рейнвейна, которымъ Николай Ивановичъ воспользовался въ Кельнѣ, дали ему возможность уснуть въ вагонѣ самымъ богатырскимъ сномъ. Всхрапыванія его были до того сильны, что даже заглушали стукъ колесъ поѣзда и наводили на неспящую Глафиру Семеновну полнѣйшее уныніе. Ей не спалось. Она была въ тревогѣ. Помѣстившись съ мужемъ вдвоемъ въ отдѣльномъ купѣ вагона, она вдругъ вспомнила, что читала въ какомъ-то романѣ, какъ пассажиры, помѣстившіеся въ отдѣльномъ купѣ, были ограблены во время пути злоумышленниками, изранены и выброшены на полотно дороги. Въ романѣ, правда, говорилось про двухъ женщинъ, ѣхавшихъ въ купѣ, — думалось ей, — а она находится въ сообществѣ мужа, стало-быть, муж-

чины, но что-же значить этотъ мужчина, ежели онъ спить, какъ убитый? Какая отъ него можетъ быть защита? Разбойники ворвутся въ купэ, одинъ набросится на спящаго мужа, другой схватитъ ее за горло—и вотъ они погибли. Кричать? Но кто услышитъ? Купэ глухое, не имѣющее сообщенія съ другимъ купэ; входъ въ него съ подножки, находящейся снаружи вагона.

— Николай Иванычъ... — тронула она, наконецъ, за плечо спящаго мужа.

Тотъ пронзительно всхрапнулъ и что-то пробормоталъ, не открывая глазъ.

— Николай Иванычъ, проснись... Я боюсь... потрясла она еще разъ его за рукавъ.

Николай Ивановичъ открылъ глаза и смотрѣлъ на жену посоловѣлымъ взоромъ.

— Приѣхали развѣ куда-нибудь? — спросилъ онъ.

— Не приѣхали, все еще ѣдемъ, но пойми—мнѣ страшно, я боюсь. Ты такъ храпишь безчувственно, а я одна не сплю, и мало-ли что можетъ случиться.

И она рассказала ему про случай въ отдѣльномъ купэ на желѣзной дорогѣ, про который она читала въ романѣ, и прибавила:

— И зачѣмъ это мы сѣли въ отдѣльное купэ?

Николай Ивановичъ тоже задумался.

— Недавно даже писано было, что усыпляютъ на желѣзныхъ дорогахъ разбойники, хлороформомъ усыпляютъ, а ты спишь, какъ убитый, — продолжала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь я чуть-чуть... — оправдывался Николай Ивановичъ.

— Какъ чуть-чуть! Такъ храпѣлъ, что даже стукъ колесъ заглушалъ. Ты ужъ не спи, пожалуйста.

— Не буду, не буду... Я самъ понимаю теперь, что надо держать ухо востро.

— Да конечно-же... Двери снаружи... Войдутъ—меня за горло, тебя за горло—ну, и конецъ. Вѣдь очень хорошо понимаютъ, что въ Парижъ люди ѣдутъ съ деньгами.

— Не пугай, не пугай, пожалуйста, — отвѣчалъ

Николай Ивановичъ, мѣняясь въ лицѣ, и прибавилъ: — И зачѣмъ ты это мнѣ сказала? Ъхаль я спокойно...

— Какъ зачѣмъ? Чтобы ты былъ осторожнѣе.

— Вѣрно, вѣрно. Такъ что-жъ тутъ дѣлать?

— Прежде всего не спи.

— Да ужъ не буду, не буду.

— Потомъ... Вѣдь у тебя есть револьверъ въ саквояжѣ. Зачѣмъ ему быть въ саквояжѣ? Вынь его и положи рядомъ на диванъ — все-таки будетъ спокойно.

— Душечка, да вѣдь револьверъ не заряженъ.

— Такъ заряди его. Зачѣмъ-же возить съ собой револьверъ, ежели имъ не пользоваться?

— Такъ-то оно такъ, но вотъ, видишь-ли, я впопыхахъ патроны дома забылъ.

Глафира Семеновна такъ и всплеснула руками.

— Вотъ дуракъ-то! Видали-ли вы дурака-то! — воскликнула она.

— Да что-жъ ты подѣлаешь, если забылъ! На грѣхъ мастера нѣтъ. Да ты не безпокойся, въ Парижѣ купимъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Еще того лучше! Мы находимся въ опасности по дорогѣ въ Парижъ, а онъ только въ Парижѣ патроны купить!

— Постой, я выну изъ саквояжа свой складной ножъ и открою его. Все-таки оружiе.

— Тогда ужъ выньте и револьверъ и положите его вотъ здѣсь на диванъ. Хоть онъ и не заряженный, а все-таки можетъ служить острасткой тому, кто войдетъ.

Николай Ивановичъ тотчасъ-же слазилъ въ саквояжъ, досталъ револьверъ и складной ножикъ и положилъ на видномъ мѣстѣ.

— Ты, Глаша, бодрись... Богъ милостивъ. Авось и ничего не случится, — успокаивалъ онъ жену.

— Дай-то Богъ, но я должна тебѣ сказать, что когда ты спалъ, и мы останавливались на минуту на какой-то станціи, то къ окну нашего купѣ подходилъ ужъ какой-то громаднаго роста черный мужчина въ шляпѣ съ широкими полями и очень-очень подозри-

тельно посматривалъ. Даже всталъ на подножку и прямо заглянулъ въ наше купэ.

— Да что ты?

— Вѣрно, вѣрно. А видъ у него совсѣмъ разбойницкій, шляпа съ самыми широкими полями, на плечахъ какая-то накидка... Ну, однимъ словомъ, точь-въ-точь, какъ ходятъ разбойники въ здѣшнихъ заграничныхъ земляхъ.

Николай Ивановичъ въ раздумьи чесалъ затылокъ.

— А ужъ потомъ ты его не видала, этого разбойника? — спросилъ онъ жену.

— Да гдѣ-же видѣть-то, ежели мы съ тѣхъ поръ нигдѣ не останавливались? Поездъ уже съ часъ летитъ, какъ птица.

— Бодрись, Глаша, бодрись...

У двери съ наружной стороны кто-то закопошился, что то звякнуло, блеснулъ огонекъ. Николай Ивановичъ вздрогнулъ. Глафира Семеновна поблѣднѣла и забормотала:

— Господи, спаси и помилуй! Возьми, Николай Ивановичъ, револьверъ хоть въ руки. Возьми скорѣй.

Николай Ивановичъ протянулъ руку къ револьверу. Въ это время спустилось стекло купэ, и въ отворенное окно показалась голова кондуктора.

— Bitte Fahrkarten, mein Herr, *) проговорилъ онъ.

Николай Ивановичъ, держа въ одной рукѣ револьверъ и какъ-бы играя имъ, другой рукой подалъ кондуктору билеты и не сводилъ съ него глазъ. Кондукторъ покосился на револьверъ и пробормоталъ:

— Jetzt können Sie bis Verhiers ruhig schlafen. **)

— Видишь, видишь, какая подозрительная рожа! — замѣтила Глафира Семеновна.

— Дѣйствительно подозрительная, — согласился Николай Ивановичъ.

*) Позвольте ваши билеты, господинъ.

**) Теперь вы можете до Верье спать спокойно.

Безпокойство супругов о томъ, что они могутъ быть ограблены въ купэ разбойниками, все усиливалось и усиливалось и, наконецъ, дошло до крайнихъ предѣловъ, когда во время минутной остановки на какой-то станціи дверь купэ отворилась и въ ней показалась гигантская фигура съ дымящейся короткой трубкой во рту, въ широкополой шляпѣ съ тетеревинымъ перомъ, въ венгеркѣ и съ охотничьимъ кинжаломъ за поясомъ. Фигура въ одной рукѣ держала сѣрый непромокаемый плащъ, а въ другой — ружье въ чехлѣ. Глафира Семеновна пронзительно взвизгнула и инстинктивно бросилась отъ фигуры къ противоположной двери купэ. Отскочилъ къ другой двери и Николай Ивановичъ, забывъ даже захватить лежавшій на диванѣ револьверъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и силился отворить изнутри дверь, чтобы выскочить изъ купэ, но дверь была заперта снаружи.

— Кондукторъ, Геръ кондукторъ! — закричалъ онъ не своимъ голосомъ, но гласъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь; фигура влѣзла въ купэ, захлопнула за собою дверь, и поѣздъ снова помчался.

Глафира Семеновна тряслась, какъ въ лихорадкѣ, на глазахъ ея были слезы. Она жалась къ мужу и шептала:

— Разбойникъ... Тотъ самый разбойникъ, который уже заглядывалъ къ намъ въ купэ на одной изъ станцій. Что намъ дѣлать? Въ случаѣ чего, я буду бить стекла и кричать.

Фигура „разбойника“ замѣтила, что она напугала супруговъ, и, вынувъ изо рта трубку, разсыпалась въ извиненіяхъ, мягко заговоривъ по-нѣмецки:

— Bitte, entschuldigen Sie, Madame, dass ich Ihnen gestört habe. Bei uns is Coupe ist fürchterlich besetzt *).

Супруги ничего не поняли и молчали.

— Вы спали и испугались? — освѣдомилась фи-

*) Простите, пожалуйста, мадамъ, что я васъ потревожилъ. Въ нашемъ купэ ужасно тѣсно.

гура по-нѣмецки и прибавила: — Да, я такъ внезапно вошелъ. Пожалуйста, извините и успокойтесь.

И фигура стала приглашать ихъ садиться жестами. Въ это время Николай Ивановичъ замѣтилъ у бедра фигуры двѣ висящія внизъ головами убитыя дикія утки и, сообразивъ, пріободрился и проговорилъ женѣ:

— Кажется, это не разбойникъ, а охотникъ. Видишь, у него утки...

Отлегло нѣсколько отъ сердца и у Глафиры Семеновны, и она, пересиливъ страхъ, отвѣчала:

— А не можетъ развѣ разбойникъ настрѣлять себѣ утокъ?

— Такъ-то оно такъ... Но смотри. . У него лицо добродушное, даже глупое.

— Тебѣ кажется добродушнымъ и глупымъ, а мнѣ страшнымъ. Пожалуйста, будь наготовѣ и не спускай съ него глазъ. Гдѣ-же твой револьверъ? — вспомнила она.

— Ахъ, да... — спохватился Николай Ивановичъ — Вонъ револьверъ лежитъ на диванѣ около того окошка.

— Воинъ! Въ минуту опасности забылъ даже и о револьверѣ.

— Что я подвѣлаю съ этимъ револьверомъ супротивъ его ружья! — шепталъ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь у него ружье въ чехлѣ.

— Въ чехлѣ, да заряжено, а ты вѣдь знаешь, что мой револьверъ безъ патроновъ.

— Все-таки возьми его въ руки... Вѣдь никто не знаетъ, что онъ не заряженъ. Возьми-же.

— Я, Глаша, боюсь подойти. Смотри, у этого чорта какой ножъ за поясомъ.

— Такъ вѣдь и у тебя есть ножикъ. Куда ты его задѣвалъ?

— Я, должно быть, впопыхахъ уронилъ его подъ скамейку.

— Ахъ, Николай Ивановичъ! Ну, можно-ли на тебя въ чемъ-нибудь понадѣяться! Ты хуже всякой женщины.

— Да вѣдь я, душечка, въ военной службѣ никогда не служилъ.

— Подними-же ножикъ.

— Гдѣ тутъ искать! Я, душенька, боюсь даже и наклониться. Я наклонюсь, а этотъ чортъ какъ хватить меня!.. А то нѣтъ, это положительно не разбойникъ. Смотри, онъ вынулъ изъ сумки грушу и ѣсть ее.

— Да вѣдь и разбойники могутъ ѣсть груши. Это не доказательство. Все-таки ты держи ухо востро.

— Да конечно-же, конечно-же... Я, Глаша, сяду. Вѣдь ужъ все равно, что стоя, что сидя...

И Николай Ивановичъ, не спуская глазъ съ „разбойника“, медленно опустился на диванъ около того окна, гдѣ стоялъ. Косясь на „разбойника“, съѣла и Глафира Семеновна. „Разбойникъ“ взглянулъ на нее и ласково улыбнулся.

— Успокоились? — спросилъ онъ по-нѣмецки. — Ахъ, какъ мнѣ жалко, что я напугалъ васъ во время сна.

— Тебя задираетъ, — прошепталъ женѣ Николай Ивановичъ, не понявъ, разумѣется, что сказалъ „разбойникъ“, и спросилъ ее:— Не понимаешь, что онъ бормочетъ?

— Откуда-же мнѣ понимать!

Не спускали съ разбойника глазъ супруги, не спускали съ нихъ глазъ и разбойникъ. Сидѣли они въ разныхъ углахъ купэ.

Поѣздъ уменьшилъ ходъ. „Разбойникъ“ засуетился, схватилъ ружье, непромокаемый плащъ и сталъ собираться уходить. Глафира Семеновна приняла это за угрозу и воскликнула:

— Коля! Коля! Хватай скорѣй свой револьверъ.

Николай Ивановичъ потянулся и быстро схватилъ револьверъ, который лежалъ прикрытый носовымъ платкомъ на противоположномъ концѣ дивана. „Разбойникъ“ улыбнулся и пробормоталъ по-нѣмецки:

— А! Тоже съ оружіемъ ѣздите. Это хорошо по ночамъ...

Поѣздъ остановился. „Разбойникъ“ поклонился супругамъ, еще разсыпался въ извиненіяхъ и вышелъ изъ купэ.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, когда они остались въ купэ безъ „разбойника“.—

Провалился! Ахъ, какъ онъ напугалъ насъ, а вѣдь на тебѣ, Глаша, лица не было.

— Ты ничего? Да ты хуже меня!—попрекнула его супруга.— Ты даже оружіе забылъ схватить въ руки.

— Ну, песь съ нимъ. Слава Богу, что ушелъ. Вотъ охотникъ, а какъ похожъ на разбойника.

А поѣздъ такъ и мчался во мглѣ непроглядной ночи.

XXII.

Не взирая, однако, на тревожное состояніе Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, сонъ сдѣлалъ свое дѣло, и они задремали на нѣсколько времени, хотя и дали себѣ слово не спать. Первой проснулась Глафира Семеновна и даже испугалась, что спала. Она проснулась отъ остановки поѣзда на станціи. Стучали молотками, пробуя колеса, перекликались рабочіе, и ужъ перекликались на французскомъ языкѣ, какъ показалось Глафирѣ Семеновнѣ. Она открыла окно и стала прислушиваться—да, французскій языкъ. Нѣмецкаго говора не слышать, онъ исчезъ; исчезли откормленные лоснящіяся фізіономіи нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, исчезли нѣмецкія фуражки и замѣнились французскими кэпи, появились французскія бородки на тощихъ лицахъ, и на станціонномъ зданіи красовались уже французскія надписи. Первымъ, что бросилось Глафирѣ Семеновнѣ въ глаза, была надпись: „buvette“.

— Николай Ивановичъ, французскій языкъ! Пріѣхали, во французскую землю пріѣхали! — радостно бросилась она къ мужу.

Николай Ивановичъ спалъ, прислонившись къ уголку и держа руку на револьверѣ, который лежалъ у него на колѣняхъ. Женѣ нужно было потрясти его за плечо, чтобы онъ проснулся. Онъ открылъ глаза, быстро вскочилъ на ноги и, уронивъ на полъ револьверъ, испуганно спрашивалъ:

— Опять разбойникъ? Гдѣ онъ?

— Какой разбойникъ! Мы пріѣхали во Францію.

Французскій языкъ... Можетъ быть, это ужъ даже Парижъ.

— Не можетъ быть! Тогда надо спросить. Что-жъ ты! Спрашивай... Хвастайся французскимъ языкомъ.

Глафира Семеновна высунулась изъ окна и крикнула проходившей французской бородкѣ:

— Мосье: Кель стационъ? Пари? Эсе Пари?

— Oh, non, madame. Paris est encore loin. A Paris nous serons le matin,--послышался учтивый отвѣтъ.

— Что онъ говорить? — освѣдомился Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не Парижъ. Въ Парижъ мы приѣдемъ еще утромъ.

— Однако, ты все понимаешь.

— Еще-бы! По французски я сколько угодно. У насъ въ пансионѣ француженка была настоящая, — похвасталась Глафира Семеновна. — Вотъ написано—пуръ ля дамъ, вонъ—пуръ ле месье... Вонъ—бюветъ. Тутъ можно выпить желающимъ.

— Такъ я, Глаша, съ удовольствіемъ-бы выпилъ. Спроси, сколько минутъ стоимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. А на кого ты меня оставишь? Я боюсь. А вдругъ опять разбойникъ?

— Да разбойникъ, должно быть, въ нѣмецкой землѣ остался. Неужели-же его черезъ границу пропустили? Наконецъ, ты можешь со мной вмѣстѣ выйти.

— Кондуктеръ! — опять закричала Глафира Семеновна.—Комбьенъ минють иси?

— Seulement deux minutes à présent, madame. Il vous reste deux minutes.

— Ме ну вулонъ буаръ...

— Да, буаръ... Буаръ венъ ружъ, а то такъ бьеръ,—прибавилъ Николай Ивановичъ и тутъ-же похвастался передъ женой. — Всѣ хмельныя слова я отлично знаю.

Кондукторъ протянулъ руку и сказалъ:

— Vous voulez prendre du vin rouge? Donnez moi de l'argent, monsieur. Je vous apporterai tout de suite.

— Что онъ говорить, Глаша?

— Самъ принести хочеть намъ вина. Комбьянъ пуръ бутель?

— Deux francs. Dépêchez-vous, madame, dépêchez-vous *).

— Какъ, тоже депешу надо?—спросилъ Николай Ивановичъ.—И здѣсь по телеграфной депешѣ?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Давай ему скорѣй денегъ. Давай два французскихъ серебряныхъ четвертака. Скорѣй, скорѣй.

— Вотъ! — Николай Ивановичъ, сунувъ кондуктору деньги, прибавилъ:—Тутъ труга четвертакъ. Пусть на труга франкъ. Я, Глаша, страсть какъ радъ, что мы попали во французскую землю.

— А я-то какъ рада!

Поѣздъ, однако, не стоялъ и двухъ минутъ и двинулся, минуя станціонныя освѣщенныя вывѣски.

— Глаша! А выпивка-то? Гдѣ-же вѣшь ружь-то? Надулъ кондукторъ... Вотъ тебѣ и французская учтивость! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, но въ это время дверь купэ отворилась, и въ купэ влѣзъ кондукторъ, держащій въ рукѣ бутылку вина, горлышко которой было прикрыто стаканомъ.

— Voyons, monsieur... Serves-vous... — протянулъ онъ Николаю Ивановичу бутылку.

— Вотъ за это, мусье, спасибо, вотъ за это мерси. Гранъ мерси, рюссъ мерси! — заговорилъ Николай Ивановичъ, принимая бутылку.

— Monsieur est un russe? — спросилъ французъ и прибавилъ: — Oh, nous aimons la Russie et les russes. Vivent les russes!

Отъ него такъ и пахнуло виномъ. Очевидно, онъ и самъ сейчасъ только выпилъ, да и раньше не отказывался отъ вина. Николай Ивановичъ замѣтилъ это и сказалъ женѣ:

— Парень-то, кажется, изрядно хвативши?

— Ничего. Французы и пьяные любезны. Это совсѣмъ особый народъ.

*) Два франка. Торопитесь, мадамъ, торопитесь.

— Vos billets, monsieur... — между тѣмъ сказалъ кондукторъ.

— Билеты требуетъ, — пояснила Глафира Семеновна.

— Да понялъ, понялъ я. Что ты переводишь-то! Оказывается, что по-французски я все понимаю и могу свободно разговаривать. Вотъ, мусье, билье, вуаля... А бюве, мосье, не хочешь? Не вуле бюве венъ ружъ? — вдругъ предложилъ Николай Ивановичъ кондуктору.

— Oh, avec plaisir, monsieur. Prenez seulement à présent vous-même, et moi après, — отвѣчалъ тотъ протягивая билеты.

— Ну вотъ и отлично. Бюве...

Николай Ивановичъ налилъ стаканъ и протянулъ кондуктору. Тотъ поклонился и отстранилъ стаканъ.

— A présent vous-même, monsieur, et moi — je prendrai après vous.

— Глаша! Что онъ такое? — недоумѣвалъ Николай Ивановичъ.

— Хочетъ, чтобы ты прежде выпилъ.

— Я? Же?... Отлично. Тре бьенъ... Вотъ... За здоровье Франсъ!

Николай Ивановичъ залпомъ выпилъ стаканъ и продолжалъ:

— Мы любимъ вашу Франсъ, очень любимъ. Глаша, переведи.

— Ну рюссъ—ну земонъ ля Франсъ.

— Oh, madame! Et nous, nous adorons la Russie. *)

Кондукторъ взялъ поданный ему стаканъ съ краснымъ виномъ, поднялъ его и, воскликнувъ „Vive la Russie!“ — тоже выпилъ его залпомъ.

— Другъ! Ами... Франсе и рюссъ—ами, — протянулъ ему руку Николай Ивановичъ.

Кондукторъ потрясъ руку.

При такихъ обстоятельствахъ Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна въѣзжали во французскую землю.

*) О, мадамъ! А мы, мы обожаемъ Россію.

Съ французскимъ кондукторомъ Николай Ивановичъ все-таки выпилъ двѣ бутылки краснаго вина. Со второй бутылкой кондукторъ принесъ ему и бѣлаго хлѣба съ сыромъ на закуску, а Глафирѣ Семеновнѣ грушу, и предложилъ ее съ галантностью совсѣмъ ловкаго кавалера. Появленіе такого человѣка, рѣзко отдѣляющагося отъ угрюмыхъ нѣмецкихъ кондукторовъ, значительно ободрило супруговъ въ ихъ путешествіи, и когда на зарѣ багажъ ихъ въ Верѣ былъ слегка осмотрѣнъ заглянувшимъ въ купѣ таможеннымъ чиновникомъ, они начали дремать, совершенно забывъ о разбойникахъ, которыхъ такъ опасались вначалѣ.

Когда супруги проснулись, было ясное солнечное утро. Солнце свѣтило ярко и привѣтливо озаряло мелькавшіе мимо оконъ вагона каменные деревеискіе домики, сплошь застланные вьющимися растеніями, играло на зеленыхъ еще лугахъ, на стоящихъ въ одиночку дубахъ съ пожелтѣвшей листвою, на синей лентѣ рѣчки, идущей вдоль дороги.

Глафира Семеновна сидѣла у окна купѣ и любовалась видами. Вскорѣ маленькіе каменные домики стали смѣняться болѣе крупными домами. Появились вывѣски на домахъ, мелькнула желѣзная рѣшетка какого-то сада, стали появляться высокія фабричныя трубы, курящіяся легкимъ дымкомъ, и вдругъ Глафира Семеновна воскликнула:

— Батюшки! Эйфелева башня вдали! Я ее сейчасъ по картинкѣ узнала. Николай Ивановичъ! Радуйся, мы подъѣзжаемъ къ Парижу.

— Да что ты! — подскочилъ къ окну Николай Ивановичъ.

— Вонъ, вонъ... Видишь? — указала Глафира Семеновна.

— Да, да... Эйфелева башня... Она и есть... „Конченъ, конченъ дальній путь, вижу край родимый“, — запѣлъ онъ.

Стали попадаться по дорогѣ уже улицы. Дома все выросли и выросли. Виднѣлась церковь съ

готическимъ куполомъ. Движеніе на улицахъ все оживлялось. Поѣздъ умѣрялъ ходъ, скрежетали тормоза. Еще нѣсколько минутъ, и вагоны остановились около платформы, на которой суетились блузники въ кэпи и съ бляхами на груди.

— Пріѣхали... Въ Парижъ пріѣхали!.. — радостно произнесла Глафира Семеновна, когда кондукторъ отворилъ передъ ними дверь купэ.

Въ дверь рванулся блузникъ, предлагая свои услуги.

— Вуй вуй... Прене но саквояжъ, — сказала Глафира Семеновна. — Э шерше коше пуръ партирь а готель. Николай Иванычъ! Бери подушки. Что ты стоишь истуканомъ!

— Une voiture, madame? — спросилъ блузникъ.

— Да, да... Вуатюръ... И анкоръ нашъ багажъ... — совала она ему квитанцію.

— Oui, oui, madame.

Багажъ былъ взятъ, и блузникъ потащилъ его на спинѣ на подъѣздъ вокзала. Супруги слѣдовали сзади. Вотъ и улица съ суetyщейся на ней публикой. Николай Ивановичъ поражалъ всѣхъ своей громадной охапкой подушекъ. Какой-то уличный мальчишка, продававшій съ рукъ билеты для входа на выставку, даже крикнулъ:

— Voyons, ce sont les russes!

Французскій городской въ синей перелинкѣ, кепи, съ закрученными усами и съ клинистой бородкой махнулъ по направленію къ стоящимъ въ шеренгу извозчикамъ. Отъ шеренги отдѣлилась маленькая карета съ сидящимъ на козлахъ краснорожимъ, гладко-бритымъ, жирнымъ извозчикомъ въ бѣлой лакированной шляпѣ-цилиндрѣ, и подъѣхала къ супругамъ. Багажъ уложенъ на крышу каретки, блузнику вручена цѣлая стопа французскихъ пятаковъ, какъ называлъ Николай Ивановичъ мѣдныя десятисантимныя монеты, и супруги сѣли въ каретку, заслонившись подушками. Извозчикъ обернулся и спросилъ, куда ѣхать.

— Готель какой-нибудь. Данъ готель... — сказала Глафира Семеновна.

— Quel hotel, madame?

— Ахъ ты, Боже мой! Да я не знаю — кель. Же не се па. Николай Ивановичъ, кель?

— Да почемъ-же я-то знаю!

— Все равно, коше. Се тегаль, кель. Енъ готель, намъ нужно шамбръ... и де ли...

— Je comprends, madame. Mais quel quartier désirez-vous?

— Глаша! Что онъ говоритъ?

— Рѣшительно не понимаю. Енъ шамбръ данъ готель. Ну вояжер, ну де Рюсси...

Стоящій тутъ-же городской сказалъ что-то извозчику. Тотъ покачалъ головой и поѣхалъ легкой трусдой, помахивая бичомъ не на лошадь, а на подскакивающихъ къ окнамъ кареты мальчишекъ, блузниковъ съ какими-то объявленіями, съ букетами цвѣтовъ. Минуть черезъ десять онъ остановился около подъѣзда и крикнулъ:

— Voyons!..

Выскочилъ лакей съ капулемъ на лбу, въ черной курткѣ и передникѣ чуть не до земли.

— Une chambre pour les voyageurs! — сказалъ извозчикъ лакею.

Тотъ отрицательно покачалъ головой и отвѣчалъ, что все занято.

— Енъ шамбръ авекъ де ли... — сказала Глафира Семеновна лакею.

— Point, madame... — развелъ тотъ руками.

Извозчикъ потащился далѣе. Во второй гостиницѣ тотъ-же отвѣтъ, въ третьей то-же самое, въ четвертой даже и не разговаривали. Выглянувшій на подъѣздъ портъе прямо махнулъ рукой, увидавъ подѣхавшую съ багажомъ на крышкѣ карету. Супруги уже странствовали болѣе получаса.

— Нигдѣ нѣтъ комнаты! Что намъ дѣлать? — спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Нужно искать. Нельзя же намъ жить въ каретѣ.

Извозчикъ обернулся на козлахъ, заглянулъ въ переднее стекло кареты и что-то бормоталъ.

— Алле, алле... — махала ему Глафира Семеновна. — Енъ шамбръ... Ну не пувонъ санъ шамбръ... Надо шерше анкоръ отель.

Извозчикъ сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ изъ одной улицы въ другую, въѣхали въ какой-то мрачный переулокъ съ грязненькими лавочками въ громадныхъ сѣрыхъ шестиэтажныхъ домахъ, упирающихся крышами въ небо, и остановились около неказистаго подъѣзда. Извозчикъ слѣзъ съ козелъ, направился въ подъездъ и вышелъ оттуда съ худенькой старушкой въ бѣломъ чепцѣ.

— Енъ шамбръ авекъ де ли... — обратилась къ ней Глафира Семеновна.

— Ah, oui, madame... Ayez la bonté de voir seulement, — отвѣчала старушка и отворила дверцу кареты.

— Есть комната! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Ну, что я говорилъ!

Супруги вышли изъ кареты и направилась въ подъездъ.

XXIV.

Въ подъездѣ на площадкѣ висѣли карты съ расклеенными афишами цирка, театровъ, „Petit Journal“. Пахло чѣмъ-то жаренымъ. Налѣво отъ площадки была видна маленькая комната. Тамъ за конторкой стоялъ старикъ въ сѣромъ потертомъ пиджакѣ, съ сѣрой щетиной на головѣ, въ серебряныхъ круглыхъ очкахъ и въ вышитыхъ гарусомъ туфляхъ. Старушка въ бѣломъ чепцѣ предложила супругамъ подняться по деревянной, узкой, чуть не винтовой лѣстницѣ.

— Кель этажъ? — спросила ее Глафира Семеновна.

— Troisième madame, — отвѣчала старушка и бойко пошла впередъ.

— Въ третьемъ этажѣ? — переспросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Въ третьемъ. Что-жъ, это не очень высоко.

— Разъ этажъ, два этажъ, три этажъ, четыре этажъ, — считалъ Николай Ивановичъ и воскликнулъ: — Позвольте, мадамъ! Да ужъ это въ четвертомъ. За-

чѣмъ-же говорить, что въ третьемъ! Глаша, скажи ей... Куда же она ведетъ?

— Ву заве ди — труазьемъ... — начала Глафира Семеновна, еле переводя духъ. — А вѣдь это...

— Oui, oui, madame, le troisième... Encore un peu plus haut.

— Еще выше? Фу, ты пропасть! Да она насъ на каланчу ведетъ. Вѣдь это ужъ пятый!.. Глаша...

— Сянкъ, мадамъ, сянкъ... — старалась пояснить старушкѣ Глафира Семеновна.

— Mais non, madame, c'est le troisième... — стояла на своемъ старуха и ввела въ коридоръ.

— Фу, чортъ! Да неужто мы этажей считать не умѣемъ?! Пятый... Скажи ей, Глаша, что пятый.

— Да вѣдь что-жъ говорить-то? Увѣряетъ, что третій.

Старушка распахнула дверь изъ коридора въ комнату и сказала.

— Voilà, monsieur...

Николай Ивановичъ заглянулъ и воскликнулъ:

— Да вѣдь это клѣтушка! Тутъ и одному-то не помѣстится. И наконецъ, всего одна кровать! Намъ нужно двѣ кровати.

— Де ли... де... — пояснила старушкѣ Глафира Семеновна.

— Oui, madame... Je vous mettrai...

— Говорить, что поставитъ вторую кровать.

Супруги обозрѣвали комнату. Старая, стариннаго фасона, краснаго дерева кровать подъ драпировкой, какой-то диванчикъ, три стула, круглый столъ и шкафъ съ зеркаломъ — вотъ и все убранство комнаты. Два большія окна были наполовину загорожены чугуною рѣшеткой, и въ нихъ виднѣлись на противоположной сторонѣ узенькой улицы другія такія-же окна, на рѣшеткѣ одного изъ которыхъ висѣло для просушки дѣтское одѣяло, а у другого окна стояла растрепанная женщина и отряхала, ударяя о перила рѣшетки, подоль какого-то платья, держа корсажъ платья у себя на плечѣ.

— Ну, Парижъ... — сказалъ Николай Ивановичъ. —

Не стоило въ Парижъ ѣхать, чтобы въ такомъ хлѣву помѣщаться.

— А все-таки нужно взять эту комнату, потому надо-же гдѣ-нибудь помѣститься. Не ѣздить-же намъ по городу до ночи. И такъ ужъ часа два мотались, Богъ знаетъ сколько гостиницъ объѣздили, — отвѣчала Глафира Семеновна и, обратясь къ старухѣ, спросила о цѣнѣ:—Э ле при? Комбьянь?

— Dix francs, madame.... — спокойно отвѣчала старуха.

— Что такое? Десять франковъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Да вѣдь это разбой! Десять четвертаковъ по сорока копѣекъ — четыре рубля... Совсѣмъ разбой!

Хотя восклицаніе было сдѣлано по-русски, но старуха-француженка поняла его, потому что пожала плечами, развела руками и произнесла въ отвѣтъ:

— C'est l'exposition, monsieur.

— Она говоритъ, что изъ-за выставки такъ дорого,—пояснила Глафира Семеновна.

— Все равно, разбой... Вѣдь такія каморки на такой каланчѣ у насъ въ Петербургѣ по полтинѣ въ сутки ходятъ и ужъ много-много, что по семьдесятъ пять копеекъ. А то четыре рубля. Да я дамъ четыре рубля, дамъ и пять, но и ты дай мнѣ настоящую комнату.

— Се шеръ, мадамъ,—попробовала сказать Глафира Семеновна, но старуха опять развела руками и опять упомянула про выставку.

— Лучше нѣтъ? — спрашивалъ Николай Ивановичъ.—Глаша! Спроси.

— Ву заве бонъ шамбръ? Ну волонъ бонъ шамбръ.

— A présent non, madame,—покачала головой старуха.

— Что тутъ дѣлать?—взглянулъ Николай Ивановичъ на жену.

— Надо брать. Не мотаться-же намъ еще полдня по Парижу.

— Да вѣдь вышь-то какая! Это на манеръ думской каланчи.

— Потомъ поищемъ что-нибудь получше, а теперь нужно-же гдѣ-нибудь пріютиться.

— Анафемы! Грабители! Русскимъ ура кричатъ и съ нихъ-же семь шкуръ дерутъ!

— Да вѣдь за это-то и кричатъ, что семь шкуръ дерутъ.

— Eh bien, madame? — вопросительно взглянула на супруговъ старуха.

— Вуй... Ну пренонь... Дѣлать нечего... Нотръ багажъ.

Глафира Семеновна стала снимать съ себя ватерпруфъ. Старуха позвонила, чтобы послать за багажомъ. Николай Ивановичъ пошелъ внизъ разсчитываться съ извозчикомъ. По дорогѣ онъ сосчиталъ число ступеней на лѣстницѣ. Оказалось восемьдесятъ три.

— Восемьдесятъ три ступени, десять поворотовъ на лѣстницѣ, пять площадокъ,—и это они называютъ въ третьемъ этажѣ!—горячился онъ.—Черти. Право, черти. Комбьянь?—обратился онъ къ извозчику, вынимая изъ кармана на ладонь горсть серебра.

— Huit francs, monsieur... — произнесъ онъ наконецъ.

— Какъ вить франкъ? То-есть восемь франковъ? Да, ты, почтенный, никакъ бѣлены объѣлся. Восемь четвертаковъ по сорокъ копѣекъ—вѣдь это три двадцать!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Мосье,—обратился онъ къ старику, стоявшему при ихъ пріѣздѣ за конторкой и теперь вышедшему на подъѣздъ. — Вить франкъ хочеть... Вѣдь у васъ такса... Не можетъ-же быть, чтобы это было по таксѣ...

— Старикъ заговорилъ что-то съ извозчикомъ, потомъ обратился къ Николаю Ивановичу на французскомъ языкѣ, что-то очертилъ ему пальцемъ на своей ладони, но Николай Ивановичъ ничего не понялъ, плюнулъ, досталъ двѣ пятифранковыя монеты и, подавая ихъ извозчику, сказалъ по-русски:

— Трехъ рублей ни за что не дамъ, хоть ты разорвись. Вотъ тебѣ два цѣлковыхъ и проваливай... Алле... Вонъ... Алле...—махалъ онъ рукою, отгоняя извозчика.

Извозчикъ просилъ всего только восемь франковъ и, получивъ десять и видя, что его гонять прочь, не желая взять сдачи, просто недоумѣвалъ. Наконецъ, онъ улыбнулся, наскоро снялъ шляпу, сказалъ: „*merci, monsieur*“—и, стегнувъ лошадь, отъѣхалъ отъ подъѣзда. Старикъ дивился щедрости путешественника, пожималъ плечами и бормоталъ по-французски:

— О, русскіе! Я знаю этихъ русскихъ! Они любятъ горячиться, но это самый щедрый народъ!

Николай Ивановичъ, принимая пяти-франковыя монеты за серебряныя рубли и въ простотѣ душевной думая, что онъ выторговалъ у извозчика рубль двадцать копѣекъ, поднимался въ свою комнату наверхъ, слѣдуя за прислугой, несшей его багажъ, уже въ нѣсколько успокоившемся состояніи и говорилъ самъ съ собой:

— Два рубля... И два-то рубля ужаси какъ дорого за такую ѣзду. Вѣдь въ сущности все по одному и тому-же мѣсту путались, а большихъ концовъ не дѣлали.

Глафиру Семеновну онъ засталъ заказывающей кофе. Передъ ней стоялъ въ рваномъ пиджакѣ, въ войлочныхъ туфляхъ и въ четырехъугольномъ колпакѣ изъ бѣлой писчей бумаги какой-то молодой малый съ эспаньолкой на глупомъ лицѣ и говорилъ:

— *Madame veut café au lait...* Oui, oui...

— Я кофе заказываю,—сказала Глафира Семеновна мужу.—Надо-же чего-нибудь выпить.

— Да, да... Кофей отлично...—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Ты, братъ, и масла приволоки и булокъ,—обратился онъ къ слугѣ.—Глаша! Переведи ему.

— Пянь и беръ...—сказала Глафира Семеновна.—И побольше. Боку...

— Пянь-беръ...—повторилъ Николай Ивановичъ.

— *Oui, oui, monsieur... Un déjeuner...*

— Да, да... мнѣ и женѣ... Ну, живо...

Слуга побѣжалъ исполнять требуемое.

Когда Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна умылись, поспѣлъ и кофе. Тотъ-же слуга въ потертомъ пиджакѣ и четырехъугольномъ бумажномъ колпакѣ внесъ подносъ съ кофейникомъ, молочникомъ и булками. Прежде всего Николая Ивановича поразили громадныя чашки для кофе, превосходящія по своимъ размѣрамъ даже суповыя чашки. При нихъ находились такъ называемыя десертныя ложки. Николай Ивановичъ, какъ увидѣлъ чашки и ложки, такъ и воскликнулъ:

— Батюшки! Чашки-то какія! Да ты-бы еще, молодецъ, ведра съ уполовниками принесъ! Кто же въ такихъ чашкахъ кофей пьетъ! Ужъ прачки на что до кофеища охотницы, а такую чашку кофею, я полагаю, ни одна прачка не вытянетъ.

Слуга стоялъ, кланялся и глупо улыбался.

— Глаша! Переведи ему, — обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Да какъ-же я переведу-то? — отвѣчала Глафира Семеновна въ замѣшательствѣ. — Ты такія слова говоришь, которыхъ я по-французски и не знаю. Летасъ тре гранъ, — указала она слугѣ на чашки. — Пуркуа гранъ?

— Oh, madame, c'est toujours comme ça. Vous avez demandé café au lait.

— Говорить, что такія чашки нужно, — перевела Глафира Семеновна. — Вѣрно, ужъ у нихъ такой обычай, вѣрно, ужъ кофейная страна.

Слуга все еще стоялъ, глупо улыбался и, наконецъ, сказалъ:

— Votre nom, monsieur, votre carte... Il faut noter chez nous en das...

— Что онъ говоритъ? Чего еще ему надо, Глаша?

— Спрашиваетъ, какъ насъ зовутъ.

— А! Паспортъ? Сейчасъ, сейчасъ... — засуетился Николай Ивановичъ.

— Oh, non, monsieur... Le passeport ce n'est pas nécessaire. Seulement votre nom, votre carte.

— Говорить, что паспортъ не надо. Просить только твою карточку.

Николай Ивановичъ пожалъ плечами и подалъ карточку. Слуга удалился.

— Глаша, знаешь, что я полагаю? — сказалъ Николай Ивановичъ по уходѣ слуги. — Я полагаю, что тутъ какая-нибудь штука. Гдѣ-же это видано, чтобы въ гостиницѣ паспорта не брать въ прописку!

— Какая штука?

— А вотъ какая. Не хотятъ-ли они отжилить нашъ багажъ, наши вещи? Мы уйдемъ изъ номера, вещи наши оставимъ, вернемся, а они намъ скажутъ: да вы у насъ въ гостиницѣ не прописаны, стало быть вовсе и не останавливались, и никакихъ вашихъ вещей у насъ нѣтъ.

— Да что ты! Выдумаешь тоже...

— Отчего-же они паспортъ не взяли въ прописку? Паспортъ въ гостиницахъ прежде всего! Нѣтъ, я внизу во что бы то ни стало всучу его хозяйкѣ. Паспортъ прописанъ, такъ всякому спокойнѣе. Ты сейчасъ и въ полицію жаловаться можешь и всякая штука...

Глафира Семеновна, между тѣмъ, напилась уже кофею и переодѣвалась.

— Ты смотри, Глаша, все самое лучшее на себя надѣвай, — говорилъ Николай Ивановичъ женѣ. — Здѣсь, братъ, Парижъ, здѣсь первыя модницы, первыя франтихи, отсюда моды-то къ намъ идутъ, такъ ужъ надо не ударить въ грязь лицомъ. А то что за радость, за кухарку какую-нибудь примутъ! Паспорта нашего не взяли, стало быть, не знаютъ, что мы купцы. Да здѣсь, я думаю, и кухарки-то по послѣдней модѣ одѣты ходятъ.

— Да вѣдь мы на выставку сейчасъ поѣдемъ... Вотъ ежели-бы въ театръ... — пробовала возразить Глафира Семеновна.

— Такъ на выставкѣ-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, всѣ какъ разряжены! Вѣдь выставка, а не что другое. Нѣтъ, ужъ ты новое шелковое платье надѣнь, бархатное пальто, визитную шляпку и бриллиантовую брошку и бриллиантовыя браслетки.

— Зачѣмъ-же это?

— Надѣвай, тебѣ говорятъ, а то за кухарку примутъ. Въ модный городъ, откуда всякіе наряды идутъ, пріѣхали, да вдругъ въ тряпки одѣться! Все лучшее надѣнь. А главное, брилліанты. У тебя брилліантовъ съ собой больше чѣмъ на четыре тысячи.

Черезъ четверть часа Глафира Семеновна одѣлась.

— Ну, вотъ такъ хорошо. Теперь никто не скажетъ, что кухарка, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Вотъ и я брилліантовый перстень на палець надѣну. Совсѣмъ готова?

— Совсѣмъ. На выставку поѣдемъ?

— Конечно-же, прямо на выставку. Какъ выставка-то по-французски? Какъ извозчика-то нанимать?

— Алекспозисіонъ.

— Алекспозисіонъ, алекспозисіонъ. Ну, тронемся...

XXVI.

— Батюшки! Да тутъ и извозчиковъ нѣтъ. Вотъ въ какую улицу мы заѣхали, — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ, когда они вышли изъ подъѣзда гостиницы. — Какъ теперь на выставку-то попасть?

— Языкъ до Кіева доведетъ, — отвѣчала храбро Глафира Семеновна.

— Ты по французски-то тоже одни комнатныя слова знаешь, или и другія?

— По-французски я и другія слова знаю.

— Да знаешь-ли уличныя-то слова? Вотъ мы теперь на улицѣ, такъ вѣдь уличныя слова понадобятся.

— Еще-бы не знать! По-французски насъ настоящая француженка учила.

Николай Ивановичъ остановился и сказалъ:

— Послушай, Глаша, можетъ быть, мы на выставку-то вовсе не въ ту сторону идемъ. Мы вышли направо изъ подъѣзда, а можетъ быть, надо налево.

— Да вѣдь мы только до извозчика идемъ, а ужъ тотъ довезетъ.

— Все-таки лучше спросить. Вонъ надъ лавкой

красная желѣзная перчатка висить, и у дверей, должно быть, хозяинъ-перчаточникъ съ трубкой въ зубахъ стоитъ — его и спроси.

Напротивъ черезъ узенькую улицу, около дверей въ невзрачную перчаточную лавку, стоялъ въ одной жилеткѣ, въ гарусныхъ туфляхъ и въ синей ермолкѣ съ кисточкой, пожилой человекъ съ усами и бакенбардами и курилъ трубку. Супруги перешли улицу и подошли къ нему.

— Пардонъ, монсье... — обратилась къ нему Глафира Семеновна. — Алекспозиціонъ — а друа у а гошъ?

Французъ очень любезно сталъ объяснять дорогу, сопровождая свои объясненія жестами. Оказалось, что супруги не въ ту сторону шли, и пришлось вернуться назадъ. Вышли на перекрестокъ улицъ и опять остановились.

— Кажется, что перчаточникъ сказалъ, что направо, — пробормотала Глафира Семеновна.

— Богъ его вѣдаетъ. Я ничего не пончлъ. Стрекоталъ, какъ сорока, — отвѣчалъ мужъ. — Спроси.

На углу была посудная лавка. Въ окнахъ виднѣлись стеклянные стаканы, рюмки. На стулѣ около лавки сидѣла старуха въ красномъ шерстяномъ чепцѣ и вязала чулокъ. Опять разспросы. Старуха показала налѣво и прибавила:

— C'est bien loin d'ici, madame. Il faut prendre l'omnibus *) ..

Опять перекрестокъ.

— Рю Лафить... — прочитала Глафира Семеновна и прибавила: — Рю Лафить мнѣ по роману знакома. Рю Лафить я отлично помню. Батюшки! Да вѣдь въ Рю Лафить Анжелика приходила на свиданіе къ Гастону, и здѣсь Гастонъ ранилъ Жерома кинжаломъ! — воскликнула она.

— Какая Анжелика? Какой такой Гастонъ? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ты не знаешь... Это въ романѣ... Но я-то

*) Это очень далеко, мадамъ, надо сѣсть въ омнибусъ.

очень хорошо помню. Такъ, такъ... Еще угольщикъ Жакъ Видадь устроилъ ему послѣ этого засаду на лѣстницѣ. Ну, вотъ извозчикъ! Кричи! Кричи!

— Коше! Коше!..

Извозчикъ, котораго кричали, отрицательно покачалъ головой и поѣхалъ далѣе.

— Что за чортъ! Не везутъ! Вѣдь этакъ, пожалуй, пѣхтурой придется идти, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Пѣшкомъ невозможно. Давеча француженка сказала, что выставка очень далеко, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Вотъ еще извозчикъ на углу стоитъ. Коше! — обратилась она къ нему сама. — Алекспозиціонъ?

Извозчикъ сдѣлалъ пригласительный жестъ, указывая на коляску.

— Не садись такъ, не садись безъ ряды... — остановилъ Николай Ивановичъ жену, влѣзавшую уже было въ экипажъ. — Надо поторговаться. А то опять чортъ знаетъ, сколько сдерутъ. Коше! Комбиенъ Алекспозиціонъ? — спросилъ онъ.

Извозчикъ улыбнулся, полѣзъ въ жилетный карманъ, вынулъ оттуда печатный листъ и протянулъ его Николаю Ивановичу, прибавивъ, кивая на экипажъ:

— Prenez place seulement.

— Что ты мнѣ бумагу-то суешь! Ты мнѣ скажи комбиенъ Алекспозиціонъ?

— Vous verrez là, monsieur c'est écrit.

— Глаша! Что онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что на листѣ написано, сколько стоитъ до выставки. Садись-же... Должно быть, въ листкѣ такса.

— Не желаю я такъ садиться. Отчего-жъ, когда извозчикъ везъ насъ въ гостиницу, то не совалъ никакой таксы? Алекспозиціонъ—енъ франкъ. Четвертакъ...

— Oh non, monsieur, — отрицательно покачалъ головой извозчикъ и отвернулся.

— Да садись-же, Николай Иванычъ, а то безъ извозчика останемся,—протестовала Глафира Семеновна и вскочила въ экипажъ.

— Глаша, нельзя-же не торговавшись. Сдерутъ.

— Садись, садись.

Николай Ивановичъ, все еще ворча, помѣстился тоже въ экипажъ. Извозчикъ не ѣхалъ. Онъ обернулся къ нимъ и сказалъ:

— Un franc et cinquante centimes et encore pour boire...

— Алле, алле... — махнула ему Глафира Семеновна. — Франкъ и пятьдесятъ сантимовъ просить и чтобъ ему на чай дать,—объяснила она мужу. — Алле, алле, коше... Алекспозиціонъ.

— Quelle porte, madame *)?—спрашивалъ извозчикъ, все еще не трогаясь.

— Вотъ ужъ теперъ рѣшительно ничего не понимаю. Алле, алле! Алекспозиціонъ. Пуръ буаръ—вуй... Алле...

Извозчикъ улыбнулся, слегка тронулъ лошадь бичомъ, и экипажъ поплелся.

XXVII.

Въ Трокадеро около входа на выставку было громадное стеченіе публики, подъѣзжавшей въ экипажахъ и омнибусахъ. Все это быстро бѣжало ко входу, стараясь поскорѣе встать въ хвостъ кассы. Въ кассѣ, однако, не продавались, а только отбирались билеты; купить-же ихъ нужно было съ рукъ у барышниковъ, мальчишекъ или взрослыхъ, которые толпою осаждали cadaго изъ публики, суя ему билеты. Дѣло въ томъ, что послѣ выпуска выставочнаго займа, къ каждому листу котораго прилагалось по 25 даровыхъ билетовъ для входа на выставку, Парижъ наводнился входными выставочными билетами, цѣна на которые упала въ послѣдствіи съ франка на тридцать сантимовъ и даже менѣе. Когда Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна вышли изъ экипажа, ихъ также осаждали барышники, суя билеты. Кто предлагалъ за сорокъ сантимовъ, кто

*) Къ которому входу?

за тридцать, кто за двадцать пять, наперерывъ сбивая другъ у друга цѣну.

— Не надо, не надо!—отмахивался отъ нихъ Николай Ивановичъ и сталъ разсчитываться съ извозчикомъ.—Сколько ему, Глаша, дать? Сторговались за полтора четвертака,—сказалъ онъ женѣ.

— Да ужъ дай три четвертака. Хоть и извозчикъ, а человекъ любезный, по разнымъ улицамъ насъ возилъ, мѣста показывалъ.

Николай Ивановичъ далъ три франка, извозчикъ оказался очень доволенъ, снялъ шляпу и проговорилъ:

— Oh, merci, monsieur... A présent je vois, que vous êtes les vrais russes *).

За публикой супруги поднялись по каменной лѣстницѣ въ зданіе антропологическаго музея, прошли по коридору и очутились опять на крыльцѣ, выходящемъ въ паркъ. Зданіе помѣщалось на горѣ, и отсюда открывался великолѣпный видъ на всю площадь, занимаемую выставкой по обѣ стороны Сены. Передъ глазами былъ раскинутъ роскошный цвѣтникъ, яркія цвѣточныя клумбы рѣзко отдѣлялись отъ изумруднаго газона, пестрѣли желтыя дорожки, масса кіосковъ самой причудливой формы, били фонтаны, вдали высились дворцы, среди нихъ, какъ гигантъ, возвышалась рыжекрасная Эйфелева башня. Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна невольно остановились разсматривать красивую панораму выставки.

— Хорошо... — проговорила Глафира Семеновна послѣ нѣкотораго молчанія.

— Долго ѣхали, много мученій вынесли по дорогѣ и, наконецъ, пріѣхали, — прибавилъ Николай Ивановичъ. — Ну, что-жъ, надо осматривать. Пойдемъ къ Эйфелевой башнѣ.

— Пойдемъ... Только я, Николай Ивановичъ, вотъ что... Я на самую башню влѣзть боюсь.

— Дура! Да зачѣмъ-же мы пріѣхали-то? Для этого и пріѣхали на выставку, чтобы влѣзть на Эйфелеву башню.

*) О, благодарю васъ. Теперь я вижу, что вы настоящіе русскіе.

— Пустяки. Мы пріѣхали на выставку, чтобы по-смотреть выставку.

— А быть на выставкѣ и не влѣзть на Эйфелеву башню, все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы. Помилуй, тамъ на башнѣ открытыя письма къ знакомымъ пишутъ и прямо съ башни посылаютъ. Иванъ Данилычъ прислалъ намъ съ башни письмо, должны и мы послать. Да и другимъ знакомымъ... Я обѣщаль.

— Письмо можешь и внизу подъ башней написать.

— Не тотъ фасонъ. На башнѣ штемпель другой. На башнѣ такой штемпель, что сама башня изображена на открытомъ письмѣ, а ежели кто около башни напишетъ, не влѣзая на нее,—ничего этого нѣтъ.

— Да зачѣмъ тебѣ штемпель?

— Чтобы знали, что я на башню влѣзалъ. А то иначе никто не повѣритъ. Нѣтъ, ужъ ты какъ хочешь, а на башню взберемся и напишемъ оттуда нашимъ знакомымъ письма.

— Да вѣдь она, говорятъ, шатается.

— Такъ что-жъ изъ этого? Шатается, да не падаетъ. Ты ежели ужъ очень робѣть будешь, то за меня держись.

— Да вѣдь это все равно, ежели сверзится. Обои намъ тогда не жить.

— Сколько времени стоитъ и не валится, а вдругъ тутъ повалится! Что ты, матушка!

— На грѣхъ мастера нѣтъ. А береженаго Богъ бережетъ.

— Нѣтъ, ужъ ты, Глаша, пожалуйста... Ты понатужься какъ-нибудь, и влѣземъ на башню. Съ башни непременно надо письма знакомымъ послать. Знай нашихъ! Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна на высотѣ Эйфелевой башни на манеръ тумановъ мотаются! Голубушка, Глаша, ты ужъ не упрямясь, — упрашивалъ жену Николай Ивановичъ. — Поднимемся.

— Ну, хорошо... А только не сегодня... Не могу я вдругъ... Дай мнѣ на выставкѣ-то немножко попривыкнуть и осмотрѣться. Вѣдь и завтра придется здѣсь быть и послѣзавтра — вотъ тогда какъ-нибудь и поднимемся, — отвѣчала Глафира Семеновна и стала сходить съ крыльца въ паркъ.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна бродили по парку выставки, любовались фонтанами, останавливались передъ кіосками и заходили въ нихъ, ничѣмъ особенно въ отдѣльности не поражаясь, зашли въ антропологическій музей, посмотрѣли на манекены, представляющіе бытъ народностей, наконецъ, Глафира Семеновна сказала:

— А только и Парижъ-же! Говорятъ, парижскія моды, наряды, а вотъ бродимъ, бродимъ и ничего особеннаго. Нарядовъ-то даже никакихъ не видать. Самыя простыя платья на дамахъ, самыя простыя шляпки, простыя ватерпруфы. У насъ иная горничная лучше вырядится на гулянье, а вѣдь здѣсь выставка, стало быть, гулянье. Право я даже лучше всѣхъ одѣта. Вотъ онъ, хваленый-то модный Парижъ!

— Правда, душечка, правда. И я то же самое замѣтилъ; но не попали-ли мы съ какого-нибудь чернаго входа, гдѣ только такому народу допущеніе, который попроще? — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Можетъ быть, тамъ настоящія-то модницы, — указалъ онъ на Сену.

— А по улицамъ-то Парижа мы вѣхали, такъ развѣ видѣли какихъ-нибудь особенныхъ модницъ? Все рвань. Простенькія платья, грошевыя шляпки. Думала, что-нибудь этакъ на бокъ, на сторону, съ перьями, съ цвѣтами, съ птицами, а рѣшительно ничего особеннаго. Даже и экипажей-то хорошихъ съ рысакими на улицахъ не видѣли. Нѣтъ, что это за парижскія модницы! Срамъ.

— А вотъ какъ-нибудь вечеромъ въ театръ поѣдемъ, такъ, можетъ быть, тамъ увидимъ. Но я увѣренъ, что тамъ, за рѣкой публика наряднѣе. Просто мы не съ того подъѣзда, не съ аристократическаго на выставку попали. Однако, Глаша, ужъ пятый часъ, и я ѣсть хочу. Надо поискать гдѣ бы пообѣдать. Мы читали въ газетахъ, что на выставкѣ множество ресторановъ, а пока я еще ни одного не видалъ. Должно быть, на той сторонѣ они. Пойдемъ на ту сторону.

Вотъ мостъ. Кстати на той сторонѣ и Эйфелеву башню вокругъ обойдемъ. Нельзя-же, надо хоть снаружи-то ее сегодня вблизи осмотрѣть. Осмотримъ башню и сыщемъ ресторанъ.

Глафира Семеновна посмотрѣла на мужа и сказала:

— Не пойду я съ тобой въ ресторанъ.

— Это еще отчего? Да какъ-же гододнымъ-то быть? Вѣдь у меня ужъ и такъ брюхо начинаетъ подводить.

— Ну, и пусть подводитъ, а я не пойду.

— То-есть отчего-же это? Отчего? Вѣдь и ты-же проголодалась.

— А коли проголодалась, то вотъ какъ пріѣдемъ домой, то пошлю за булками и за ветчиной и наѣмся, а въ ресторанъ съ тобою не пойду.

— Да по какой причинѣ?

— Очень просто. Вспомни, что ты говорилъ давеча насчетъ ресторана? Какую такую ѣду ты хотѣлъ спрашивать въ ресторанѣ?.. Вотъ изъ-за этого и не пойду.

— Ахъ, это насчетъ жареной-то лягушки? Да я сегодня не буду ее требовать. Я передъ отъѣздомъ изъ Парижа ужъ какъ-нибудь понатужусь и съѣмъ жареную лягушиную лапу, и тогда я пойду въ ресторанъ одинъ, безъ тебя.

— Врешь, врешь. Выпьешь лишнее, такъ сейчасъ и спросишь. Я тебя наю. Ты пьяный какую угодно гадость съѣшь. Видѣла я разъ, какъ ты пьяный въ Петербургѣ у татаръ въ ресторанѣ поспорилъ съ пріятелями на пари и у живого налима голову отгрызъ.

— Такъ вѣдь тогда всѣ чудили. Пентюковъ выпилъ водки съ уксусомъ, прованскимъ масломъ и съ горчицей, а я потребовалъ живого налима. Нѣтъ, Глаша, я пошутилъ, я не стану сегодня лягушки требовать. Это я когда-нибудь одинъ, безъ тебя.

— Побожись, что не станешь лягушки сегодня требовать, тогда пойду.

— Ну, вотъ ей-Богу, сегодня не стану требовать лягушку.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

— Ну, смотри, ты побожился. Тогда пойдѣмъ.

И супруги направились къ мосту, дабы перейти на другой берегъ Сены.

Черезъ четверть часа они стояли противъ Эйфелевой башни и, закинувъ головы наверхъ, смотрѣли, какъ ползутъ подъемныя машины на башнѣ, поднимающія публику въ первый, во второй и третій этажи, какъ въ каждомъ этажѣ около периль бродятъ люди, кажушіеся такими маленькими, какъ мухи или муравьи.

— Неужто и намъ придется въ этой машинѣ подниматься? — съ замираніемъ сердца спросила Глафира Семеновна и, уставъ стоять, сѣла на одинъ изъ стоявшихъ рядами передъ башней садовыхъ стульевъ.

— Да что-жъ тутъ страшнаго-то? Сядешь, какъ въ карету, машина свистнетъ — и пошелъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ и тоже сѣлъ на стулъ рядомъ съ женой.

— Охъ, страшно на такую высоту! — вздыхала Глафира Семеновна.

— Зато письма съ башни напишемъ и похвастаемся передъ знакомыми, что взбирались въ поднебесье.

— Николя! Башня шатается. Вотъ я и теперь вижу, что она шатается.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ..

— Я тебѣ говорю, что шатается. Видишь, видишь... Ты смотри вправо...

Супруги заспорили, но въ это время передъ ними остановилась пожилая женщина въ потертомъ шерстяномъ платьѣ, въ бархатной наколкѣ и съ сумочкой черезъ плечо. Она совала имъ въ руки два желтенькіе билета и бормотала:

— Pour les chaises, monsieur, vingt centimes... pour le geros.

Николай Ивановичъ вытаращилъ на нее глаза.

— Чего вамъ, мадамъ? Чего такого? Чего вы ввязываетесь? — говорилъ онъ удивленно.

Женщина повторила свою фразу.

— Да что нужно-то? Мы промежъ себя разговариваемъ. Се ма фамъ — и больше ничего, — ука-

залъ Николай Ивановичъ на Глафиру Семеновну и прибавилъ, обращаясь къ женщинѣ: — Алле... А то я городского позову.

— Mais, monsieur, vous devez payer pour les chaises, — совала женщина билеты.

— Билеты? какіе такіе билеты? Никакихъ намъ билетовъ не нужно. Глаша! Да скажи-же ей по французски и отгони прочь! Алле!

— Monsieur doit payer pour les chaises, pour le geron... — настаивала женщина, указывая на стулья.

— Она говоритъ, что мы должны заплатить за стулья, — пояснила Глафира Семеновна.

— За какіе стулья?

— Да вотъ, на которыхъ мы сидимъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! — вскочилъ со стула Николай Ивановичъ, опуская руку въ карманъ за деньгами. — И какое несчастіе, что я по-французски ни одного ругательнаго слова не знаю, чтобы обругать эту бабу! — бормоталъ онъ и сунулъ женщинѣ деньги.

XXIX.

— За посидѣнье на садовыхъ стульяхъ брать! Только этого и недоставало! — продолжалъ горячиться Николай Ивановичъ послѣ ухода женщины, взявшей съ него „за отдыхъ“. — И не диво бы, ежели представленіе какое было, а то — ничего. Съли люди отдохнуть и разговаривали.

— На Эйфелеву башню смотрѣли — вотъ тебѣ и представленіе, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь за посмотрѣніе Эйфелевой башни ужъ при входѣ взято.

— То взято за посмотрѣніе стоя, а это за посмотрѣніе сидя... Пользешъ на самую башню — опять возьмутъ. За каждый этажъ возьмутъ. Я читала въ газетахъ.

— Порядки! Вѣдь это-же безобразіе! Послѣ этого будутъ брать, зачѣмъ въ кіоски заглядываешь иходишь. А какъ тутъ не заглянуть? На то выставка.

— Да ужъ взяли, и за кіоскъ взяли. Давеча я въ уборную-то ходила... Ты думаешь, даромъ? Двадцать пять сантимовъ взяли.

— Да что ты!

— Вѣрно, вѣрно. По таксѣ взяли... Такса... Горничная мнѣ и на таксу указала.

— Фу ты, пропасть! Послѣ этого, пожалуй, и за входъ въ ресторанъ возьмутъ. За входъ отдѣльно, за ѣду отдѣльно. Однако, пойдёмъ ресторанъ искать. Ёсть страхъ какъ хочется.

— Да вотъ ресторанъ,—проговорила Глафира Семеновна и указала на вывѣску на столбѣ съ надписью „Restaurant Duval“. Стрѣлка показывала направленіе, куда идти.

Супруги отправились и вскорѣ остановились около зданія съ тою-же надписью, что и на столбѣ. У входа въ ресторанъ была толпа. Публика становилась въ хвостъ.

— Батюшки! Что народу-то! Да ресторанъ-ли это? — усумнился Николай Ивановичъ.

— Видишь, написано, что ресторанъ, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ну, торговля! Вотъ торговля, такъ торговля! Въ хвостъ становятся, по очереди ёсть идутъ! Показать кому-нибудь изъ нашихъ питерскихъ трактирщиковъ такую торговлю, такъ въ кровь расцарапался бы отъ зависти. Ну, встанемъ въ хвостъ, давай приближаться ко входу. Посмотримъ, какой-такой ресторанъ. Должно быть, на какой-нибудь знаменитый напали.

— Только ты пожалуйста, Николай Ивановичъ, жареной лягушки не требуй.

— Да ужъ побожился, такъ чего-жъ тебѣ!

Постепенно приближаясь ко входу, супруги, наконецъ, вошли въ ресторанъ. Большая зала ресторана Дюваля была переполнена публикой. Въ нее впускали черезъ входную дверь лишь столько посѣтителей, сколько ихъ выходило изъ выходной двери. Въ залѣ сидящій у входныхъ дверей французъ съ эспаньолкой тотчасъ-же протянулъ супругамъ двѣ карточки.

— Какъ и въ ресторанъ за входъ? И здѣсь би-

леты?! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Ну, что, Глаша, не говорилъ ли я тебѣ? — отнесся онъ къ женѣ.

— Да ужъ бери, бери... Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

— Комбьянъ? — спросилъ Николай Ивановичъ, вытаскивая изъ кармана на ладонь деньги.

Французъ съ эспаньолкой улыбнулся и отвѣчалъ:

— Vous payerez après, monsieur, après... Prenez seulement deux cartes.

— Послѣ заплатишь. Бери, что подають, — перевела Глафира Семеновна.

— Ну, городъ! Ну, порядки! За входъ въ ресторанъ берутъ! У насъ по зимамъ въ ресторанѣ „Аркадія“ музыка играетъ, горлопята разные поють, да и то за входъ не берутъ.

Въ залѣ всѣ столы были заняты, такъ что пришлось отыскивать мѣсто, гдѣ бы можно было помѣститься. Супругамъ долго бы пришлось искать мѣста, если бы ихъ не окликнулъ лакей въ курточкѣ и бѣломъ передникѣ чуть не до пола, въ свѣжихъ, упирающихся въ гладкобритый подбородокъ, воротничкахъ и съ карандашомъ за ухомъ.

— Vous cherchez une place, monsieur... Voilà la table... Allez avec moi... — обратился онъ къ Николаю Ивановичу, повель за собой и, подводя къ маленькому столу съ мраморной доской, указалъ на стулья.

Николай Ивановичъ колебался, садиться или не садиться.

— А за стулья здѣсь не берется? — спросилъ онъ слугу. — Глаша, спроси.

— Да ужъ садись, садись... Нельзя-же стоя обѣдать.

— Бьюсь объ закладъ, что и здѣсь за стулья возьмутъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ, опускаясь на стуль, похлопалъ по стулу ладонью и задалъ вопросъ слугѣ: — Комбьянъ за эти вещи?

Слуга, разумѣется, не понялъ вопроса, взялъ отъ супруговъ карточки, полученные имъ при входѣ, положилъ ихъ на столъ, отмѣтилъ что-то карандашомъ,

подавъ карточку обѣда и остановился въ почтительномъ ожиданіи заказа.

— Глаша! Мы прямо обѣдъ спросимъ, — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ и, обратясь къ слугѣ, сказалъ: — Дине... Де дине...

— Nous n'avons pas de diners, monsieur. Seulement à la carte... Il faut choisir... Prenez la carte.

— Нѣтъ здѣсь обѣдовъ. Надо по картѣ заказывать, говоритъ онъ, — перевела Глафира Семеновна.

— Какъ? Въ томъ ресторанѣ, гдѣ берутъ за входъ, да еще обѣдовъ нѣтъ? Вотъ это штука!

— Да оно и лучше, Николай Ивановичъ, — перебила Глафира Семеновна мужа. — А то Богъ знаетъ еще чѣмъ накормили бы... Пожалуй, въ обѣдъ-то еще лягушку подсунуть. Съѣшь, а потомъ...

— Что за вздоръ! Лягушку сейчасъ можно увидеть. Неужто не можешь лягушку отъ чего-либо другого отличить?

— А рубленую подадутъ, такъ какъ ты ее отличишь? Давай выберемъ самыя обыкновенныя блюда.

— Ну, бьень... Итакъ, прежде всего водки и закуски. О де ви... О де ви рюссъ и закуска. Какъ закуска-то по-французски?

— Закуска-то? Я не знаю... Про закуску насъ не учили.

— Nous n'avons pas d'eau de vie russe, monsieur, — отвѣтилъ слуга. — Si vous voulez cognac...

— Нѣтъ здѣсь водки, — перевела Глафира Семеновна. — Какая же русская водка въ Парижѣ! Онъ коньяку предлагаетъ.

— Что коньякъ! Кто-же коньякъ пьетъ передъ обѣдомъ! Коньякъ послѣ обѣда... Идолы! За входъ въ ресторанъ берутъ, а не могутъ выписать изъ Россіи водки. Мы-же ихнее французское вино выписываемъ. Коньякъ нонъ... — покачалъ Николай Ивановичъ передъ слугой головой. — Глаша! Да переведи-же ему по-французски, что я сказалъ насчетъ водки...

— Ахъ, Николай Ивановичъ, не стойте! Ну, что тутъ распространяться... Давай выберемъ скорѣй по картѣ, что заказать.

Она придвинула къ себѣ карту и принялась ее разсматривать. Слуга, соскучившись стоять, сказалъ наконецъ:

— Dites - donc, monsieur, seulement, quel vin désirez-vous: ordinaire, vin de pays?..

— Что онъ спрашиваетъ? — взглянулъ Николай Ивановичъ на жену.

— Про вино спрашиваетъ. Какое вино.

— Ахъ, да... Венъ ружъ... Бутель венъ ружъ... Видишь, Глаша, какъ я по-французски...

— Quel vin rouge, monsieur? Un franc, deux francs, trois francs...

— Понялъ, понялъ... Нѣтъ, братъ, трина франкъ мало... Вѣдь это три четвертака... Дадите кислятину... Давай за рубль, за четыре четвертака... Катръ франкъ... Да и венъ бланъ енъ бутель. Тоже въ катръ франкъ...

Лакей бросился исполнять требуемое.

— Я выбрала, Николай Ивановичъ, — сказала Глафира Семеновна. — Бульонъ, сомонъ, то-есть лососина, и бифштексъ. Тутъ ужъ видно, что подаютъ.

— Постой! Постой! Эй, ломъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ слугѣ.

— Не ломъ, а гарсонъ. Здѣсь человѣкъ гарсономъ зовется.

— Ахъ, да... Я и забылъ! Гарсонъ!

— Но слуги уже и слѣдъ простыль.

XXXI.

Слуга принесъ два стакана и двѣ бутылки, водрузилъ ихъ на столъ и опять бросился бѣжать.

— Гарсонъ, гарсонъ!.. — остановилъ его Николай Ивановичъ и, обратясь къ женѣ, сказалъ: — Странно, что ты не знаешь, какъ по-французски закуски потребовать. Передъ обѣдомъ соленькаго бы отлично... Не знаешь-ли, какъ селедка по-французски?

— Да не учили насъ про селедку.

— Ну, кильку или балыкъ?

— И про балыкъ съ килькой насъ не учили. Вотъ сыръ какъ — я знаю: фромажъ.

— Фромажъ, фромажъ, гарсонъ, — подхватилъ Николай Ивановичъ.

— *Quel fromage, monsieur?*

— Знамо дѣло, швейцарскій. Глаша! Какъ швейцарскій?

— Ахъ, Боже мой! да неужто ты не можешь безъ закуски? Швейцарскій — швейцаръ, должно быть.

— Фромажъ швейцаръ.

— *Je ne connais pas, monsieur, un fromage pareil,* — отрицательно потрясъ головой слуга.

— Фромажъ швейцаръ-то нѣтъ? Странно. Ну, какой-нибудь... Просто фромажъ... Фромажъ... Постой, постой... А селедку, Глаша... Растолкуй ему, что это соленая рыба.

— Пуасонъ сале. Ву компрене? Энь птитъ пуасонъ сале...

— *Une sardine? Ah, oui, madame!*

— Да не сардинку. Сардинку, впрочемъ, можно само собой. А селедку... — тщетно старался пояснить Николай Ивановичъ, — Фу, ты пропасть! Ничего не понимаетъ! Ну, вуй... Сардинку—вуй, и анкоръ...

— Анкоръ пуасонъ сале. Энь отръ пуасонъ сале...

— *Oui, madame, vous recevrez,* — отвѣчалъ слуга и исчезъ, явившись черезъ минуту съ двумя чашками супу и глубокими тарелками.—*Voilà votre, bouillon, madame. Servez-vous, je vous prie.*

— Что-жъ ты супъ-то, братецъ, прежде подаешь?! — возмутился Николай Ивановичъ. — Прежде нужно закуску. Сардинъ, фромажъ, селедку.

— *C'est après, monsieur... Après le bouillon.*

— Какъ апре! Сейчасъ надо. Кто-же ѣсть соленое послѣ супу! Глаша! Скажи ему...

— А презанъ, а презанъ... — заговорила Глафира Семеновна.

Слуга пожалъ плечами и побѣжалъ за требуемымъ.

— Хорошій ресторанъ, деруть даже за входъ, а такихъ слугъ держать, которые даже не знаютъ, что послѣ чего подавать слѣдуетъ, — ворчалъ Николай

Ивановичъ, не зная французскаго обычая, по которому соленыя закуски слѣдуютъ за супомъ.

Черезъ минуту слуга явился съ маленькими тарелочками, на которыхъ лежали двѣ сардинки, сыръ бри и нѣсколько длиненькихъ маленькихъ морскихъ раковинъ (moules). Глафира Семеновна какъ взглянула на раковины, такъ сейчасъ сморщилась, проговорила: „фу, гадость!“ — и закрылась салфеткой. Взглянулъ Николай Ивановичъ и воскликнулъ:

— Что это? Улитки какія-то! Вонъ! вонъ! Неси назадъ! Неси! — махаль онъ руками. — Я селедку спрашиваю, а онъ какихъ-то улитокъ тащить. Прочь, прочь... Мы и устриць-то не ѣдимъ, а онъ улитокъ. Алле, гарсонъ... Ле рюссъ такой ѣды нонъ манже... Съ Богомъ, съ Богомъ... Да ужъ и фромажъ убирай. Я этотъ фромажъ не ѣмъ.

— Пусть и сардинки убираетъ.. Вовсе я не желаю такія сардинки ѣсть, которыя рядомъ съ погаными улитками лежали, — прибавила Глафира Семеновна. — Алле... Иль не фо па. Рьянъ иль не фо па. Селеманъ ле бульонъ. Доне бульонъ. Ужъ и ты, Николай Иванычъ, нивѣсть что спрашиваешь. Ёль бы безъ закусокъ! — напустилась она на мужа, продолжая сидѣть, отвернувшись отъ вскрытыхъ раковинъ.

Слуга недоумѣвалъ.

— Mais, madame, c'est ce que vous avez demande... — бормоталъ онъ.

— Прене... Прене прочь. Ну не манжонъ па се шозъ...

— Oh! Comme il est difficile! — вздохнулъ слуга и понесъ закуски обратно.

Супруги принялись за бульонъ.

— Вода, а не бульонъ, — сказала Глафира Семеновна и, хлебнувъ нѣсколько ложекъ, отодвинула отъ себя тарелку. — И это хваленый Парижъ! Хваленая французская кухня!

— Въ ресторанъ, гдѣ даже за входъ берутъ рубль шесть гривенъ, — прибавилъ Николай Ивановичъ и сказалъ слугѣ: — Ну, пуасонъ. Скорѣй паусонъ... Да не такой паусонъ, который давеча подалъ.

— Сомонъ, сомонъ... Пуасонъ сомонъ, — подтвердила Глафира Семеновна.

Подали вареную лососину подъ соусомъ, но безъ гарнира. Порціи были такъ малы, что супруги просто ахнули.

— И это де порсіонъ? Де... Для двоихъ? Пуръ де? — спрашивали они слугу.

— Oui, monsieur.

— Да вѣдь это по разу въ ротъ положить. А гдѣ-же гарниръ? Гдѣ картофель?

— Вуй, вуй... У э помъ де теръ? — бормотала Глафира Семеновна.

— Mais vous avez désiré seulement le saumon, madame *).

— Да ужъ помъ де теръ само собой разумѣется.

— Je vous apporterai tout de suite, madame, — сдѣлалъ движеніе слуга.

— Да ужъ гдѣ тутъ апорте! Когда тутъ принесешь! Гляди. Вонъ твоя порція...

Николай Иваиовичъ поддѣлъ на ложку свою порцію лососины и отправилъ ее въ ротъ.

— Анкоръ пуасонъ. Четыре порціи этой пуасонъ. Катръ порсіонъ... — говорилъ онъ, прожевывая лососину.

— И помъ де теръ... — прибавила Глафира Семеновна.

— Quelles pommes désirez-vous, madame? — спрашивалъ слуга.

— Кель помъ! Обыкновенный помъ... Вареный помъ.

Лакей улыбнулся и черезъ пять минутъ принесъ еще четыре порціи лососины и отдѣльно цѣлую гору жаренаго тоненькими палочками картофеля — pommes frites.

— Вотъ дуракъ-то! Жареный картофель къ вареной рыбѣ подаетъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Да ужъ ѣшь. Только бы наѣсться, — сказала

*) Но вы пожелали только лососины, мадамъ.

жена. — А только удивительно, какой здѣсь безтолковый народъ въ Парижѣ.

Порціи бифштекса были еще меньше. Супруги ужъ не возражали.

— На смѣхъ, просто на смѣхъ... — пробормоталъ Николай Ивановичъ, забивая себѣ въ ротъ свою порцію бифштекса, сжевалъ ее и принялся пить вино.

— Я голодна, Николай Ивановичъ, — жаловалась Глафира Семеновна.

— Да и я тоже самое. Только чуть чуть червяка заморилъ. Вѣдь съ утра не ѣли, а теперь седьмой часъ. Придется часа черезъ два переобѣдывать. Вотъ допьемъ вино да пойдёмъ искать другой ресторанъ. Индѣйки какой спросимъ что-ли, гуся поѣдимъ... Гарсонъ! Комбьянъ? — обратился Николай Ивановичъ къ лакею и полѣзъ въ карманъ за деньгами, чтобы заплатить за обѣдъ.

Лакей сунулъ ему тѣ карты, которыя были получены при входѣ, и указалъ на кассу.

Супруги поднялись съ мѣста и направились къ выходу.

XXXII.

— Шестнадцать французскихъ четвертаковъ взяли за все про все, — говорилъ жевѣ Николай Ивановичъ, когда они вышли изъ ресторана Дюваля. — Что-то больно дешево. Ты разсчитай, что вѣдь мы вина потребовали на восемь четвертаковъ. Бутылку краснаго въ четыре четвертака и бутылку бѣлаго въ четыре четвертака. Стало быть, за ѣду пришлось всего восемь четвертаковъ. А вѣдь мы десять порцій съѣли, шесть порцій одной лососины. Положимъ, порціи такія, что одинъ разъ въ ротъ положить, но все-таки... Нѣтъ, стало быть, за входъ въ ресторанъ съ насъ ничего не взяли. Ничего... Съ какой же стати при входѣ два этихъ самыхъ билета-то намъ всунули? — разсуждалъ онъ про дювалевскія расчетныя карты — addition. Нѣтъ, это не дорогой ресторанъ, ежели такъ разсудить.

— Да ужъ брось... Ну, что тутъ считать. Все равно въ этотъ ресторанъ я больше никогда не пойду,— отвѣчала Глафира Семеновна. — Надо замѣтить этотъ ресторанъ, чтобы не попасть въ него какъ-нибудь по ошибкѣ, — прибавила она, оглянувшись и вдругъ увидела большую, освѣщенную газомъ, вывѣску, гласящую по-французски: „Театръ египтянъ и арабовъ“. — Николай Иванычъ, вонъ тамъ арабскій театръ... арабскій и египетскій... Возьмемъ билеты и посмотримъ. Навѣрное что-нибудь забавное.

— Да вѣдь ни ты, ни я ни по-египетски, ни по арабски не знаемъ, — даль отвѣтъ мужъ.

— Да тутъ и не надо знать. Просто такъ посмотримъ. Вѣдь ужъ какъ по-французски представляютъ мы нынѣшнее лѣто и въ Петербургѣ въ „Аркадіи“ видѣли, а тутъ по-арабски и по-египетски.

— Ну, что-жъ зайдемъ.

— Да, конечно же, зайдемъ, возьмемъ недорогія мѣста, а не понравится — и вонъ. Даже и лучше, если недолго просидимъ. Надо пораньше домой... Я ужасно устала, а мнѣ только бы до постели. Поужинать-то и у себя въ гостиницѣ спросимъ. Вѣдь ужъ навѣрное въ гостиницѣ есть ресторанъ.

Въ это время надъ самымъ ухомъ супруговъ раздался ударъ въ ладоши и громкій сиплый выкрикъ:

— *Nous commençons! Dans un quart d'heure nous commençons! Voyons, messieurs et mesdames... Faites attention... Voici la caisse... Prenez les billets. Dépêchez-vous, dépêchez-vous. Seulement un franc...*

Супруги такъ и шарахнулись въ сторону. Кричалъ рослый человѣкъ въ усахъ, въ красной расшитой золотомъ курткѣ, въ синихъ шальварахъ и въ бѣломъ тюрбанѣ на головѣ, зазывая въ театръ публику.

— Фу, чортъ тебя возьми! Лѣшій проклятый! — выругался Николай Ивановичъ и даже погрозилъ усатому человѣку кулакомъ, но тотъ нисколько не смутился и продолжалъ зазывать:

— *Quelque chose de remarquabl, monsieur! Quelque chose, que vous ne verrez pas partout... La danse de*

ventre, monsieur... Venez, madame, venez. Nous com-
mençons...

Туть-же было окошечко театральной кассы. Въ кассѣ сидѣла пожилая женщина въ красной наколкѣ, выглядывала оттуда и даже совала по направленію къ Глафирѣ Семеновнѣ вырванные изъ книжки билеты.

Супруги подошли къ кассѣ.

— Комбьянъ? — спросилъ Николай Ивановичъ и, получивъ отвѣтъ, что за входъ только одинъ франкъ, купилъ билеты и повелъ Глафиру Семеновну къ двери театра.

XXXIII.

Театръ египтянъ и арабовъ, въ которъй вошли Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, былъ маленькій театръ-балаганъ, выстроенный только на время выставки, съ потолкомъ, подбитымъ крашеной парусиной, съ занавѣсомъ изъ зеленой шерстяной матеріи. Размѣщенные передъ сценой стулья стояли около барьеровъ, составляющихъ изъ себя какъ-бы узенькіе столы, на которыхъ зритель могъ ставить бутылки, стаканы, чашки. Немногочисленная публика сидѣла, курила и пила, кто пиво, кто вино, кто кофе съ коньякомъ. Англійскій языкъ слышался во всѣхъ углахъ. Англичане пили, по большей части, хересь, потягивая его черезъ соломинки и закусывая сандвичами. Представленіе еще не начиналось. По рядамъ шнырялъ мальчикъ въ блузѣ и продавалъ программы спектакля, безъ умолку треща и рассказывая содержаніе предстоящаго представленія. Бродили лакеи, подлетавшіе къ каждому изъ входящихъ зрителей съ предложеніемъ чего-нибудь выпить. Одинъ изъ лакеевъ былъ для чего-то въ красныхъ туфляхъ безъ задниковъ и въ простомъ халатѣ изъ дешевой тармаламы, точь-въ-точь въ такомъ, какіе у насъ по дворамъ продають татары. Голова его была обвита полотенцемъ съ красными концами, что изображало чалму.

— Батюшки! Да это не театр. Здѣсь всѣ пьютъ и курятъ въ залѣ,—сказала Глафира Семеновна.

— Театръ, театр, но только съ выпивкой. Ничего не значить... Это-то и хорошо. Сейчасъ мы и себѣ спросимъ чего-нибудь выпить, — заговорилъ Николай Ивановичъ, увидавъ халатника и воскликнулъ:—Глаша! Смотри-ка, какой ряженный разгуливаетъ! Въ нашемъ русскомъ халатѣ и банномъ полотенцѣ на головѣ. Почтенный! Ты изъ бани, что-ли? Такъ кстати бы ужъ въ-ничекъ захватилъ.

— Да что ты съ нимъ по-русски-то разговариваешь? Вѣдь онъ все равно ничего не понимаетъ!—остановила мужа Глафира Семеновна.

— А ты переведи. Вѣдь про баню-то навѣрное должна знать по-французски. Да и про вѣникъ тоже.

— Ты спрашивай, спрашивай, что тебѣ надо выпить-то.

— *Café, cognac, bok? Qu'est-ce que vous désirez, monsieur?*—повторилъ свой вопросъ лакей.

— *Глясь. Аве ву глясь? Апорте глясь. Компрене ву?* — сказала Глафира Семеновна.

— *Oh, oui, madame. Vous recevez tout de suite. Et vous, monsieur?*

— Кафе нуаръ и коньякъ,—далъ отвѣтъ Николай Ивановичъ.

Лакей, шлепая туфлями, побѣжалъ исполнять требуемое.

Супруги сѣли. Вскорѣ раздвинулся занавѣсъ, и стали выходить на сцену актеры. Вышли два усача, одѣтые во все бѣлое, поговорили на гортанномъ нарѣчїи и стали махать другъ на друга саблями. Помахали и ушли за кулисы. Вышли три музыканта въ халатахъ и босые. Одинъ былъ съ бубномъ, два другихъ съ тростниковыми флейтами. Они остановились передъ рампой и затянули что-то очень тоскливое съ мѣрнымъ пристукиванїемъ въ бубень и его деревянный обручъ.

— Игра-то изъ панихидной оперы,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Тоска, — отвѣчала Глафира Семеновна и даже зѣвнула.—Ужъ выбрали тоже представленїе!

Представленіе шло. Музыканты продолжали тянуть заунывную пѣсню. Имъ откликнулись изъ-за кулисъ женскіе голоса, и вскорѣ вышли на сцену четыре женщины въ пестрыхъ юбкахъ, безъ корсажей, но съ особыми нагрудниками, прикрывающими грудь. Онѣ были босыя, шли обнявшись и пѣли.

— Какой-же это арабскій театръ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Всѣ люди бѣлые. И актрисы бѣлыя, и актеры бѣлые, и музыканты бѣлые. Вѣдь это же надувательство! Хоть бы черной краской хари вымазали, чтобы на арабовъ-то походить, а то и того нѣтъ.

— Да, да... А между тѣмъ у входа французъ въ красной курткѣ кричалъ, что замѣчательное что-то ремаркабль, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Развѣ то, что талии-то у женщинъ голыя... Такъ вѣдь это только на мужской вкусъ.

— Только не на мой. Ужъ я считаю, ежели оголяться...

— Молчи, срамникъ! — строго крикнула на мужа супруга.

Продолжая пѣть, женщины сѣли въ глубинѣ сцены, поджавъ подъ себя ноги; опустились и музыканты около нихъ на полъ, вернулись два усача съ саблями и тоже помѣстились тутъ-же. Музыка и пѣніе продолжались. Два усача тоже пѣли и похлопывали въ тактъ въ ладоши. Выплыла негритянка, старая, губастая, толстая, также босая и съ голой таліей. Она именно выплыла изъ-за кулисъ, держась прямо, какъ палка, и, остановившись противъ рампы, начала въ тактъ подъ музыку дѣлать животомъ и бедрами движенія взадъ и впередъ. Животъ такъ и ходилъ у ней ходуномъ, между тѣмъ какъ голова, шея и руки находились безъ движенія, въ абсолютномъ спокойствіи. Опущенныя, какъ плети, руки, впрочемъ, перебирали кастаньеты.

— Фу, какая мерзость. Что это она животомъ-то дѣлаетъ? — проговорила Глафира Семеновна и даже отвернулась.

— Да насчетъ живота-то песъ съ ней, а только все-таки ужъ это хоть настоящая черная арабка, такъ и то хорошо, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна плюнула.

— Фу, какая гадость! Фу, какая пошлость! Домой! Домой!—воскликнула она, поднимаясь съ мѣста.

— Да дай, душенька, до конца-то...—началь было Николай Ивановичъ.

— Довольно! Сейчасъ собирайтесь.

— Позволь хоть коньякъ-то допить и расчитаться...

Онъ ухнулъ въ пустую чашку все содержимое графинчика и выпилъ. Стоящій около него лакей въ халатѣ даже вздрогнулъ и невольно воскликнулъ:

— Monsieur...

Ему въ первый разъ пришлось видѣть, чтобы посѣтитель могъ выпить цѣлый графинчикъ коньяку, хотя графинчикъ былъ и очень маленькій.

— Комбьянъ? Получи за все! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, выкидывая на столъ пятифранковую монету и, расчитавшись, направился къ выходу съ Глафирой Семеновной, все продолжавшей плевать и говорить:

— И это называется театр! Гадость, мерзость, пошлость! Тьфу!

XXXIV.

— Домой теперь, домой! — говорила Глафира Семеновна, выходя съ Николаемъ Ивановичемъ за ограду выставки. — Меня и такъ еле ноги носятъ. Шутка-ли, цѣлую ночь въ вагонѣ не спали и сегодня весь день на ногахъ. Приѣдемъ домой, спросимъ самоварчикъ, заваримъ чайку, напьемся съ булками... Чай у меня свой есть. Я вѣдь цѣлые полфунта привезла въ турнюрѣ.

— Найдемъ-ли только самоваръ-то въ гостиницѣ? — выразилъ сомнѣніе Николай Ивановичъ.

— У французовъ-то? Это, братъ, не нѣмцы. Какъ-же самовару-то не быть! Всемирная выставка... Центръ европейской цивилизаціи. Здѣсь, я думаю, только птичьяго молока нѣтъ, а то все есть. Ну, ѣдемъ, Николай Ивановичъ.

— Нанимай извозчика. Вотъ извозчикъ стоитъ. Коше!

— Qui, monsieur, — откликнулся извозчикъ и спросилъ: — Quelle rue, monsieur?

Глафира Семеновна хотѣла что-то сказать, но взглянула на мужа испуганно и спросила:

— Николай Иванычъ, гдѣ мы остановились-то?

— Какъ гдѣ? Въ гостиницѣ.

— Да, да... Но въ какой улицѣ?

— А мнѣ почему знать? Ты у меня французенка.

— Боже милостивый! Я впопыхахъ-то и не справилась, въ какой мы улицѣ остановились!

— Да что ты! Какъ-же это такъ?... — теряясь проговорилъ Николай Ивановичъ. — Этакая дура!

— А ты не дуракъ? Отчего-же ты не справился? Чего-же ты зѣваль?

— Да вѣдь ужъ ты взялась... Я на тебя и понадеялся.

— Пентюхъ... Словно я нянька для него. Рохля, прости Господи! Какъ, по крайней мѣрѣ, гостиница-то называется, гдѣ мы остановились?

— Ахъ, душечка, да какъ-же мнѣ это знать... Я думалъ, что ты знаешь. Вѣдь ты по-французски...

— Что-же тутъ французскаго, узнать, какъ называется гостиница? Отчего-же ты на вывѣску надъ подъѣздомъ не взглянулъ? Вѣдь ужъ прочесть надпись-то могъ бы.

— А отчего ты не взглянула?

— Опять! Здравствуйте... Я на него, а онъ на меня...

— Однако, когда мы пріѣхали въ гостиницу, такъ вѣдь ты видѣла, куда мы пріѣхали.

— Что такое: видѣла! Вмѣстѣ съ тобой въ каретѣ ѣхала. Карета была набита подушками, чемоданами... Да и гдѣ тутъ разглядывать! Я рада-раदेशенька была, что мы хоть комнату-то какую-нибудь нашли. До того-ли тутъ было!

— Ну, вотъ видишь, видишь. А меня винишь.

— Такъ вѣдь ты мужчина, ты долженъ быть расторопнѣе.

— Такъ какъ-же намъ быть?!

— Ужасное положеніе! Надо нанимать извозчика къ себѣ домой, и не знаешь, гдѣ живешь.

— Постой... Я помню, что противъ нашей гостиницы красная желѣзная перчатка висѣла надъ магазиномъ.

— И я это-то помню, но нельзя-же нанимать извозчика въ гостиницу, противъ которой красная желѣзная перчатка виситъ.

— А можетъ быть, онъ знаетъ! Попробуй. Постой... Какъ по-французски красная перчатка?

— Ганъ ружъ. Да такъ нельзя...

— А вотъ я сейчасъ на счастье... Коше... Въ готель, гдѣ ганъ ружъ. Гранъ ганъ ружъ, — обратился Николай Ивановичъ къ извозчику.

— Je ne connais pas un tel hôtel, monsieur, — отрицательно потрясъ головой извозчикъ. — Quelle rue?... Quel numéro?

— Не знаетъ, чортъ его дери! Скажи ему, Глаша, что тамъ на углу была еще посудная лавка и старуха въ красномъ чепцѣ сидѣла.

— Энь птитъ рю... О куанъ э ля butikъ авекъ де веръ... Опре де готель энь грандъ ганъ ружъ де феръ... Ну завонъ убліе ля рю...

— C'est impossible de chercher comme ça votre hôtel, madame, — улыбнулся извозчикъ. — Avez-vous la carte de l'hôtel? Donnez-moi la carte seulement.

— Нонъ, нонъ... Въ томъ-то и дѣло, что нонъ. Ну завонъ убліе деманде ля картъ.

— Да вѣдь ты помнила тамъ какія-то улицы около. Сама же мнѣ читала. Еще гдѣ Гастонъ тамъ какой-то или Жеромъ пырнулъ кого-то кинжаломъ, — замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, да... — оживилась Глафира Семеновна. — Рю де Лафаетъ и рю Лафитъ. Коше, се не па луанъ де рю Лафаетъ е рю Лафитъ.

— Voyons, madame... Alors on peut partir...

— Ме се не па ля рю Лафаетъ е рю Лафитъ, ме эиъ птитъ рю...

— Prenez seulement place, — указалъ извозчикъ на экипажъ.

— Садись, Николай Ивановичъ... Мы доѣдемъ до улицы Лафаетъ, а тамъ будемъ искать. Я помню, что три или четыре переулка отъ улицы Лафаетъ.

— Два, а не четыре. Мнѣ помнится, что два.

— Гдѣ тебѣ знать, коли ты по сторонамъ зѣвалъ! Я улицы замѣчала, я и про Жерома вспомнила и про угольщика Жака. Садись скорѣй.

— Ахъ, какая бѣда стряслась! — кряхтѣлъ Николай Ивановичъ, залѣзая въ экипажъ. — Ну, какъ мы теперь ночью будемъ разыскивать переулки!

Извозчикъ стегнулъ лошадь. Поѣхали.

— А мнѣ помнится, что недалеко отъ гостиницы была рѣшеточка такая желѣзная съ шишечками,—прибавилъ Николай Ивановичъ.

— Ври больше! Рѣшеточка съ шишечками совсѣмъ въ другомъ концѣ города, около церкви Нотръ-Дамъ.

— Врешь, врешь! Тамъ еще мальчишка стоялъ и какую-то трещотку вертѣлъ.

— Дуракъ! Да развѣ можно по мальчишкѣ съ трещоткой замѣчать! Ну, мальчишка съ трещоткой днемъ стоялъ, а вѣдь ужъ теперь ночь. Неужели такъ до ночи и будетъ съ трещоткой стоять!

— Да вѣдь я къ слову, Глаша. Ну, чего ты сердишься? И, наконецъ, ругаться. Люди въ несчастіи, не знаютъ какъ домой попасть, а она ругается.

— Да тебя мало ругать, мало! Батюшки! Да ты пьянъ, ты клюешь носомъ! И чего ты этого коньячищу въ театрѣ насосался!

— Я не пьянъ. Я ни въ одномъ глазѣ...

— Не пьянъ... Цѣлый графинъ высосалъ.

— Графинъ... Говорить-то все можно. Развѣ это графинъ? Развѣ такіе графины бываютъ? Бородавка какая-то вмѣсто графина. Въ немъ и стакана коньяку не было.

— Боже мой, Боже мой! У тебя даже языкъ заплетается... Впохыхахъ-то я сначала и не замѣтила.

Ну, что я буду дѣлать съ тобой пьянымъ? Вѣдь насъ въ часть возьмутъ, въ полицейскую часть.

— Успокойся, здѣсь частей нѣтъ. Здѣсь цивилизація. Да и пьяныхъ никуда по высшей цивилизаціи не берутъ.

— Пьяница!

— Я не пьяница! Нѣтъ, пардонъ, мадамъ.

— Молчи.

Вскорѣ супруги подѣхали въ рю Лафаетъ. Извозчикъ указалъ на улицу.

— А рю Лафитъ?—спросила Глафира Семеновна.

— *Ce n'est pas loin, madame.*

— Ну, куда теперь ѣхать? Надо выйти изъ экипажа и искать переулки пѣшкомъ, — сказала Глафира Семеновна. — Коше! Арете... Выходи, Николай Ивановичъ. Разсчитывайся съ извозчикомъ.

— Зачѣмъ выходить? Прямо... — бормоталъ Николай Ивановичъ пьянымъ голосомъ, но все-таки, выпихнутый Глафирой Семеновной, вышелъ и сталъ отдавать извозчику деньги.

— Батюшки! Да ты до того пьянъ, что качаешься. Вотъ тебя до чего развезло! Ночь, чужой городъ, пьяный мужъ... Ну, что мнѣ съ тобой теперь дѣлать!—воскликнула Глафира Семеновна.

XXXV.

Николая Ивановича дѣйствительно, какъ говорится, совсѣмъ развезло отъ выпитаго коньяку, когда онъ съ супругой пріѣхалъ въ улицу Лафаетъ. Приходилось искать гостиницу, но къ этому онъ оказался рѣшительно неспособнымъ. Когда онъ разсчитался съ извозчикомъ и попробовалъ идти по тротуару улицы, его такъ качнуло въ сторону, что онъ налетѣлъ на громадное зеркальное стекло шляпнаго магазина и чуть не разбилъ его. Бормоталъ онъ безъ умолку.

— Шляпный магазинъ... Вотъ хоть убей—этого шляпнаго магазина я не помню; стало быть, мы не туда идемъ, — говорилъ онъ.

— Да что ты помнишь! Что ты можешь помнить, ежели ты пьянъ, какъ сапожникъ! — восклицала Глафира Семеновна, чуть не плача, и взяла мужа подъ руку, стараясь поддержать его на ходу.

— Врешь. Рѣшеточку съ шишечками я помню чудесно. Она вотъ бокъ-о-бокъ съ нашей гостиницей. А гдѣ эта рѣшеточка съ шишечками?

— Иди, иди, пьяница. Господи! Что мнѣ дѣлать съ пьянымъ мужемъ!

— Глаша, я не пьянъ... Вѣрь совѣсти, не пьянъ.

— Молчи!

Но Николай Ивановичъ не унимался. По дорогѣ онъ задиралъ проходящихъ мальчишекъ, останавливался у открытыхъ дверей магазиновъ съ выставками дешевыхъ товаровъ на улицѣ около оконъ; у одного изъ такихъ магазиновъ купилъ онъ красную суконную фуражку безъ козырька съ вытисненной на днѣ ея золотомъ Эйфелевой башней и даже для чего-то надѣлъ эту фуражку себѣ на голову, а шляпу свою понесъ въ рукѣ.

— Снимешь ты съ своей головы эту дурацкую фуражку, или не снимешь, шутъ гороховый? — кричала на него Глафира Семеновна.

— Зачѣмъ снимать? Это на память. Это въ воспоминаніе объ Эйфелевой башнѣ. Пусть всѣ видятъ, что русскій славянинъ Николай Ивановъ...

— Пьянъ? Это вѣрно. Это всякій видитъ.

— Не пьянъ. Зачѣмъ пьянъ? Пусть всѣ видятъ, что русскій славянинъ изъ далекихъ сѣверныхъ странъ побывалъ на выставкѣ и сочувствуетъ французамъ! Вивъ ля Франсъ... Глаша! Хочешь, я закричу вотъ на этомъ перекресткѣ—вивъ ля Франсъ?...

— Кричи, кричи. Но какъ только ты закричишь, сейчасъ-же я тебя брошу и убѣгу. Такъ ты и знай, что убѣгу.

— Постой, постой... Хочешь, я тебѣ вотъ этотъ красный корсетъ съ кружевами куплю, что въ окнѣ выставленъ?

— Ничего мнѣ не надо. Иди.

— Отчего? Вотъ корсетъ, такъ корсетъ! Русская

славянка, да ежели въ этомъ корсетѣ! А ты хочешь ногу телятины? Вонъ нога телятины въ магазинѣ виситъ. Глаша! Смогри-ка! Телячьи-то окорока у нихъ продають въ умажныхъ штанинахъ съ кружевами. Вотъ такъ штука! Батюшки! Да и сырые телячьи мозги въ коробкѣ съ бордюромъ. Ну, мясная лавка! У насъ магазины бриллиантчиковъ на Невскомъ такой роскоши не видятъ. Хочешь мозги? Завтра отладимъ хозяйкѣ, чтобъ она намъ на завтракъ поджарила.

— Нужно еще прежде хозяйку найти. Гдѣ она, хозяйка-то гостиницы? Гдѣ сама гостиница-то?

— Ищи рѣшетку съ шишечками и найдешь!

— Далась ему эта рѣшетка съ шишечками!

— Ахъ, ахъ, вѣрѣ изъ павлиньяго пера въ окошкѣ! Хочешь, этотъ вѣрѣ тебѣ куплю?

— Ничего мнѣ сегодня не надо. Иди только. Нѣтъ, я окончательно сбилась, — произнесла, наконецъ, Глафира Семеновна. — Рѣшительно не знаю, куда идти.

— А я знаю. Прямо. Сейчасъ и будетъ рѣшетка съ шишечкой. Городовой! Же руссъ славянинъ де нордъ. Глаша, какъ по французски рѣшетка съ шишечкой? Вотъ городовой на углу стоитъ.

Но тутъ Глафира Семеновна, дабы избѣжать скандала, потянула Николая Ивановича въ переулокъ и со слезами проговорила:

— Николай Иванычъ! Уймешь-ся-ли ты? Эдакое несчастіе случилось, люди потеряли свою квартиру, не знаютъ, гдѣ переночевать, а ты клоуна изъ себя строишь!

— Я клоуна? Я? Потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ?..

— Пстой.. Кажется, напали на слѣдъ. Вонъ въ переулкѣ яма вырыта... Мы мимо этой ямы шли... — нѣсколько оживилась Глафира Семеновна. — Въ ней еще тогда два блузника землю вынимали.

— Шли, шли... Да... Теперь еще рѣшечку съ шишечкой...

— Прикуси языкъ насчетъ рѣшетки съ шишечкой. Что это, въ самомъ дѣлѣ, заладилъ одно и то-же. Да,

здѣсь, здѣсь... Здѣсь мы шли. Вотъ теперь нужно свернуть, кажется, налѣво, а потомъ направо. Прибавь шагу. Чего ты ноги-то волочишь!

— Прежде налѣво, Глаша, а потомъ направо. А то знаешь что? Пойдемъ ночевать въ другую гостиницу? Паспортъ вѣдь у меня въ карманѣ. А завтра свою гостиницу разыщемъ.

— Иди, иди...

И Глафира Семеновна потянула мужа въ другой переулокъ.

— Кажется, такъ идемъ. Теперь только бы посудный магазинъ на углу найти, гдѣ старуха въ красномъ шерстяномъ чепцѣ чулокъ вязала,—продолжала она.

— И рѣшеточку съ шишечкой.

— Опять? Ежели посуднаго магазина не найдемъ на углу,—ну, не здѣсь.

— Собачка еще такая съ хвостикомъ закорючкой бѣгала — вотъ что я помню, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Такъ тебѣ собачка съ хвостикомъ закорючкой и будетъ съ утра до ночи на одномъ мѣстѣ бѣгать! Вѣдь скажетъ тоже. О, пьянство, пьянство! До чего оно человѣка доводитъ.

— Пить — умереть, и не пить—умереть, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ, — такъ ужъ лучше пить!

— Магазины! Посудный магазинъ!—радостно воскликнула Глафира Семеновна, когда они вышли на уголь переулка.—Теперь налѣво, налѣво.

— А тамъ рѣшеточка съ шишечкой. Постой, Глаша. Хочешь, я тебѣ вотъ этотъ большой бокаль куплю? Сейчасъ мы скомандуемъ старухѣ, чтобъ она намъ пива...

— Иди, иди... Вонъ и красная желѣзная перчатка виситъ. Слава Тебѣ, Господи! Нашли. Сейчасъ будетъ и наша гостиница напротивъ...

Глафира Семеновна отъ радости даже перекрестилась.

— Нѣтъ, постой... — бормоталъ Николай Ивановичъ. — Надо рѣшеточку съ шишечкой...

Но Глафира Семеновна уже не слушала и тащила мужа по направленію къ красной желѣзной перчаткѣ,

освѣщенной фонаремъ. Вотъ они около перчатки. Но, дивное дѣло, напротивъ перчатки подъѣзда съ надписью „Hôtel“ нѣтъ. Глафира Семеновна протащила мужа два-три дома вправо отъ перчатки и два-три дома влево — подъѣзды имѣются, но вывѣски гостиницы нѣтъ.

— Господи, Боже мой! Да куда-же наша гостиница-то дѣлась? Явственно помню, что противъ перчатки, а вывѣски нѣтъ, — говорила Глафира Семеновна.

— Рѣшеточки съ ши...

— Молчи! Надо въ перчаточный магазинъ зайти и спросить, гдѣ тутъ гостиница. Вѣдь ужъ навѣрное перчаточникъ знаетъ.

— Вотъ и отлично, Глаша. Зайдемъ. А я тебѣ пару перчатокъ куплю. Перчаточникъ этотъ давеча днемъ удивительно какъ мнѣ понравился. У него лицо такое, знаешь, пьющее...

Супруги перешли улицу и вошли въ перчаточный магазинъ. Перчаточникъ, какъ и утромъ, встрѣтилъ ихъ опять въ одномъ жилетѣ.

— Vous voulez des gants, madame? — спросилъ онъ.

— Вуй, вуй! Ну аштонъ де ганъ. Но дить же ву при — у э готель иси? Ну завонъ арете данъ готель е ну завонъ убліе ле нумеро. А вывѣски нѣтъ. Нонъ екри сюръ ля портъ. Ну рюссъ... Ну де Рюсси... — пояснила Глафира Семеновна.

— Vous desirez les chambres garnies, madame?

— Вуй, вуй... Должно быть, ле шамбръ гарни. Тамъ энъ вье мосье хозяинъ и енъ вьель мадамъ.

— Voilà, madame. C'est la porte des chambres garnies, — указалъ перчаточникъ.

— А пуркуа не па зекри сюръ ля портъ?

— Ces chambres sont sans écritauv, madame. Voilà la porte.

— Здѣсь, здѣсь... Только безъ вывѣски. Подъѣздъ напротивъ, — радостно проговорила Глафира Семеновна.

Выбравъ себѣ перчатки, она повела мужа изъ магазина. Николай Ивановичъ, было, обернулся къ перчаточнику и воскликнулъ:

— Рюссъ е Франсэ... Бювонъ ле венъ ружъ Вивъ ля Франсъ!

Но Глафира Семеновна просто напросто выпихала его за дверь.

Черезъ минуту они звонились у своего запертаго уже подъѣзда. Имъ отворилъ самъ старикъ хозяинъ.

Въ глубинѣ подъѣзда стояла старушка хозяйка.

XXXVI.

Забравшись къ себѣ въ пятый этажъ, а по парижски—только въ „troisième“, супруги задумали напиться чаю съ бутербродами. То-есть задумала собственно одна Глафира Семеновна, ибо Николай Ивановичъ былъ совсѣмъ пьянъ и, снявъ съ себя пиджакъ и жилетъ, пробовалъ подражать танцовщицѣ изъ египетскаго театра, изображая знаменитый „danse de ventre“, но ничего, разумѣется, не выходило, кромѣ того, что его качало изъ стороны въ сторону. Ноги окончательно отказались ему служить, и онъ проговорилъ:

— Мудреная это штука танцы животомъ, особливо при моей тѣлесности.

— Кончишь ты ломаться сегодня, или не кончишь! — крикнула Глафира Семеновна.

— Да за неволю кончу, коли ничего не выходитъ. Нѣтъ, должно быть, только тѣ египетскія муміи и могутъ этотъ танецъ танцовать.

— Клоунъ, совсѣмъ клоунъ! И что это у тебя за манера дурака изъ себя ломать, какъ только выпьешь! — воскликнула Глафира Семеновна и стала звонить слугу въ электрическій колокольчикъ.

Позвонила она разъ, позвонила два, три раза, но все-таки никто не показывался въ дверяхъ.

— Спятъ тамъ всѣ, что-ли? — проговорила она. — Но вѣдь всего еще только одиннадцать часовъ.

Она позвонила въ четвертый разъ. Въ корридорѣ слышались шаги и ворчанье, потомъ стукъ въ дверь, и въ комнату заглянулъ старикъ-хозяинъ. Онъ былъ

въ бѣломъ спальномъ колпакѣ, въ войлочныхъ туфляхъ, въ ночной сорочкѣ и безъ жилета.

— Qu'est-ce qu'il y a? Qu'est-ce qu'il y a? Qu'avez vous donc? — удивленно спрашивалъ онъ.

— Ну вулонъ буаръ дю тэ... Апорте ля машинъ дю тэ, ле тасъ е ля тэйеръ. Э анкоръ ле бутербродъ, — отнеслась къ нему Глафира Семеновна.

— Comment, madame? Vous voulez preudre du thé? Mais la cuisine est fermée déjà. Tout le monde est couché... Il est onze heures et quart.

— Здравствуйте... Въ одиннадцать часовъ вечера ужъ и чаю напиться нельзя. Кухня заперта, всѣ спятъ... вотъ какіе парижскіе порядки, — взглянула Глафира Семеновна на мужа. — А я пить до страсти хочу.

— Что-жъ, Глаша, тогда мы бутылочку красненькаго съ водицей выпьемъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Чтобъ я вамъ еще дома позволила пьянствовать? Ни за что на свѣтѣ! Лучше ужъ вонъ холодной воды изъ графина напьюсь.

— Да какое-же тутъ пьянство, ежели красненькое вино съ водицей!..

— Молчите.

Старикъ-хозяинъ, видя такіе переговоры насчетъ чаю и замѣчая неудовольствіе на лицѣ постояльцевъ, вообразилъ, что Глафира Семеновна, можетъ быть, больна, хочетъ лѣчиться чаемъ, какъ вообще имъ только лѣчатся французы, и спросилъ:

— Etes-vous malade, madame? Alors...

— Какъ маладъ? Команъ маладъ? Здорова, даже очень здорова. Я ѣсть хочу. Же ве буаръ е манже. Нельзя дю тэ, такъ апорте муа дю пянъ, дю беръ е де вьяндъ фруа. Же демандъ фруа. Ля кюизинъ е ферме, такъ апорте муа фруа. Ля вьяндъ фруа...

— C'est impossible madame. A présent nous n'avons point de viande...

— Какъ? И де вьяндъ фруа нѣтъ? Какой-же послѣ этого у васъ готель пуръ вояжеръ, ежели даже холоднаго мяса нѣтъ! Ну, ля вьяндъ нельзя, такъ фромажъ. Фромажъ и пянъ бланъ.

— Seulement jusqu'a neuf heures, madame, mais à

présant il est plus de onze heures, madame, — развель руками старикъ-хозяинъ.

— Только до девяти часовъ, видите-ли, можно чтонибудь съѣстное получить, — опять взглянула Глафира Семеновна на мужа. — Ну, гостиница!

— Просто шамбръ-гарни здѣсь, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ: — спроси бутылочку красного-то вина. Красное вино навѣрное ужъ есть. Ежели и кухня заперта, такъ вѣдь его ни варить, ни жарить.

— Понимаешь ты, я уже спрашивала холодного мяса и сыру—и то нѣтъ.

— А красное вино навѣрное есть. Французы его походя трескають. Венъ ружъ, монсье... Апорте венъ ружъ, можно? — обратился Николай Ивановичъ къ хозяину.

Тоть пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Oui, monsieur. Je vous procurerai...

— Видишь, видишь! Красное вино есть-же!

— Но вѣдь это только пойло. А я ѣсть хочу. Понимаешь ты—ѣсть! — раздраженно сказала Глафира Семеновна.

— Ну, такъ булки спроси, ежели ничего нѣтъ. Красное вино съ булочкой отлично.

— Же ве манже, монсье, — опять обратилась къ хозяину Глафира Семеновна. — Ну, ле венъ ружъ. Бьенъ. И апорте муа хотъ дю пянъ блянъ. Же ве супе.

— Oh, que c'est dommage, que nous n'avons rien pour vous donner à manger, madame, — отвѣчалъ хозяинъ, покачавъ головой. — Mais du vin et du pain je vous apporterai tout de suite. Une bouteille? *) — освѣдомился онъ.

— Де... де... де! — закричалъ Николай Ивановичъ, понявъ, что спрашиваетъ хозяинъ, и показалъ ему два пальца, прибавивъ: — Де бутель!

— Нонъ, нонъ. Энъ... Селеманъ энъ, — подхва-

*) О, какъ это жалко, что у насъ ничего нѣтъ, чтобы дать вамъ покушать, мадамъ; но вина и хлѣба я вамъ сейчасъ принесу. Одну бутылку?

тила Глафира Семеновна и строго сказала мужу: — не дамъ я тебѣ напиваться!

Хозяинъ недоумѣвалъ.

— Une bouteille ou deux? — спрашивалъ онъ.

— Энь, энь... — показала одинъ палецъ Глафира Семеновна.

Хозяинъ удалился и черезъ минуту десять принесъ на подносѣ бутылку краснаго вина, два стакана, большой кусокъ хлѣба, кусочекъ масла и полдюжины персиковъ, прибавивъ:

— Voilà, madame, c'est tout ce que nous avons à présent. Bonne nuit, madame *) — раскланялся онъ и исчезъ.

Глафира Семеновна принялась намазывать масломъ почерствѣлый уже съ утра хлѣбъ и съ горестью воскликнула:

— И это въ Парижѣ должна я такъ ужинать, въ городѣ, который славится всякой ѣдой, откуда къ намъ въ Россію разные знаменитые повара ѣдутъ. Ну, смотрите: черствый хлѣбъ, какое-то горькое масло, помятые персики.

— Должно быть здѣсь въ Парижѣ не ужинаютъ, что-ли—отвѣтилъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь и у насъ есть такіе города. Про калужанъ вонъ говорятъ, что калужане тоже не ужинаютъ, а поѣдятъ, да такъ и спать.

— Глупыя и пьяныя остроты. Молчите!

— Да что ты сердишься-то, Глаша! Красненькое винцо есть, хлѣбъ есть—ну, и слава Богу.

— Это вамъ, пьяницѣ, лестно красное вино, а я чаю хочу. Нѣтъ, при такихъ парижскихъ порядкахъ завтра надо непременно спиртовую лампу себѣ купить, спирту и жестяной чайникъ. Скипятить на лампѣ воду, заварить чай—и чудесно. Да не забыть-бы завтра булокъ и закусокъ на ночь купить.

— Какъ-же ты будешь завтра покупать закуски, ежели ты даже не знаешь, какъ закуски по-французски

*) Вотъ все, мадамъ, что у насъ нашлось. Доброй ночи.

называются? Вѣдь ужъ давеча въ ресторанѣ стала втупикъ.

— Въ словарь справлюсь.

Поужинавъ хлѣбомъ съ масломъ и персиками, Глафира Семеновна запила все это краснымъ виномъ съ водой и легла спать. Николай Ивановичъ допилъ остатки красного вина и тоже началъ укладываться.

XXXVII.

Ночь въ гостиницѣ была проведена Николаемъ Ивановичемъ и Глафирой Семеновной безъ приключеній. Утромъ напившись кофе, Глафира Семеновна принялась одѣваться, чтобы ѣхать на выставку.

На этотъ разъ она уже не надѣла ни шелкового платья, какъ вчера, ни бархатнаго пальто, ни брилліантовъ.

— Не стоитъ, не передъ кѣмъ рядиться. Вчера на выставкѣ, судя по нарядамъ, словно однѣ кухарки и горничныя были,—говорила Глафира Семеновна. — Да что горничныя? Наша Афимья вырядится въ праздникъ да пойдетъ со двора, такъ куда наряднѣе вчерашнихъ тряпичницъ на выставкѣ.

Облеклась она въ простенькое сѣрое шерстяное платье, въ дорожный ватерпруфъ и въ ту самую шляпку, въ которой ѣхала въ вагонъ, и вышла съ мужемъ на улицу.

На этотъ разъ супруги уже не были плохи и спросили внизу у хозяина печатный адресъ тѣхъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ они остановились.

— Теперь ужъ не будемъ блуждать ночью по улицамъ, отыскивая свою гостиницу, — бормотала Глафира Семеновна, радуясь своей запасливости.— Въ случаѣ, если гдѣ въ незнакомыхъ улицахъ запутаемся—сейчасъ извозчику карточку покажемъ: „Коше... вуаля куда... алле... вези“... — вотъ и вся недолга... А ты, милый мой, ужъ, пожалуйста, не напивайся сегодня. А то вчера дорвался до вина и давай лакать.

— Да меня, Глаша, и вчера бы не осатанило, ежели-

бы я плотно пообѣдалъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — А это я вчера съ голоду. Ну, какой у насъ былъ обѣдъ!

— Ну, не скажи! Ты вѣдь цѣлый графинъ коньяку въ театрѣ выхлебалъ. Съ этого и послѣ какого угодно сытнаго обѣда всякій осатанѣетъ.

— Все-таки мы ужъ сегодня гдѣ-нибудь въ другомъ ресторанѣ пообѣдаемъ, а не во вчерашнемъ. Ну, заплатимъ восемь четвертаковъ съ носу безъ вина, десять четвертаковъ, только-бы чтобъ было пищи до отвалу. Узнаемъ, гдѣ самый лучшій ресторанъ, войдемъ въ него и такъ-таки гарсона и спросимъ: „Комбьянъ стоитъ манже до отвалу?“ Какъ по-французски называется „до отвалу?“

— До отвалу?—задумалась Глафира Семеновна и отвѣчала: — Не знаю... Ты все про такія слова меня спрашиваешь, про которыя насъ не учили. Да что-жъ тутъ!—прибавила она. — Мудрость-то не велика объяснить, чтобы поняли. Скажемъ, чтобъ большой обѣдъ подали... „Гранъ дине“... Вотъ, моль, „жюскиси“—ну, и покажу на горло. Чтобъ, моль, быть сыту по горло.

— Такъ ужъ ты, пожалуйста, объясни гарсону, какъ только мы будемъ обѣдать. „Гранъ дине“... Это отлично. А ежели ужъ придется опять не дине, а порціями брать, то мы будемъ всего по двѣ порціи на каждого требовать и много-много блюдъ назакажемъ. Вишь, здѣсь порціи-то какія маленькія.

Черезъ пять минутъ супруги наняли извозчика и вѣхали въ экипажѣ на выставку.

XXXVIII.

У кассы, гдѣ продаютъ билеты для поднятія на Эйфелеву башню, — хвостъ. Пришлось становиться и ждать очереди.

— Вотъ живутъ-то! Куда ни сунься, — вездѣ очереди жди. Хвостъ, хвостъ и хвостъ... Весь Парижъ въ хвостахъ,—ропталъ Николай Ивановичъ.—На выставку

входишь — хвостъ, на башню лѣзешь — хвостъ. Вчера даже обѣдать шли въ хвостъ.

— На башню лѣзть, такъ хвостъ-то даже и лучше. Всегда одуматься можно, пока въ хвостъ стоишь, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Уйдемъ Николай Ивановичъ, отсюда... Ну, что намъ такое башня! Да провались она совсѣмъ.

— Что ты! что ты! Ни за что на свѣтъ! Продвигайся, продвигайся...

Билеты взяты. Публика стремится къ подъемной машинѣ. Здѣсь опять хвостъ.

Подъемной машины еще не было. Она была наверху. Но вотъ заскрипѣли блоки, завизжали колеса, катящіяся по рельсамъ, и громадная карета начала спускаться.

— Фу, прямо на насъ. Даже духъ замираетъ. А запруть въ курятникъ да начнутъ поднимать, такъ еще хуже будетъ, — продолжала бормотать Глафира Семеновна, держась за пальто мужа.

— А ты зажмурься—вотъ и не будетъ страшно.

Три раза поднималась и опускалась карета, пока супругамъ пришла очередь занять въ ней мѣста. Наконецъ, они вошли и помѣстились на деревянныхъ скамейкахъ, стоящихъ въ рядахъ. Дверцы кареты задвинулись. Глафира Семеновна перекрестилась и слегка зажмурилась. Свистокъ, и карета, глухо постукивая колесами о рельсы, начала плавно подниматься наверхъ. Глафира Семеновна невольно взвизгнула и вцѣпилась въ рукавъ мужа. Она, дѣйствительно, боялась, поблѣднѣла и слезливо моргала глазами. Николай Ивановичъ, какъ могъ, успокаивалъ ее и говорилъ:

— Эка дура, эка дура! Ну, съ чего ты? Вѣдь и я съ тобой... Полетимъ внизъ, такъ ужъ вмѣстѣ.

Наконецъ, карета остановилась, и кондукторъ открылъ дверцу.

— Ну, вотъ и отлично... Ну, вотъ и пріѣхали... Ну, вотъ и первый этажъ. Чего тутъ бояться? — старался ободрить Николай Ивановичъ жену, выводя ее изъ кареты.

— Господи! Пронеси только благополучно! Угод-

ники Божіи, спасите .. — шептала та. — Вѣдь какой грѣхъ-то дѣлаемъ, взобравшись сюда. За вавилонское столпотвореніе какъ досталось людямъ! Тоже вѣдь башня была.

— Вавилонская башня была выше.

— А ты видѣлъ? Видѣлъ ее?

— Не видалъ, да вѣдь прямо сказано, что хотѣли до небесъ...

— А не видалъ, такъ молчи!

— Я и замолчу, а только ты успокойся, Христа ради. Посмотри: вѣдь никто не робѣетъ. Женщинъ много, и ни одна не робѣетъ. Вонъ католическій попъ ходитъ — какъ ни въ чемъ не бывало. Батюшки! Да здѣсь цѣлый городъ! Вонъ ресторанъ, а вотъ и еще...

— Тебѣ только рестораны и замѣчать. На что другое тебя не хватить, а на это ты мастеръ.

— Да, вѣдь, не выколотъ-же, душечка, себѣ глаза. Фу, сколько народу! Даже и къ рѣшеткѣ-то не обратиться, чтобы посмотрѣть внизъ. Ну, какъ эдакую уйму народа вѣтромъ сдунуть? Такого и вѣтра то не бываетъ. Протискивайся, протискивайся скорѣй за мной, — тянулъ Николай Ивановичъ жену за руку, но та вдругъ опять поблѣднѣла и остановилась.

— Шатается... Чувствую, что шатается, — прошептала она.

— Да полно... Это тебѣ только такъ кажется. Ну, двигай ножками, двигай. Чего присѣла, какъ насѣдка! Всѣ веселы, никто не робѣетъ, а ты...

— У тѣхъ своя душа, а у меня своя...

Кое-какъ супруги протискались къ рѣшеткѣ...

— Фу, вышь какая! А только вѣдь еще на первомъ этажѣ, — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Люди-то, люди-то, какъ букашки внизу шевелятся. Дома-то, дома-то? Смотри-ка, какіе дома-то! Какъ изъ картъ. Батюшки! Вдаль то какъ далеко видно. Сена-то, какъ ленточка, а пароходики на ней, какъ игрушечные. А вонъ вдали еще рѣчка. Знаешь, что, Глаша, я думаю, что ежели въ подзорную трубу смотрѣть, то отсюда и наша Нева будетъ видна.

Глафира Семеновна молчала.

Супруги протискивались къ столику, за которымъ пожилая женщина въ черномъ платьѣ продавала почтовые карточки съ изображеніемъ Эйфелевой башни.

— Катръ... Катръ штукъ... Или даже не катръ, а сенкъ, — сказалъ Николай Ивановичъ, выкидывая на столъ пятифранковую монету.

— Je vous en prie, monsieur, — отсчитала продавщица карточки и сдала сдачу.

— Учтивый народъ, вотъ за что люблю! Все „же ву при“, все „монсье“, — восторгался Николай Ивановичъ. — Ну, Глаша, теперь въ ресторанъ, гдѣ тирольки съ рогами. Надо-же вѣдь гдѣ-нибудь письма-то написать. Кстати и тиролекъ этихъ самыхъ посмотримъ.

— Да ужъ иди, иди. Счастливъ твой богъ, что у меня ноги съ испугу дрожатъ, и я рада-радешенька, только-бы мнѣ присѣсть гдѣ, а то ни за что-бы я не пошла ни въ какой ресторанъ, — отвѣчала Глафира Семеновна.

Супруги направились въ Эльзась-Лотарингскую пивную.

XXXIX.

Эльзась-лотарингская пивная, уставленная множествомъ маленькихъ столиковъ, была переполнена публикой. За столиками пили пиво и писали открытыя письма знакомымъ. Между столиками шныряли прислуживавшія въ пивной женщины въ шерстяныхъ зеленыхъ юбкахъ, бѣлыхъ кисейныхъ лифахъ съ широкими рукавами буфами и съ переплетомъ изъ черныхъ лентъ, на груди и на спинѣ. Головной уборъ женщинъ состоялъ изъ широкихъ черныхъ лентъ, прикрѣпленныхъ на макушкѣ громаднымъ бантомъ, концы котораго поднимались кверху, какъ-бы рога. Женщины разносили пиво и чернильницы съ перьями для писанія писемъ, но большинству посѣтителей чернильницъ не хватало, и приходилось писать карандашомъ. Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна помѣстились за столикомъ.

— Де бьеръ. . . скомандовалъ Николай Ивановичъ подошедшей къ столу женщинѣ. — Де, — прибавилъ онъ, показавъ ей два пальца, улыбнулся и проговорилъ: — Ахъ, ты рогатая, рогатая! Признавайся: многихъ-ли сегодня забодала? Глаша! Переведи по-французски!

— Да ты въ умѣ?—вскинулась на него супруга.— Онъ будетъ при мнѣ съ паршивой дѣвчонкой любезничать, а я ему переводи!

— Какая-же она паршивая дѣвчонка! Она прислужающая гарсонша, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ну, довольно. Алле, мадамъ, и апорте де бьеръ.

— Deux boks? — переспросила прислуга.

— Бьеръ, бьеръ и больше намъ ничего не надо, — отвѣчала Глафира Семеновна, думая, что подъ словомъ “бок” нужно понимать еще какое-нибудь угощеніе. — Какой-то бокъ предлагаетъ! — замѣтила она мужу.

— Да, можетъ, бокъ-то значить — чернильница.

— Чернильница анкріеръ. Это-то я знаю. Учиться въ пансіонѣ да не знать, какъ чернильница по-французски!

— Такъ спроси чернильницу-то. Вѣдь будемъ письма писать. Эй, гарсонша! — крикнулъ вслѣдъ прислугѣ Николай Ивановичъ, но та не вернулась на зовъ.

Черезъ минуту она явилась съ двумя стаканами пива и поставила на столъ.

— Лянкріеръ... Апорте лянкріеръ... — обратилась къ ней Глафира Семеновна.

— A présent nous n'en avons point, madame, — развела та руками. — Si vous voulez un crayon? — предложила она и вынула изъ кармана карандашъ.

— Да можно-ли карандашомъ-то писать письма? — усомнился Николай Ивановичъ, вертя въ рукахъ карандашъ.

— Ecrivez seulement, monsieur, écrivez, — ободряла прислуга, понявъ его вопросъ по недоумѣнію на лицѣ, и прибавила: — Tout le monde écrit avec le crayon.

— Пиши карандашомъ. Что за важность! Всѣ пишутъ, сказала Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, я къ тому, что я хотѣлъ также написать

и его превосходительству Алексѣю Петровичу, съ которымъ состою членомъ въ пріютѣ: такъ по чину-ли ему будетъ карандашомъ-то? Какъ-бы не обидѣлся?

— Изъ поднебесья-то письма посылаешь, да чтобы стали обижаться! Слава Богу, что здѣсь на Эйфелевой башнѣ хоть карандашъ-то нашелся. Пиши, пиши!

Николай Ивановичъ взялъ въ руку карандашъ и написалъ:

„Ваше превосходительство, Алексѣй Петровичъ! Находясь на Эйфелевой башнѣ, съ глубокимъ чувствомъ вспомнилъ объ васъ и повергаю къ стопамъ вашего превосходительства мой низкій поклонъ, какъ славянинъ славянину, и пью за ваше здоровье въ тирольскомъ ресторанѣ“ . . .

Написавъ первое письмо, онъ тотчасъ прочелъ его женѣ и спросилъ:

— Ну, что: хорошо?

— Къ чему ты тутъ славянство-то приплелъ? — спросила Глафира Семеновна.

— А это онъ любить. Пущай. Ну, теперь Михаилу Ѳедорычу Трынкину . . . То-то жена его расцарапается отъ зависти, прочитавъ это письмо! Вѣдь она раззвонила всѣмъ знакомымъ, что ѣдетъ съ мужемъ за границу, а мужъ-то, кажется, предъ кредиторами кафтанъ выворачивать вздумалъ.

Было написано и второе письмо. Оно гласило:

„Милостивый государь, Михаилъ Ѳедорычъ! Вознесшись на самую вершину Эйфелевой башни съ супругой и находясь въ поднебесьѣ, куда даже птицы не залетаютъ, я и жена шлемъ вамъ поклонъ съ этой необъятной высоты, а также и супругѣ вашей Ольгѣ Тарасьевнѣ. Тамъ, гдѣ мы сидимъ, летаютъ облака и натыкаются на башню. Вся Европа, какъ на ладони, сейчасъ мы видѣли даже Америку въ бинокль. Страшно, но очень чудесно. Сначала оробѣли, но теперь ничего, и пьемъ пиво. Поклонъ сосѣдямъ по рынку. Будьте здоровы“.

Прочтено женѣ и второе письмо.

— Какія такія облака на башню натыкаются? Что ты врешь!—удивленно спросила та.

— Пущай. Ну, что за важность! Главное, мнѣ, чтобъ Ольгу-то Тарасьевну раздражить. Да давеча и на самомъ дѣлѣ, одно облако...

— Ничего я не видала. И, наконецъ, про Америку...

— Да брось. Ну, теперь кому?... Теперь напишу Скалкину,—сказалъ Николай Ивановичъ и сталъ писать. Въ письмѣ стояло:

„Изъ дальнихъ французскихъ странъ, среди бушующей бури на Эйфелевой башнѣ, посылаю тебѣ, Иванъ Лукьянычъ, свой поклонъ. Насилу поднялись. Вѣтромъ такъ качало, что просто ужаси. Ежели тебѣ на пароходѣ было страшно, когда васъ качало вѣтромъ во время поѣздки на Валаамъ, то тутъ во сто разъ страшнѣе. Жена упала даже въ обморокъ, но ее спасъ спиртомъ одинъ англичанинъ. А я ни въ одномъ глазѣ... Эйфелева башня въ десять разъ выше петербургской думской каланчи, а наверху флагъ. Мы сидимъ около этого флага и пьемъ шампанское, которое здѣсь дешевле пареной рѣпы“.

— Для чего-же ты врешь-то все?—замѣтила мужу Глафира Семеновна, когда письмо было прочитано.

— Душечка, да нешто онъ можетъ узнать, что я вру? Пущай... Такъ лучше... Зависти будетъ больше. Вѣдь и Скалкинъ бахвалилъ, что поѣдетъ за границу на выставку, однако, вотъ не попалъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ. Кому-бы еще написать?—задумался онъ.

— Да брось ты писать. Давай, я только маменькѣ напишу,—сказала Глафира Семеновна и, придвинувъ къ себѣ карточку, принялась писать, говоря вслухъ.

„Любезная мамаша, здравствуйте. Вчера мы благополучно пріѣхали въ городъ Парижъ, а сегодня въ воздушной каретѣ поднялись на Эйфелеву башню“...

— А сама зачѣмъ врешь?—попрекнулъ жену Николай Ивановичъ.—Даже маменькѣ родной врешь. Какая такая воздушная... карета?

— А клѣтка-то, въ которой мы поднимались? Вѣдь она воздушная... вѣдь мы по воздуху...

— Врешь!.. По рельсамъ катились.

— Но все-таки вѣдь наверхъ, на воздухъ взбирались, а не на гладкомъ мѣстѣ.

— Пиши ужъ, пиши... Богъ съ тобой!

— Пожалуй, я слово „воздушной“ зачеркну...

— Да ничего, ничего. Напиши только, что птицы такъ и гнались за нами.

— Зачѣмъ-же я буду писать, чего не было?

— Ну, тогда я напишу Терентьевымъ, что тебя на высотѣ большой орелъ клюнулъ и чуть шляпку съ тебя не сорвало, но я его убилъ зонтикомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... маменька испугается. Она и такъ плакала, когда мы уѣзжали, и беспокоилась обо мнѣ. Надо ее успокоить.

„Обнимаю васъ и цѣлую съ высоты Эйфелевой башни ваши ручки и прошу родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго. Погода отличная и тутъ всѣмъ не страшно. Николай Ивановичъ также цѣлуетъ васъ“. Вотъ и все...

— Непремѣнно напишу Терентьевымъ, что орелъ хотѣлъ шляпку съ тебя сорвать, но я убилъ его зонтикомъ, — стоялъ на своемъ Николай Ивановичъ и, допивъ пиво, крикнулъ прислуживавшей женщинѣ, показывая на пустой стаканъ:

— Гарсонъ! Мамзель! Анкоръ!

XI.

Удалясь изъ пивной, супруги опустили написанныя въ Россію открытыя письма въ почтовый ящикъ, находившійся тутъ-же въ первомъ этажѣ Эйфелевой башни, и Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Ну, теперь во второй этажъ башни. Собирайся, Глафира Семеновна. Вонъ билетная касса.

Опять покупка билетовъ на подъемную машину. Опять хвостъ. Наконецъ, добрались до каретки подъемной машины. На этотъ разъ каретка была меньше. Глафира Семеновна ужъ безъ робости вошла въ нее. Свистокъ, и подъемная машина начала поднимать карету. Опять свистокъ, и карета остановилась. Супруги вышли изъ нея. Глафира Семеновна взглянула направо и налѣво,—передъ глазами только желѣзные переплеты

башни, окрашенные въ рыжеватый красный цвѣтъ, а дальше—воздухъ и ничего больше. Глафиръ Семеновнѣ вдругъ сдѣлалось жутко.^а Она разставила ноги и остановилась схвативъ мужа за рукавъ.

— Николай Иванычъ, страшно. Ей-ей, я чувствую, какъ башня шатается,—проговорила она.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ... Это одно головное воображеніе. Ну, пойдѣмъ къ периламъ и посмотримъ внизъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ни за что на свѣтъ! Перила обломятся, да еще полетишь, чего добраго... Да и что тутъ смотрѣть... Взобрались съ насъ и довольно. Теперь и спустимся внизъ...

— Какъ внизъ? Еще два этажа.

— Ни за какія коврижки я больше подниматься не стану.

— Глаша, да какъ-же это? Добраться до второго этажа и вдругъ...

б — Слишкомъ достаточно. Вѣдь что на второмъ, то и на третьемъ этажѣ, то и на четвертомъ, только развѣ что немножко повыше. И тутъ вокругъ небеса — и ничего больше, и тамъ вокругъ небеса — и ничего больше.

— Да можетъ быть, тамъ облака...

— Ты вѣдь облака видѣлъ на первомъ этажѣ и даже писалъ объ нихъ знакомымъ, такъ чего-жь тебѣ?... У тебя ужъ на первомъ этажѣ облака о башню задѣвали.

— Да вѣдь это я такъ только. Ну, какъ-же не взобраться на самую вершину! Вдругъ кто-нибудь спросить...

— Разсказывай, что взбирался на самую вершину. Да ты ужъ и разскажалъ въ письмѣ къ Скалкинымъ, что мы сидимъ на самой вершинѣ около флага и пьемъ шампанское. Ну, смотри здѣсь во второмъ этажѣ все, что тебѣ надо, и давай спускаться внизъ.

Они подходили къ столику, гдѣ продавались медали съ изображеніемъ башни.

— Давай хоть пару медалей купимъ. Все-таки на манеръ башенныхъ паспортовъ будетъ, что, дескать,

были на башнѣ, — сказалъ Николай Ивановичъ и купилъ двѣ медали.

У другого столика купилъ они также пару моделей Эйфелевой башни, зашли и на площадку, гдѣ стоящій около телескопа французъ въ кэпи зазывалъ публику посмотрѣть на небо, выкрикивая названіе планетъ и созвѣздій, которыя можно видѣть въ телескопъ. Уплативъ полфранка, Николай Ивановичъ взглянулъ въ трубу и воскликнулъ:

— Глаша! Да тутъ среди бѣлаго дня звѣзды видно — вотъ мы на какой высотѣ. Ахъ, непременно нужно будетъ про это написать кому-нибудь въ Петербургъ.

Заглянула въ телескопъ и Глафира Семеновна и пробормотала:

— Ничего особеннаго. Звѣзды, какъ звѣзды.

— Да, вѣдь, днемъ, понимаешь-ли ты, днемъ!

— Стекло такъ устроено — вотъ и все.

— Воображаю я, что на четвертомъ этажѣ! Оттуда въ такую трубку, навѣрно, Лиговку увидать можно и нашъ домъ около Глазова моста. А ну-ка, мусье, наставь на Петербургъ. Глаша, скажи ему, чтобъ онъ на Петербургъ трубку наставилъ.

— Вуаръ Петербургъ онъ пе? — спросила француза Глафира Семеновна.

Тотъ отрицательно покачалъ головой и проговорилъ:

— Oh, non, madame, c'est une autre chose.

— Нельзя. Говорить, что нельзя... — отвѣтила Глафира Семеновна.

— Вреть. Де франкъ, мусье. Наставь... — протянулъ Николай Ивановичъ французу деньги.

Французъ не бралъ денегъ.

— Ну, трау франкъ. Не хочешь и трау франкъ? Тогда зажрался, значитъ.

— Давай скорѣй внизъ спускаться, Николай Ивановичъ, — сказала Глафира Семеновна мужу. — Спустимся внизъ и будемъ искать какой-нибудь ресторанъ, чтобы позавтракать. Я страшно ѣсть хочу. Пиво-то пили, а ѣсть-то ничего не ѣли.

— Да неужто, Глаша, мы не поднимемся на вершину?

— Нѣтъ, нѣтъ!

Шагъ за шагомъ добрались супруги среди толпы до спускной машины, которая уже сразу спускала изъ второго этажа внизъ, и стали въ хвостъ, дабы ждать своей очереди. Здѣсь Николай Ивановичъ опять увидалъ столикъ съ продающимися почтовыми карточками, не утерпѣлъ, купилъ еще одну карточку и тотчасъ же написалъ въ Петербургъ самое хвастливое письмо одному изъ своихъ знакомыхъ—Терентьеву. Онъ писалъ:

„Сидя на вершинѣ Эйфелевой башни, пьемъ за ваше здоровье. Вокругъ насъ летаютъ орлы и дикіе коршуны и стараются заклевать насъ. Вѣтеръ реветъ и качаетъ башню изъ стороны въ сторону. Сейчасъ одинъ орелъ вцѣпился въ шляпку Глафиры Семеновны и хотѣлъ сорвать, но я убилъ его зонтикомъ. Находимся на такой ужасной высотѣ, что даже днемъ звѣзды на небѣ видны, хотя теперь солнце. Каждая маленькая звѣзда кажется здѣсь аршина въ три величины, а луна такъ больше Гостиного двора и на ней видны люди и разные звѣри. Спускаемся внизъ, потому что ужъ больше невтерпежъ сидѣть. Прощайте. Будьте здоровы“.

Письмо это Николай Ивановичъ не прочелъ женѣ и сразу опустилъ его въ почтовый ящикъ.

Черезъ четверть часа супруги сидѣли въ каретѣ спускной машины и катились по отвѣснымъ рельсамъ внизъ.

— Вотъ спускаться, такъ совсѣмъ не страшно, — говорила Глафира Семеновна. — Точь-въ-точь съ ледяныхъ горъ на Крестовскомъ катишься.

— Ахъ, Глаша, Глаша! Какого мы дурака сломали, что на вершину башни не поднялись! — вздыхалъ Николай Ивановичъ.

— Ничего не значить. Дома въ Петербургъ всѣмъ будемъ рассказывать, что около самага флага сидѣли, — отвѣчала супруга.

Позавтракать супругамъ удалось на этотъ разъ довольно плотно.

Они вышли изъ ресторана вполне довольные судьбой. Мимо нихъ шли катальщики кресель въ сврыхъ нанковыхъ блузахъ и въ синихъ кэпи съ краснымъ кантомъ, везя предъ собой кресла.

— Не хочешь-ли на французъ покататься? — предложилъ женѣ Николай Ивановичъ, кивая на кресло.

— Дѣйствительно, было-бы хорошо, потому я страсть какъ устала, но ужъ очень стыдно, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Вдругъ челоѡѡкъ на челоѡѡкъ!..

— Ты дама, а не челоѡѡкъ. Мужчинѣ это точно, что стыдно. Эй, ломъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ катальщику. — Или какъ тебя? Гарсонъ! Нѣтъ не гарсонъ. Какъ катальщикъ-то, Глаша, по-французски?

— Да развѣ можно всѣ французскія слова знать! Вѣдь я не французженка. Помани его— онъ и остановится.

— Эй, эй! Лошадь на двухъ ногахъ! Шевалье! — махалъ зонтикомъ Николай Ивановичъ.

Катальщикъ направилъ къ нему свое кресло.

— На шеваль-то откликнулся. Вѣрно, ихъ здѣсь шевалью зовутъ, — улыбнулся Николай Ивановичъ и, указавъ на Глафиру Семеновну, прибавилъ: — Пуръ ля дамъ. Комбьянъ?

— Oh, monsieur, j'ai sais, que madame sera aimable, — отвѣчалъ катальщикъ.

— Сколько? Глаша! Сколько онъ сказалъ?

— Да онъ ничего не сказалъ.

— Не торговавшись все-таки нельзя. Богъ знаетъ, сколько слупить. Ну, на энъ франкъ мадамъ покататься? Согласенъ? Энъ франкъ... — показалъ Николай Ивановичъ катальщику одинъ палецъ.

— Oui, oui, monsieur... je comprends... Prenez place, madame, s'il vous plait.

Глафира Семеновна сѣла въ катальное кресло. Катальщикъ всталъ сзади кресла и спросилъ куда ѣхать.

— Куда, Николай Ивановичъ? — обратилась она къ мужу.

— Почему-же я-то знаю! Куда глаза глядятъ, туда пускай и ѣдетъ.

— Прямо, прямо. Ту друа... — скомандовала Глафира Семеновна.

Катальщикъ покатишь кресло. Николай Ивановичъ шелъ рядомъ и говорилъ женѣ:

— Приѣдешь въ Петербургъ, такъ по крайности будетъ чѣмъ похвастать: на французѣ ѣздила. Вотъ ты этимъ французомъ-то своей теткѣ Парасковѣ Кузьминишнѣ носъ и утри. Она тебѣ рассказывала, что когда въ Іерусалимъ Богу молиться ѣздила, такъ ѣхала и на ослахъ, и на козлахъ, и на верблюдахъ. Вотъ ты ей, вернувшись, и подпусти штучку: „вы, моль, тетенька, и на козлахъ, и на ослахъ, и на верблюдахъ въ чужихъ краяхъ ѣздили, а я на французѣ“. Это по нашему— рубль помирить и пять рублей въ гору.

— Да куда-же, Николай Ивановичъ, ѣхать-то? — спрашивала мужа Глафира Семеновна.

— Спроси у катальщика, что здѣсь есть особенно замѣчательнаго.

Глафира Семеновна подумала, сложила въ головѣ французскую фразу и спросила своего катальщика:

— Экуте... Кескилья иси ремаркабль? Монтре ну, же ву при...

— Oh, oui, madame. Les sauvages est-ce que vous avez vu?

— Что онъ говоритъ, Глаша?

— Дикихъ людей предлагаетъ посмотрѣть.

— Дикихъ? отлично. Пусть везетъ къ дикимъ. Вези, вези.

— Ну назонъ па вю ле соважъ... Алле... Се бьенъ ле соважъ.

— Oui, madame. Vous verrez quelque chose d'admirable... Ils mangent, ils dansent, ils chautent, ils travaillent, — говорилъ катальщикъ и покатишь кресло по направленію къ берегу Сены.

Не доѣзжая до берега Сены, катальщикъ вдругъ воскликнулъ надъ кресломъ Глафиры Семеновны:

— *L'isba russe! Madame, est-ce que vous avez vu l'isba russe?*

— Батюшки! Въ самомъ дѣлѣ, русская изба, — проговорила Глафира Семеновна. — Николай Иванычъ, видишь русскую избу? Надо зайти.

— Еще бы... Здѣсь навѣрное и наши русопяты есть. Мусье, держи направо къ избѣ.

— А друать, а друать... — командовала Глафира Семеновна.

Катальщикъ подкатилъ кресло къ маленькому деревянному зданію съ ажурными украшеніями, изображающему изъ себя что то въ родѣ избы. Около зданія была даже скворечница на шестѣ. Глафира Семеновна быстро соскочила съ кресла и направилась въ дверь. Проскользнулъ за ней и Николай Ивановичъ. Тотчасъ противъ двери стоялъ прилавокъ, и за нимъ помѣщались двѣ дѣвушки въ платьяхъ, напоминающихъ сарафаны, съ заплетенными косами, въ повязкахъ въ родѣ кокошниковъ, съ пестрыми бусами на шеяхъ. Дѣвушки продавали точеная изъ дерева игрушки, изображающія лошадокъ, козловъ, мужиковъ, медвѣдей. На прилавкѣ лежали также монастырскія четки съ крестиками, деревянные ложки съ благословляющей рукой на концѣ черенка. За прилавкомъ на полкѣ видѣлся тульскій самоваръ, очень плохой ларець съ фольговыми украшеніями, обитый по краямъ жестью, и нѣсколько красныхъ лукошекъ новгородской работы. Надъ полкой было повѣшено полотенце съ вышитыми красной бумагой пѣтухами на концахъ, а въ углу помѣщался образъ темнаго письма съ серебрянымъ вѣнчикомъ, вставленный въ кіоту.

— Ну, вогу, наконецъ-то и наши православные! Сейчасъ потолкуемъ по-русски послѣ долгаго говѣнья, — заговорилъ Николай Ивановичъ, подходя къ одной изъ дѣвушекъ въ сарафанѣ. — Здорово, землячка. Питерская, что ли, или изъ Москвы? — спросилъ онъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него упорнымъ взглядомъ, покачала головой и отвѣчала:

— Je ne comprends pas, monsieur...

— Какъ?! Русская дѣвица и по-русски не говоритъ! Дѣвушка смотрѣла и улыбалась.

— Да неужто въ самомъ дѣлѣ не говорите или притворяетесь? Притворяетесь, притворяетесь, — продолжалъ Николай Ивановичъ.

— Переодѣтая француженка—вотъ и все. Теперь я даже по физиомордіи вижу, что француженка, — сказала Глафира Семеновна.

— Ахъ, шутъ ихъ возьми! Избу русскую выстроили, а не могли русскихъ дѣвокъ привезти! Да неужто же, мамзель, вы такъ-таки ни одного слова по-русски?

— На зюнь сель мо ля рюссъ? — перевела дѣвущкѣ Глафира Семеновна.

— Samowar... Kabak... Kosuchka... Tchai... Vodka... Lubli stalovatza... — слышалось въ отвѣтъ.

— Довольно, довольно... — замахалъ руками Николай Ивановичъ.

— Achetez quelque chose, monsieur! Vous aurez le souvenir d'isba russe... — предлагала дѣвушка игрушки.

— Брысь! И говорить съ тобою не желаю послѣ этого.

Николай Ивановичъ подошелъ къ другой дѣвущкѣ въ сарафанѣ.

— Тоже франсе? Или, можетъ статья, на грѣхъ еще нѣмка? — задалъ онъ вопросъ.

— Nous ne sommes des russes, monsieur. Nous sommes de Paris...

— Тьфу ты пропасть!

— Voilà le russe... Voilà qui parle russe...*)—указала дѣвушка на токарный станокъ, за которымъ сидѣлъ молодой парень въ красной кашемировой рубахѣ и лакированныхъ сапогахъ съ наборомъ и что-то мастерилъ.

Парень улыбался. Николай Ивановичъ подошелъ къ нему.

— Русскій, землякъ?

*) Вотъ русскій. Вотъ кто говоритъ по-русски.

— Точно такъ-съ, — отвѣчалъ тотъ по-русски. — Изъ Сергіевскаго посада, изъ-подъ Москвы.

— Руку! Глаша! Русскій... Нашъ русопять. Протягивай ему руку... Не слышали вѣдь мы еще въ Парижѣ русскаго-то языка... И ругаться умѣешь?

— Еще бы... — опять улыбнулся парень.

— Отчего же вы русскихъ-то бабъ или дѣвокъ не захватили?

— Да вѣдь возня съ ними. Тутъ въ русскомъ отдѣлѣ была привезена одна—ну, сбѣжала.

— Куда? съ кѣмъ?

— Да тоже съ русскимъ. Купецъ, говорятъ, какой-то. На Тирольскія горы повезъ, что ли. Самъ поѣхалъ печенку лѣчить, и она съ нимъ. Въ началѣ лѣта это еще было.

— Нравится ли Парижъ-то?

— Пища плоха, господинъ. Щей нѣтъ, а супы ихніе жидкіе до смерти надоѣли. Водочки нѣтъ.

— Да, братъ, насчетъ водки срамъ. Я самъ затосковалъ. Венъ ружъ пьешь, что-ли?

— Потребляемъ малость. Ну, коньякъ есть. А только это не та музыка.

— Пойдемъ, выпьемъ коньяку, землякъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... — запротестовала Глафира Семеновна. — Какая тутъ выпивка! Пойдемъ дикихъ смотрѣть. Вѣдь мы на дикихъ отправились смотрѣть.

— Да нельзя же, Глаша, съ землякомъ не выпить! Вѣдь настоящій русскій человѣкъ.

— Въ другой разъ выпьешь. Вѣдь еще не завтра изъ Парижа уѣзжаемъ. Пойдемъ, Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь мы только по одной собачкѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Прошлый разъ уже мнѣ надоѣло съ тобой съ пьянымъ-то возиться.

— Э-эхъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ. — Правду ты, землякъ, говоришь, что съ бабами здѣсь возня. Ну, до свиданія. Мы еще зайдемъ.

— Счастливо оставаться, ваша милость.

Николай Ивановичъ протянулъ руку парню и, переругиваясь съ женой, вышелъ изъ избы.

Катальщикъ повезъ Глафиру Семеновну дальше.

Запахло, по выраженію Гейне, запахомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ одеколономъ. Катальщикъ подкатилъ кресло къ каменнымъ мазанкамъ съ плоскими крышами сѣверо африканскихъ народовъ, которыхъ онъ и называлъ „дикими“ (sauvages). Николай Ивановичъ шелъ рядомъ съ кресломъ Глафиры Семеновны. Виднѣлись каменные низенькіе заборы, примыкающіе къ мазанкамъ и составляющіе дворы. Мелькали смуглолицыя мужчины изъ аравійскихъ племенъ, прикрытые грязными бѣлыми лохмотьями, босые, съ голыми ногами до колѣнъ, въ тюрбанахъ, но часто обнаженные сверху до пояса, чернобородые, черноглазые, съ бѣлыми широкими зубами. Нѣкоторые изъ нихъ торговали подъ плотными навѣсами, прикрѣпленными къ заборамъ, засахаренными фруктами, нанизанными на соломинки, винными ягодами, миндаземъ, орѣхами и какими-то вышитыми цвѣтными тряпками, выкрикивая на плохомъ французскомъ языкѣ: „Де конфитюръ, мадамъ! А бонъ марше, а бонъ марше!“ Выкрикивая названіе товаровъ, они переругивались на своемъ гортанномъ нарѣчій другъ съ другомъ, скаля зубы и показывая кулаки, для привлеченія покупателей звонко хлопали себя по бедрамъ, свистѣли и даже пѣли пѣтухомъ.

— Les sauvages... — отрекомендовалъ катальщикъ.

— Дикіе... — перевела Глафира Семеновна, выльзая изъ кресла. — Надо посмотрѣть. Пойдемъ, Николай Ивановичъ. Разсчитывайся съ французомъ и пойдемъ.

Николай Ивановичъ расплатился съ катальщикомъ, и они отправились къ самымъ мазанкамъ. Около мазанокъ было сыро, грязно, мѣстами даже стояли лужи помоевъ, валялись объѣдки, орѣховая скорлупа, кожура плодовъ, кости.

— Полубѣлаго сорта эти дикіе-то, а не настоящіе,—сказалъ Николай Ивановичъ. — Настоящій дикій человекъ — черный.

Маленькій арабченокъ, голоногій и только съ

головы до раздвоенія туловища прикрытый бѣлой рваной тряпичей, тотчасъ-же схватилъ Глафиру Семеновну за полу ватерпруфа и заговорилъ что-то на гортанномъ нарѣчїи, таща къ мазанкѣ.

— *Dix centimes, madame, dix centimes...* — выдавалась въ его рѣчи французская фраза.

Николай Ивановичъ крикнулъ ему „брысь“ и замахнулся на него зонтикомъ, но онъ не отставалъ, скалилъ зубы и сверкалъ черными, какъ уголь, глазами.

— Да куда ты меня тащишь-то? — улыбнулась Глафира Семеновна.

— *Dix centimes, et vous verrez notre maison...* — повторялъ арабченокъ.

— Домъ свой показать хочетъ. Не страшно, Николай Ивановичъ, къ нимъ идти-то?

— Ничего, я думаю. Въ случаѣ чего — вонъ городской стоитъ.

Повинуясь арабченку, они подошли къ мазанкѣ и вошли въ переулокъ, еще болѣе грязный. Подведя къ низенькой двери, ведущей въ мазанку и завѣшанной грязнымъ ковромъ, арабченокъ вдругъ остановился около нея и загородилъ входъ.

— *Dix centimes...* — строго сказалъ онъ, протягивая руку.

— Дай ему, Николай Ивановичъ, мѣдяшку. Десять сантимовъ просить. Тамъ у тебя мѣдяки въ карманѣ есть... — сказала Глафира Семеновна мужу.

— На, возьми, чортъ съ тобой...

Николай Ивановичъ протянулъ арабченку десятисантимную мѣдную монету. Арабченокъ приподнял коверъ и пропустилъ въ дверь Глафиру Семеновну, но передъ Николаемъ Ивановичемъ тотчасъ-же опять загородилъ входъ.

— *Dix centimes, monsieur...* — заговорилъ онъ опять.

— Да вѣдь ужъ далъ я тебѣ, чертенку, трешницу.

— *Dix centimes pour madame, dix centimes pour monsieur...*

— Николай Иванычъ, что-же ты? Гдѣ ты? Я боюсь одна! — слышалось изъ мазанки.

— Сейчасъ, сейчасъ... Да пусти-же, чортова кукла! — оттолкнулъ онъ арабченка и ворвался въ дверь за женой.

Арабченокъ завизжалъ, вскочилъ въ мазанку и повисъ на рукѣ у Николая Ивановича, крича:

— Dix centimes, dix centimes...

— Вотъ неотвязчивый-то... Да погоди, дай по-смотришь. Потомъ дамъ, можетъ быть и больше.

— Dix centimes, dix centimes... — не унимался арабченокъ и даже впился Николаю Ивановичу въ руку зубами.

— Кусаться? Ахъ, ты, чортъ проклятый! На подавись.

— Получивъ еще монету, арабченокъ успокоился, подбросилъ ее на рукѣ и вмѣстѣ съ другой монетой тотчасъ опустилъ въ мѣшокъ, сдѣланный изъ паголенки женскаго полосатаго чулка, висящаго у стѣны у входа. Мѣшокъ былъ уже наполовину набитъ мѣдяками.

— Каково! Кусаться вздумалъ, пострѣленокъ... — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Да вѣдь съ ними надо осторожно. Они ди-кіе... — отвѣчала та. — А только къ чему онъ насъ притащилъ сюда? Здѣсь и смотришь-то нечего.

Смотрѣть было, дѣйствительно, нечего. Сидѣла на циновкѣ грязная смуглая пожилая женщина въ бѣломъ покрывалѣ на головѣ, съ голыми ногами, съ голой отвисшей грудью и, прижавъ къ груди голаго ребенка, кормила его. Далѣе помѣщалась, поджавъ подъ себя ноги, передъ ткацкимъ станкомъ молоденькая дѣвушка въ бусахъ на шеѣ и ткала коверъ. Въ углу храпѣлъ, лежа внизъ лицомъ, на циновкѣ арабъ, но отъ него виднѣлись только голыя ноги съ неимо-вѣрно грязными пятками. Въ мазанкѣ царствовалъ полумракъ, ибо маленькое грязное окошко освѣщало плохо, воздухъ былъ спертъ, пахло дѣтскими пеленками, пригорѣлымъ саломъ.

— Тьфу, мерзость! Пойдемъ назадъ... — прогово-

рилъ женѣ Николай Ивановичъ и вывелъ ее изъ ма-
занки въ переулокъ.

Арабченокъ опять вертѣлся около нихъ.

— Dix centimes, monsieur...—Dix centimes. Je vous
montreraï quelque chose, — кричалъ онъ, протягивая руку.

— Какъ, и за выходъ платить надо? Ну, братъ,
ужъ это дудки! — возмутился Николай Ивановичъ. —
Городовой! Гдѣ городовой!

— Онъ еще показать что-то хочетъ. Пусть возь-
метъ мѣдячокъ. Вѣдь бѣдный... Нищій... — сказала
Глафира Семеновна и, взявъ у мужа монету, передала
арабченку.

Получивъ деньги, арабченокъ въ мгновение ока
сбросилъ съ себя тряпки, которыми былъ прикрытъ съ
головы; очутился весь голый и сталъ кувыркаться на
грязной землѣ. Глафира Семеновна плюнула и пота-
щила мужа изъ переулка.

XLIV.

Вечерѣло. Надъ Парижемъ спускались уже су-
мерки, когда супруги обошли рядъ восточныхъ по-
строекъ, составляющихъ улицу. Пора было помышлять
и объ обѣдѣ.

— Я ѣсть хочу. Ты хочешь кушать, Глаша?—
спросилъ супругу Николай Ивановичъ.

— Еще бы не хотѣть! Даже очень хочу. Цѣлый
день на ногахъ, цѣлый день слоняемся по выставкѣ, да
чтобы не захотѣть! Только не будемъ обѣдать на вы-
ставкѣ, а пообѣдаемъ гдѣ-нибудь въ городѣ. Мало-ли
тамъ ресторановъ.

— Ну, ладно. А теперь на загладку прокатимся на
ослахъ, да и велимъ вывезти насъ прямо къ выходу.

— Нѣтъ, нѣтъ. Что-ты! Вотъ еще что выдумалъ!—
воспротивилась Глафира Семеновна.

— Да отчего же? Ослы вѣдь бѣгутъ тихо. Они не
то, что лошади. Да кромѣ того, ихъ подъ уздцы осли-
ные извозчики ведутъ. Опасности, ей-ей, никакой.

— Боюсь, боюсь.

— Боятся, душечка, тутъ нечего. Ты видѣла, когда давеча англичанка ѣхала? Самымъ спокойнымъ манеромъ. Да еще какая англичанка-то! Восемипудовая и вотъ съ какимъ брюхомъ!.. Доѣхали бы до выхода, а тамъ взяли бы колясочку и велѣли бы извозчику везти насъ въ самый лучшій ресторанъ. Чего тутъ?.. А вечеромъ въ театръ.

— Да, право, Николай Иванычъ, я верхомъ никогда не ѣзжала.

— Да вѣдь это осель, а не лошадь, — уговаривалъ Николай Ивановичъ жену.— Вонъ даже маленькія дѣвочки ѣздятъ. Ну, смотри, какъ маленькая дѣвочка хорошо ѣдетъ,—указалъ онъ на нарядно одѣтую всадницу лѣтъ двѣнадцати въ коротенькомъ платьицѣ и черныхъ чулкахъ. — А завтра на выставку ужъ не поѣхали бы, а отправились бы по магазинамъ покупать для тебя парижскіе наряды. Какъ магазинъ-то хорошій называется, который тебѣ рекомендовали?

— Магазины де-Лувръ.

— Ну, вотъ, вотъ... А только сейчасъ ужъ поѣдемъ на ослахъ. Пожалуйста, поѣдемъ. Знаешь, для чего я прошу? Мнѣ хочется похвастаться передъ Скалкиными. Сегодня вечеромъ и написалъ бы имъ письмо, что ѣздили мы на ослахъ съ дикимъ арабскимъ проводникомъ, который пѣлъ арабскія пѣсни, что осель взбѣсился, закусилъ удила и помчался прямо по направленію къ бушующей рѣкѣ, — еще моментъ, и ты бы погибла въ волнахъ, но я бросился за тобой и на краю пропасти остановилъ разсвирѣпѣвшаго осла...

— Схвативъ его за хвостъ?—перебила мужа Глафира Семеновна.

— Зачѣмъ-же за хвостъ. Схватилъ его подъ уздцы. Съ опасностью для своей жизни схватилъ подъ уздцы.

— Ахъ, Николай Иванычъ, какъ ты любишь враты! И что это у тебя за манера!

— Не враты, душечка, а просто это для прикраски.

— Да, пожалуй, поѣдемъ. А только, вѣдь, никакого удовольствія.

— Ну, какъ никакого! Эй, ослятникъ! Балахон-

никъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ пріютившагося около стѣны погонщика съ осломъ.

Балахонникъ, замѣтивъ, что ему машутъ, тотчасъ же подтащилъ осла къ супругамъ и оскалилъ зубы.

— Къ выходу! Къ воротамъ, гдѣ ля портъ, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Да вотъ что. Махни-ка второго осла. Энъ лань пуръ ма фамъ и энъ лань пуръ муа. Глаша! Да переведи же.

— Де зань. Иль фо ну де зань!... — перевела Глафира Семеновна и показала балахоннику два пальца.

Тотъ тотчасъ пронзительно свистнулъ, положивъ два пальца себѣ въ ротъ, и замахалъ руками. Откуда то изъ-за угла показался еще балахонникъ съ осломъ и подвелъ его въ поводу къ супругамъ.

— Садись, Глаша... Давай я тебя посажу, — сказалъ Николай Ивановичъ супругѣ. — Ну, облокотись на меня и влѣзай.

Николай Ивановичъ наклонился. Глафира Семеновна одной рукой схватилась за сѣдло осла, а другой уперлась въ спину Николая Ивановича и занесла ногу въ стремя, но вдругъ вскрикнула:

— Ай, ай! Балахонникъ за ногу... за ногу хватается!

— Ты что, распроканалія, протобестія, свиное ухо эдакое! — накинулся на балахонника Николай Ивановичъ и замахнулся зонтикомъ. — Ты за ногу... Ты за пье хвате... Ежели ты, арабская твоя образина...

Балахонникъ сидѣлъ, опустившись на корточки, скалилъ зубы и бормоталъ что-то по-своему, показывая себѣ на ладонь. Наконецъ, онъ произнесъ на ломанномъ французскомъ языкѣ:

— Мете пье, мадамъ, мете пье...

— Ахъ, онъ хочетъ, чтобъ я ногу ему на руку поставила! — воскликнула Глафира Семеновна. — Вотъ онъ почему меня за ногу хваталъ. Но все-таки какъ же онъ смѣетъ самовольно за ногу! Посади меня, Николай Ивановичъ, на осла.

Но прежде, чѣмъ Николай Ивановичъ бросилъ свой зонтикъ и взялся за Глафиру Семеновну, балахонникъ

уже схватилъ ее въ охапку и, какъ перышко, посадилъ на осла.

— Стой, стой, мерзавецъ! — крикнула было Глафира Семеновна, но она уже сидѣла въ сѣдлѣ.

Балахонникъ издалъ какой-то гортанный звукъ и потащилъ за поводъ осла.

— погоди! погоди! Мы вмѣстѣ поѣдемъ! — восклицалъ ему вдогонку Николай Ивановичъ, поспѣшно карабкался и, наконецъ, посаженный балахонникомъ, усѣлся и крикнулъ ему:

— Пошелъ! Дуй бѣлку въ хвостъ и гриву! Догоняй жену!

XLV.

Покатавшись на ослахъ и разсчитавшись съ погонщиками, супруги взяли извозчика. Когда они усѣлись въ коляску, тотъ обернулся къ нимъ лицомъ и спросилъ, куда ѣхать, повторяя обычное:

— Quelle rue, monsieur? Quel numèro?

— Да не номера, не въ номера... А надо объѣдать ѣхать... Дине, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Монтре, у онъ пе тре бьянъ дине. Ме тре бьянъ, — прибавила Глафира Семеновна.

— Qui, madame, — сказалъ извозчикъ и повезъ по улицамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять обернулся и проговорилъ:

— Il me semble, que vous êtes des étrangers. Et après diner? Après diner vous allez au théâtre? N'est-ce pas? Alors, je vous conseille le théâtre Edem. C'est ravissant.

— Смотри-ка, Николай Иванычъ, какой любезный извозчикъ-то! Даже театръ рекомендуетъ, — замѣтила Глафира Семеновна. — Коше! Кель театръ ву заве ди?

— Edem, madame. Ce n'est pas loin de l'Opèra.

— Оперу тамъ поють? — переспросилъ у жены Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ говоритъ, что театръ-то находится недалеко отъ Оперы. Помнишь, мы проѣзжали мимо громаднаго театра, такъ вотъ около.

— А спроси-ка, какое тамъ представленіе. Можетъ быть, опять танцы животомъ, такъ ну ихъ къ чорту.

— А кескиля данъ сеть театръ?—задала вопросъ извозчику Глафира Семеновна.

— *C'est le ballet, madame.*

— Балеть тамъ представляютъ.

— Слышу, слышу. Это-то я понялъ. Я ужъ теперь къ французскому языку привыкъ, — похвастался Николай Ивановичъ.—А только ты все-таки, Глаша, спроси, какой балеть. Можетъ быть, опять животный балеть. Здѣсь въ Парижѣ что-то мода на нихъ. Въ три театрика мы заходили на выставкѣ—и въ трехъ театрахъ балеть животомъ.

— Дѣйствительно, эти танцы животомъ противны.

— То-есть они не противны, но ежели все одно и одно...

— Молчи, пожалуйста. Коше! Кель балеть данъ сеть театръ?

— *Exelsior. Ah, madame, c'est quelque chose d'énorme.*

— Ла дансъ де вентръ?

— *O, non, non, madame. C'est quelque chose de ravissant. Grand corps de ballet.. Mais il vous faut procurer les pillets.. à présent.*

Черезъ десять минутъ извозчикъ подвезъ супруговъ къ театру, помѣщающемуся въ небольшомъ переулкѣ за Большой Оперой. Надъ театромъ красовалась вывѣска „Edem“. На дверяхъ были наклеены громадная афиши съ изображеніемъ сценъ изъ балета „Экзельсіоръ“. Тутъ были нарисованы и желѣзнодорожный поѣздъ съ паровозомъ, и пароходъ, скалы, пальмы, масса полураздѣтыхъ танцовщицъ, и посреди всего этого стояла на одной ногѣ, очевидно, балерина, изъ которой летѣли искры.

— Афишка-то атуристая, на манеръ балаганной,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ничего. Возьмемъ два билета. Извозчикъ хватить балеть. Здѣсь извозчики все знаютъ, — отвѣчала Глафира Семеновна.

Запасшись билетами, супруги поѣхали обѣдать.

Извозчикъ привезъ ихъ къ какому-то зданію и сказалъ по-французски:

— Вотъ здѣсь хорошіе обѣды. Вы останетесь довольны. Это пассажъ. Войдите и вы увидите ресторанъ.

Супруги вошли въ ресторанъ. Ресторанъ былъ блестящій и буквально залитъ газомъ, но рекомендованный обѣдъ не понравился супругамъ, хотя онъ и состоялъ изъ восьми перемѣнъ. Супъ былъ жидокъ; вмѣсто рыбы подали креветки съ соусомъ провансаль, которыхъ Глафира Семеновна и не ѣла, мяса, поданнаго на гренкѣ, былъ данъ такой миниатюрный кусочекъ, что Николай Ивановичъ въ одинъ разъ запихалъ его въ ротъ. Далѣе слѣдовали доньшки артишоковъ, какой-то неизвѣстно изъ чего приготовленный, бѣлый соусъ, половина крылышка пудярдки съ салатомъ, пуддингъ съ абайономъ, дыня и кофе. Въ обѣдъ былъ введенъ также пуншъ глянсэ. Взяли за все это по 6 франковъ съ персоны, кромѣ вина.

— Гдѣ-же хваленая парижская ѣда-то?—спрашивалъ Николай Ивановичъ послѣ обѣда, допивая остатки краснаго вина. — Взяли за обѣдъ по шести французскихъ четвертаковъ, что, ежели перевести на наши деньги, составляетъ по курсу два рубля сорокъ копѣекъ, а ей-ей, я ни сытъ, ни голоденъ. А у насъ въ Петербургѣ за два рубля у Донона такъ накормятъ, что до отвалу. А здѣсь я, ей-ей, ни сытъ, ни голоденъ. Ты знаешь, послѣ обѣда я всегда привыкъ всхрапнуть, а послѣ этого обѣда мнѣ даже спать не хочется. Эхъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я теперь поѣлъ бы хорошихъ свѣжихъ щей изъ грудинки, поросенка со сметаной и хрѣномъ, хорошій бы кусокъ гуся съ яблоками съѣлъ. А здѣсь ничего этого нѣтъ, — ропталъ онъ. — Мало ѣдятъ французы, мало. Спросить развѣ сейчасъ себѣ цѣлую пулярдку? Ей ей, я ѣсть хочу.

— Да полно тебѣ! Послѣ театра поѣшь, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Для твоей толщины впроголодь даже лучше быть. Расплачивайся скорѣй за обѣдъ да поѣдемъ домой. Мнѣ нужно переодѣться для театра. Вѣдь ужъ навѣрное у нихъ въ Парижѣ хоть въ театрѣ-то бываетъ нарядная публика.

По афишкѣ представленіе въ театрѣ Эдемъ было назначено въ восемь часовъ. Супруги подъѣхали къ театру безъ четверти восемь, но подъѣздъ театра былъ еще даже и не освѣщенъ, хотя около подъѣзда уже толпилась публика и разгуливалъ городской, попыхивая тоненькой папироской saroga. Николай Ивановичъ толкнулся въ двери—двери были заперты.

— Кескесе? Ужъ не отмѣнили-ли представленіе?— обратился онъ къ женѣ.

— Да почему-же я знаю!—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Такъ спроси у городского.

— Какъ я спрошу, если я по-французски театральныхъ словъ не знаю. Впрочемъ, около театра толпится публика,—стало быть, не отмѣнили.

Пришлось дожидаться на улицѣ, что было очень неприятно, такъ какъ пошелъ дождь, а Глафира Семеновна была въ нарядномъ шелковомъ платьѣ, въ свѣтлыхъ перчаткахъ, въ хорошей ажурной шляпкѣ съ цвѣтами. Николай Ивановичъ раскрылъ надъ ней зонтикъ и бранился.

— Вотъ безобразіе-то! Приѣхали за четверть часа до представленія, а еще и въ театрѣ не пускаютъ, — говорилъ онъ и прибавилъ: — да нѣтъ ли тутъ какого-нибудь другого подъѣзда? Можетъ быть, это подъѣздъ для галлерей, для дешевыхъ мѣстъ? Глаша, ты бы спросила у городского.

— Пе тетръ иль я энъ отръ портъ? — обратилась Глафира Семеновна къ городскому, но получила отрицательный отвѣтъ и передала объ этомъ мужу.

— Странно, что даже на извозчикахъ никто не подъѣзжаетъ, — продолжалъ удивляться Николай Ивановичъ.

Публика, являющаяся пѣшкомъ и подъ зонтиками, все прибывала и прибывала. Мужчины являлись съ засученными снизу у щиколокъ ногъ брюками. Тѣ, которые явились къ театру до дождя, принялись также

засучивать брюки. Всѣ старались стать подѣ небольшою навѣсѣ подѣзда, а потому тѣснота усиливалась.

— Береги брилліантовую брошку, Глаша, а то какъ бы не слизнули, — замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.

Стоящій около него пожилой человѣкъ въ черной поярковой шляпѣ и съ маленькими бакенбардами петербургскихъ чиновниковъ улыбнулся на эти слова и проговорилъ по-русски.

— Посовѣтуйте также вашей супругѣ и карманы беречь. Здѣсь, въ Парижѣ, множество карманниковъ.

— Батюшки! Вы русскій? — радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Очень пріятно, очень пріятно. Глаша, русскій... Представьте, у меня даже сердце чуяло, что вы русскій.

Можетъ быть потому, что курю русскую папиросу фабрики Богданова съ изображеніемъ орла на мундштукѣ? — спросилъ бакенбардистъ, показывая папиросу.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ... Я не только что орла, я даже и папиросы-то у васъ не замѣтилъ. Просто лицо ваше мнѣ почему-то показалось русскимъ. Знаете... эдакій обликъ... Позвольте отрекомендоваться: Николай Ивановичъ Ивановъ, петербургскій купецъ, а это жена моя. Господи, какъ пріятно съ русскимъ человѣкомъ за границей встрѣтиться!

И Николай Ивановичъ схвативъ бакенбардиста за руку, радостно потрясъ ее. Тотъ въ свою очередь отрекомендовался:

— Коллежскій совѣтникъ Сергѣй Степановичъ Передрягинъ, — произнесъ онъ.

— Вотъ, вотъ... Лицо-то мнѣ ваше именно и показалось коллежскимъ. Знаете, такой видъ основательный и солидный. Вѣдь здѣсь французы — что! Мелочь, народъ безъ всякой солидности. А ужъ порядки у нихъ, такъ это чортъ знаетъ, что такое! Вотъ хоть бы то, что въ восемь часовъ назначено представленіе въ театрѣ, а еще театръ не отворенъ и даже подѣздъ не освѣщенъ, хотя теперъ уже безъ пяти минутъ восемь.

— Да, да!.. Это у нихъ вездѣ такъ. Такой обычай, что отворяютъ только передъ самымъ началомъ представленія. Газъ берегутъ, — отвѣчалъ бакенбардистъ.

— Да вѣдь ужъ теперь передъ самымъ представленіемъ и есть! Скоро восемь.

— Объявляютъ въ восемь, а начинаютъ около половины девятаго.

— Какъ! Еще полчаса ждать? Да вѣдь у меня жена вся промокнетъ. Она вонъ во все лучшее вырядилась.

— Напрасно. Здѣсь, въ театрахъ, не щеголяютъ нарядами. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше.

— Такъ гдѣ-же щеголяютъ-то?

— Да какъ вамъ сказать... Ну на скачкахъ... Пожалуй, и въ театрѣ, но только въ театрѣ Большой Оперы.

Въ это время блеснулъ яркій свѣтъ, и освѣтились электрическіе фонари у подъѣзда.

— Ну, слава Богу... — проговорилъ Николай Ивановичъ. — Пожалуй, скоро и въ театръ впустятъ.

Наконецъ, двери отворились, и публика хлынула въ подъѣздъ.

— Вы гдѣ сидите? — спрашивалъ Николай Ивановичъ бакенбардиста.

— Въ креслахъ балкона.

— Ахъ, какая жалость, что не вмѣстѣ! А мы въ креслахъ внизу. Землякъ! Землякъ! Хоть бы намъ поужинать сегодня какъ-нибудь вмѣстѣ. Нельзя ли въ фойѣ увидаться, чтобы какъ-нибудь сговориться!

— Хорошо, хорошо.

Бакенбардистъ сталъ подниматься на лѣстницу.

XLVII.

Представленіе фантастическаго балета „Экзельсіоръ“ началось. Декораціи были великолѣпныя, костюмы тоже, но танцовала только балерина, исполняющая главную роль, остальные-же исполнительницы балета, хоть и были одѣты въ коротенькія балетныя юбочки, только позировали съ гирляндами цвѣтовъ въ рукахъ, съ тюлевыми шарфами, съ стрѣлами, съ флагами, но въ танцы не пускались. Онѣ откидывали то

правыя ноги, то лѣвыя, то наклонялись корпусомъ впередъ, то откидывались назадъ—и только. Это не уклонилось отъ взоровъ супруговъ.

— Удивительное дѣло: только одна танцовщица и распинается въ танцахъ, а всѣ другія только на мѣстѣ толкутся да ноги задираютъ,—сказалъ Николай Ивановичъ, когда балерина чуть-ли не въ десятый разъ стала выдѣлывать замысловатое соло на пуантахъ. — У насъ ужъ ежели балетъ, то всѣ прыгаютъ, всѣ стараются, а здѣсь кордебалетъ какъ будто только на манеръ мебели.

— Все-таки хорошо, все-таки интересно. Ты посмотри, какая роскошная обстановка, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ей-ей у насъ, въ Петербургѣ балетъ лучше. Театра такого роскошнаго нѣтъ, а балетъ лучше.

— Ну, какъ - же лучше - то! Смотри, смотри: принесли лѣстницы и забрались на ступеньки. Вонъ какъ высоко стоятъ и руками машутъ. Вѣдь это цѣлая гора изъ людей.

— Вѣрно. Но танцевальнаго-то дѣйствія все-таки нѣтъ. Ты посмотри: одна только танцовщица и надсажается, взмылилась, отъ нея ужъ паръ валить, а ей никто не помогаетъ. Балетъ долженъ состоять изъ танцевъ. Всѣ пляшутъ, всѣ подпрыгиваютъ, всѣ кружатся,—вотъ это я понимаю.

— Вѣрно, ужъ здѣсь такой обычай...

Прошло нѣсколько картинъ, и опустили занавѣсъ.

Въ антрактѣ супруги гуляли по роскошному фойѣ и отыскивали земляка, познакомившагося съ ними въ подъѣздѣ театра.

XLVIII.

Землякъ вскорѣ былъ найденъ въ фойѣ театра. Онъ самъ искалъ супруговъ.

— Ну, какъ вамъ понравился балетъ?—спросилъ онъ Николая Ивановича.

— Ничего. Декораціи отличныя, костюмы тоже.

Ну, а что насчетъ танцевъ—у насъ въ Петербургѣ куда лучше и шикарнѣе. Помилуйте, вѣдь здѣсь въ балетѣ всего только одинъ бабецъ и танцуетъ, а остальные только съ боку на бокъ на мѣстѣ переваливаются, руками машутъ и улыбки строятъ.

— Здѣсь всегда только одна танцовщица, а остальное кордебалетъ.

— Да и кордебалета нѣтъ. Какой это къ чорту кордебалетъ! Вспомните, какъ у насъ въ балетѣ танцуютъ. Выскочатъ двѣ штучки, отмахаютъ на удивленіе, а за ними ужъ, смотришь, выскочили четыре и откалываютъ еще лучше. Только эти кончили—третьяго цвѣта шесть штукъ выскакиваютъ и еще мудренѣе танецъ докладываютъ. А за этой шестеркой восьмерка летитъ, за восьмеркой — десять штукъ и только ужъ послѣ всѣхъ вылетаетъ госпожа балерина первый сортъ и начинаетъ балетныя штуки выдѣлывать. Вотъ это балетъ! Послушайте, позвольте вамъ предложить выпить чего-нибудь для перваго знакомства, — сказалъ Николай Ивановичъ земляку.—Гдѣ здѣсь буфетъ?

— Да здѣсь буфета нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Въ театрѣ, да нѣтъ буфета! Что вы!

— Въ очень немногихъ театрахъ въ Парижѣ есть буфетъ. А гдѣ и есть, то даже не въ театрѣ, а подъ театромъ—и входъ съ улицы.

— Ну, порядки парижскіе! Театры безъ буфетовъ! Поужинать-то все-таки послѣ театра куда-нибудь пойдёмъ?

— Да некуда. Все будетъ заперто. Здѣсь въ Парижѣ, въ одиннадцать часовъ вечера уже всѣ рестораны закрыты.

— Да неужели всѣ?

— Есть два-три ресторана съ ночной торговлей, но тамъ по ночамъ берутъ за все двойную плату.

— Пустяки. Поѣдемте. Только бы поужинать да съ хорошимъ землякомъ побесѣдовать. Столько времени русскаго человѣка въ глаза не видалъ, да стану я какія-нибудь цѣны разсчитывать...

— Неловко вамъ въ эти рестораны ночью съ женою ѣхать.

— Отчего?

— Оттого, что тамъ исключительно только однѣ кокотки по ночамъ бывають. Туда послѣ театровъ только съ кокотками ѣздятъ.

— Николай Ивановичъ, поѣдемъ туда!—воскликнула вдругъ Глафира Семеновна. — Покажи мнѣ, какія такія парижскія кокотки.

— Да что ты, что ты, матушка! — махаль руками Николай Ивановичъ.—Развѣ это можно?

— Отчего-же? Ну, кто насъ здѣсь въ Парижѣ знаетъ? Рѣшительно никто не знаетъ.

— Но вѣдь и тебя самое могутъ за кокотку принять.

— А пускай принимаютъ. Что-жъ изъ этого? Вѣдь я буду съ мужемъ, съ тобой.

— Что ты говоришь, Боже мой, что ты говоришь!

— Пойдемъ, Николай Ивановичъ. Съ мужемъ жена можетъ гдѣ угодно быть.

— Но вѣдь тебя какой-нибудь пьяный можетъ схватить, обнять, поцѣловать. Я не стерплю—и выйдетъ скандалъ, драка... Нѣтъ, нѣтъ...

— Неловко вамъ туда, сударыня, ѣхать, положительно неловко,—сказаль землякъ.

— Экіе вы, господа, какіе! Ничего настоящаго парижскаго я не увижу. Вѣдь этими самыми кокотками Парижъ-то и славится, — пробормотала Глафира Семеновна.

— Полно, полно... Не мели вздору, — строго замѣтилъ ей Николай Ивановичъ и опять обратился къ земляку:—Но вѣдь есть же здѣсь и семейные люди... Гдѣ-же они ужинають?

— Въ большинствѣ случаевъ здѣсь совсѣмъ не ужинають. Поздній обѣдъ — чуть не въ восемь часовъ вечера, такъ какой-же ужинъ! Но ежели семейные люди хотять по ночамъ ѣсть, то они ранѣе покупають себѣ что-нибудь изъ холодныхъ закусокъ и ѣдятъ дома.

— Эхъ, жалко, что мы не можемъ съ вами поужинать!—досадливо пробормоталь Николай Ивановичъ.

— Тогда завтра можемъ пообѣдать, — отвѣчалъ

землякъ.—Вы завтра будете на выставкѣ? Вотъ назначимъ тамъ какой-нибудь пунктъ и встрѣтимся.

Надоѣла ужъ выставка-то. Завтра мы думаемъ пошататься по магазинамъ. Она вонъ хочетъ себѣ что-нибудь въ магазинѣ де-Лувръ купить.

— И отлично. И я тамъ буду. Вотъ тамъ и встрѣтимся. Въ которомъ часу?

— Часовъ въ одиннадцать.

— Вѣрно, ужъ будете шелковые матеріи для жены покупать? Такъ спросите шелковое отдѣленіе во второмъ этажѣ и будьте тамъ.

Въ это время въ фойэ раздался звонокъ, возвѣщающій, что сейчасъ поднимутъ занавѣсъ.

— Звонятъ. Сейчасъ начнется актъ. Пойдемте на мѣста... — сказалъ землякъ, пробираясь изъ фойэ въ коридоръ, и, раскланявшись съ супругами, сказалъ: — Такъ завтра въ магазинѣ Лувръ? До свиданія.

Супруги также направились въ театральную залу.

XLIX

Еще и одиннадцати часовъ не было, а спектакль въ театрѣ Эдемъ кончился. Супруги отправились домой. Они хотѣли ѣхать, но у подъѣзда, къ немалому ихъ удивленію, не оказалось извозчиковъ, и вслѣдствіе этого пришлось отправиться пѣшкомъ. Разстояніе отъ театра до ихъ квартиры было, впрочемъ, не велико. На этотъ разъ Глафира Семеновна вела уже своего мужа домой съ увѣренностью въ дорогѣ. Вчерашнее ночное отыскиваніе гостиницы ознакомило ее съ улицами, ведущими къ этой гостиницѣ. Вотъ и посудная лавка на углу переулка. Она не была еще закрыта. Супруги вспомнили, что они хотѣли купить себѣ спиртовой таганъ и жестяные чайники для заварки чая, зашли въ лавку и купили. Зашли также въ съѣстную лавку и купили себѣ колбасы и сыру. Въ съѣстной лавкѣ оказался и хлѣбъ, который также былъ пріобрѣтенъ ими. Домой они возвращались съ ужиномъ, но вотъ бѣда: у нихъ не было спирту для тагана, на кото-

ромъ они могли заварить чай. Гдѣ купить спиртъ — они не знали, не знали даже, какъ онъ называется по-французски, чтобы спросить его.

— Дѣлать нечего, придется опять безъ чаю спать ложиться, — сказалъ Николай Ивановичъ и, тяжело вздохнувъ, прибавилъ: — Эхъ, жизнь парижская! А говорятъ еще, — цивилизованная.

— Подъѣздъ гостиницы, какъ и вчера, былъ уже запертъ. Они позвонили. Отворилъ имъ опять самъ хозяинъ безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ и въ туфляхъ. На площадкѣ около лѣстницы, стояли двѣ складныя кровати, и на каждой изъ нихъ изъ-подъ одеяла торчало по головѣ въ бѣлыхъ спальныхъ колпакахъ. Въ одной изъ головъ супруги, при свѣтѣ привернутаго, еле мерцающаго рожка газа, узнали голову слуги, прислуживавшаго имъ въ номерѣ.

— А что, венъ ружъ можно а презанъ получить? Онъ пе? — спросилъ Николай Ивановичъ хозяина.

Тотъ поморщился, но все-таки отвѣтилъ, что можно. Очевидно, всякая жизнь въ этой маленькой гостиницѣ совсѣмъ уже кончалась къ одиннадцати часамъ вечера, и постояльцы и прислуга послѣ этого времени спали.

Поднявшись по слабо освѣщенной лѣстницѣ къ себѣ наверхъ, они нашли на полу около двери мѣдный подсвѣчникъ съ огаркомъ и грудю спичекъ, зажгли свѣчку и вошли въ свою комнату. Вскорѣ явилось и вино. Его принесъ самъ хозяинъ, поставилъ на столъ и наставительно произнесъ:

— Je dois vous dire, monsieur, qu'à onze heures nous finissons déjà notre travail. Il faut se reposer. Bon soir, monsieur et madame *), — раскланялся онъ и ушелъ.

— Что онъ сказалъ? — опять обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.

— Рѣшительно ничего не поняла, — отвѣчала та.

— Ахъ, французенка, французенка! Чему только васъ въ пансіонѣ учили!

*) Долженъ вамъ сказать, господинъ, что въ 11 часовъ мы уже кончаемъ работать. Надо отдыхать. Доброй ночи...

— Учили, но не этимъ словамъ. И, наконецъ, въ пансіонѣ, когда мы переводили что-нибудь съ французскаго, то всегда со словаремъ.

Утромъ, когда супруги проснулись, первая мысль была о чаѣ.

— Глаша! Какъ-бы чайку-то заварить? — началъ Николай Ивановичъ, потягиваясь въ постели.—Вѣдь ни разу еще за границей мы настоящимъ манеромъ чаю не пили. Не знаю, какъ у тебя, но у меня просто тоска по чаѣ. Привыкъ я по десять стакановъ въ день охощивать — и вдругъ такое умаленіе, что ни одного! Сейчасъ мы позовемъ коридорнаго, и расталкуй ты ему, Бога ради, чтобы онъ намъ купилъ бутылку спирту для спиртовой лампы къ тагану.

— А вотъ я сейчасъ въ словарь посмотрю, какъ спиртъ по-французски, — сказала Глафира Семеновна, заглянула въ книгу и отвѣчала: — Спиртъ — эспри... эспри де венъ...

Супруги одѣлись и позвонили слугу, который и явился въ своемъ неизмѣнномъ колпакѣ изъ писчей бумаги и въ войлочныхъ туфляхъ.

— *Plait-il, monsieur,* — остановился онъ въ выжидательной позѣ и глупо улыбаясь.

— *Puve vu зашете пур ву энъ бутель эспри де венъ?* — задала ему вопросъ Глафира Семеновна.

Тотъ улыбнулся еще глупѣе и отвѣтилъ:

— *L'esprit de vin... C'est la boisson russe?... Oui, madame... *)*.

Онъ побѣжалъ внизъ и черезъ четверть часа, весь запыхавшійся, вернулся съ бутылкой спирту и двумя рюмками на подносѣ.

— Смотри, Николай Иванычъ, онъ воображаетъ, что этотъ спиртъ мы пить будемъ, — улыбаясь, замѣтила Глафира Семеновна мужу.—Пуркуа ле веръ? Иль не фо па ле веръ, — обратилась она къ слугѣ.

Тотъ опять глупо ухмыльнулся и спросилъ:

— *Mais comment est-ce que vous prendrez, madame, sans verre?*

*) Спиртъ. Это русскій напитокъ? Да, мадамъ.

— Вотъ дуракъ-то!—вырвалось у Глафиры Семеновны. — Да это развѣ пить? Развѣ это пуръ буаръ? Се не па пуръ буаръ.

— Comment donc pas, boire? Et j'ai'ili, madame, que les russes prennent tout ça avec grand plaisir. C'est l'eau de vin russe... *)

— Да это идиотъ какой-то! Алле, алле... Положительно онъ думаетъ, что мы будемъ пить этотъ спиртъ... Се пуръ феръ тэ... Компренэ ву? Пуръ тэ. Вотъ.

И въ доказательство Глафира Семеновна показала коридорному купленные ею наканунѣ два жестяные чайника и таганъ.

— Ah! — ухмыльнулся коридорный, но не уходилъ.—Il faut voir, comment vous ferez le thé, madame! **).

— Алле, алле...

Но онъ стоялъ и продолжалъ улыбаться.

— Pardon, madame, il faut voir...

Глафира Семеновна налила спирту въ лампочку тагана, зажгла свѣтильню, вылила въ чайникъ графинъ воды и поставила чайникъ кипятиться на таганѣ.

Коридорный покачивалъ головой и твердилъ:

— C'est curieux, c'est curieux... Le thè á la russe... C'est curieux... ***)).

— А правда, мадамъ, что въ Петербургѣ ходятъ по улицамъ медвѣди и никогда лѣта не бываетъ, а всегда снѣгъ? — спросилъ онъ по-французски, но Глафира Семеновна не поняла его вопроса и сказала:

— Разбери, что онъ бормочетъ, Николай Ивановичъ! Да выгони ты его, Бога ради. Я говорю — алле, алле, а онъ стоитъ и бормочетъ.

— Гарсонъ! Вонъ! Проваливай! — крикнулъ Николай Ивановичъ и энергически указалъ на дверь.

Шагъ за шагомъ, оглядываясь и покачивая головой, коридорный вышелъ за двери.

*) Какъ не пить? Я читалъ, мадамъ, что русскіе пьютъ это съ большимъ удовольствіемъ. Это русская водка.

***) Надо посмотрѣть, какъ вы дѣлаете чай, мадамъ.

***) Это любопытно... чай по-русски... Это любопытно.

— Дикіе, совсѣмъ дикіе здѣсь люди, — сказала Глафира Семеновна. — А еще Парижъ! Про Парижъ-то вѣдь у насъ говорятъ, что это высшая образованность.

Вскорѣ вода въ тоненькомъ жестяномъ чайникѣ закипѣла, и Глафира Семеновна, насыпавъ чай въ другой чайникъ, принялась его заваривать. Черезъ минуту супруги наслаждались чаепитіемъ.

— Соленого-то съ вечера поѣвши, такъ на утро куда хорошо основательно чайкомъ побаловаться, — говорилъ Николай Ивановичъ, выпивъ стаканъ чаю и принимаясь за второй.

— Конечно, ужъ во сто разъ лучше, чѣмъ ихнее кофейное хлебово изъ суповыхъ чашекъ суповыми ложками хлебать.

Пили они чай изъ стакановъ, находившихся въ ихъ комнатѣ при графинахъ съ водой, безъ блюдецекъ и при одной чайной ложечкѣ, захваченной для дороги изъ Петербурга. Дабы не распалять еще разъ любопытства коридорнаго относительно питья спирта и приготовленія чая, они не звали его вторично и не требовали чайной посуды.

L.

Напившись въ охотку чаю съ бутербродами, супруги стали собираться въ магазинъ де-Лувръ. Глафира Семеновна одѣлась уже скромно—въ простенькое шерстяное платье и въ незатѣйливый ватерпруфъ изъ легонькой матеріи.

Уличное движеніе было въ полномъ разгарѣ, когда супруги вышли изъ гостиницы, и, пройдя переулки, свернули на большую улицу Лафаетъ. Городскіе часы, выставленные на столбу на перекресткѣ улицы, показывали половину одиннадцатаго. Громыхали громадныя омнибусы, переполненные публикой, вереницей тянулись одноконныя колясочки извозчиковъ, тащились парныя ломовыя телѣги съ лошадьми, запряженными въ рядъ и цугомъ, хлопали бичи, подобно ружейнымъ

выстрѣламъ, спѣшили, наталкиваясь другъ на друга и извиняясь, пѣшеходы; у открытыхъ лавокъ съ выставками различныхъ товаровъ на улицѣ, около дверей, выкрикивали цѣны товаровъ и даже потрясая самими товарами.

— *Tout en soie... Quatre-vingt centimes le mètre,*— визгливымъ голосомъ кричала милостивая молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, размахивая распущеннымъ кускомъ красной шелковой ленты.

— *Aucune concurrence!* — басиль какой-то рослый усатый приказчикъ въ дверяхъ лавки, показывая проходившей публикѣ поярковую шляпу и въ то же время доказывая, что шляпа не боится дождя, поливалъ ее изъ хрустальнаго графина водой.

Около нѣкоторыхъ изъ этихъ товарныхъ выставокъ съ обозначеніемъ цѣнъ на каждомъ предметѣ толпилась и публика и рылась въ товарѣ, торговалась, почти совершенно загораживая тротуаръ, такъ что нежелающимъ протискиваться сквозь толпу приходилось сходить на мостовую. А на мостовой среди проѣзжавшихъ извозчичьихъ экипажей, омнибусовъ и ломовыхъ телѣгъ лавировали разносчики съ лотками, корзинами и ручными телѣжками, продавая зелень, плоды, печенье и тому подобные предметы. Разносчики выкрикивали:

V'la d's artichauts? Ma botte d'asperges! Des choux des haricots! Des poireaux des carottes!

Къ этимъ крикамъ присоединились и крики блузниковъ-мальчишекъ, сующихъ проходящимъ листки съ рекламами и объявленіями отъ разныхъ магазиновъ, крики продавцовъ газетъ, помахивающихъ листами нумеровъ и рассказывающихъ содержаніе этихъ нумеровъ.

Какой-то мальчишка - газетчикъ, махая руками, очень сильно толкнулъ Глафиру Семеновну, такъ что та даже соскочила съ тротуара и сказала:

— Вотъ подлець-то! И чего это только полиція смотритъ и не гоняетъ ихъ съ дороги!

— Дѣйствительно, безпорядокъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ, замахиваясь на убѣгающаго мальчишку зонтикомъ. — И вѣдь что обидно: не можешь

даже обругать его, мерзавца, не зная по-французски ругательныхъ словъ. Глаша! — обратился онъ къ женѣ:

Ты-бы мнѣ хоть три-четыре ругательныхъ слова по-французски сказала, чтобъ я могъ выругаться при случаѣ.

— Какъ я скажу, ежели я сама не знаю... Насъ ругательнымъ словамъ въ пансіонѣ не учили. У насъ пансіонъ былъ такой, что даже двѣ генеральскія дочки учились. Все было на деликатной ногѣ, такъ какъ же тутъ ругательствамъ-то учить!

— Да, это дѣйствительно. Но должна-же ты знать какъ мерзавецъ по-французски.

— Не знаю.

— А подлецъ?

— Тоже не знаю. Говорю тебѣ, что все было на деликатной ногѣ.

— По-русски его ругать — никакого толку не будетъ, потому онъ все равно не пойметъ, — рассуждалъ Николай Ивановичъ. — Ты не знаешь, какъ и дубина по-французски?

— Не знаю. Дерево — арбръ, а какъ дубина — не знаю. Да отругивайся покуда словами: кошонъ и лянъ, что значить осель и свинья.

— Что эдакому оболтусу, который тебя толкнулъ, свинья и осель? Надо какъ-нибудь похлеще его обремизить, чтобы чувствовалъ.

— Да вѣдь это покуда. Ну, а насчетъ хлесткихъ словъ я дома въ словарь справлюсь. Кошонъ — очень дѣйствительное слово.

Случай обругать сейчасъ-же и представился. Изъ-за угла выскочилъ блузникъ съ корзинкой, наполненной рыбой. Съ крикомъ: „il arrive, il arrive l'marqueeau!“ онъ наткнулся на Николая Ивановича и хотя тотчасъ-же извинился, сказавъ: „pardon, monsieur“, но Николай Ивановичъ все-таки послалъ ему вдогонку слово „кошонъ“. Услыхавъ это слово, блузникъ издалека иронически крикнулъ ему:

— Merci, monsieur, pour l'amabilité“.

— Не унялся, подлецъ? — грозно обернулся Николай Ивановичъ къ блузнику и спросилъ жену, что такое сказалъ блузникъ.

— За любезность тебя благодарить, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— За какую любезность?

— А вотъ, что ты его кошономъ назвалъ. Учтивости тебя учить. Онъ тебя хоть и толкнулъ, но извинился, а ты ему все-таки „кошонъ“.

— Ахъ, онъ подлець!

— Николай Ивановичъ обернулся къ блузнику и издали погрозилъ ему кулакомъ. Блузникъ улыбнулся и въ свою очередь погрозилъ Николаю Ивановичу кулакомъ.

— Скажите на милость, еще смѣетъ въ отвѣтъ кулакомъ грозиться! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и хотѣлъ броситься къ блузнику, но Глафира Семеновна удержала его за рукавъ.

— Оставь... Ну, что затѣвать скандалы!.. Брось. Вѣдь можетъ выйти драка. Плюнь... — сказала она. Супруги выходили на площадь Большой Оперы.

LI.

На площади Большой Оперы супруговъ осаждали со всѣхъ сторонъ барышники, предлагающіе билеты на вечерній оперный спектакль. Барышника осаждали супруговъ даже и тогда, когда эти послѣдніе подошли къ городовому и стали его спрашивать, какъ пройти въ Луврскій магазинъ, — и городской, нисколько не препятствовалъ этой осадѣ, что несказанно удивило ихъ.

— Смотри: стало-быть здѣсь дозволено барышничать театральными билетами, — замѣтила Глафира Семеновна мужу. — Вѣдь прямо въ глазахъ городского предлагаютъ, даже около него — и городской хоть-бы что!

Разспрашивая дорогу, супруги добрались, наконецъ, до Луврскаго магазина и вошли въ одну изъ распахнутыхъ широкихъ дверей его. Уже на подъѣздѣ ихъ поразила толпа покупателей, остановившихся около сдѣланной въ дверяхъ выставки товаровъ съ крупной вывѣской надъ выставкой „occasion“, то-есть — по

случаю. Мужчины и дамы рылись въ набросанномъ безъ системы товарѣ, состоящемъ изъ лентъ, косыночекъ, кружевъ, платочковъ, и читали нашіленныя на нихъ цѣны. Приказчикъ съ карандашомъ за ухомъ только наблюдалъ за роющейся публикой и ежеминутно выкрикивалъ по-французски:

— Цѣны написаны... Выбирайте сами!... Цѣны рѣшительныя!..

Пришлось протискаться сквозь толпу.

Въ самомъ магазинѣ было также тѣсно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ висили вывѣски, гласящія: касса № 1-й, касса № 2-й и такъ далѣе. Товары были выложены на прилавкахъ, громадными штабелями стояли на полу, лежали на этажеркахъ, висѣли на стѣнахъ. И чего, чего тутъ не было. Куски всевозможныхъ матерій, цѣлые вороха перчатокъ, женскихъ корсетовъ, готоваго платья, лентъ, обуви. Около всего этого толпились покупатели. Дамы, разумѣется, преобладали. Приказчики и приказчицы, облеченные исключительно во все черное, съ неизмѣннымъ карандашомъ за ухомъ, еле успѣвали отвѣчать на вопросы. Одинъ приказчикъ продавалъ сразу двумъ-тремъ покупателямъ. Не взирая на громадное помѣщеніе, было жарко, душно; воздухъ былъ спертъ.

— Эка махина магазинъ-то! — невольно вырвалось у Николая Ивановича, когда супруги прошли двадцатка шаговъ.

— Я читала въ описаніи, что здѣсь больше тысячи приказчиковъ и приказчицъ, — отвѣчала Глафира Семеновна, у которой глаза такъ и разбѣгались по выставленнымъ товарамъ.

— Ну, покупай, что тебѣ требуется. За поднятіе на Эйфелеву башню тебѣ ассигновано на покупки четыреста французскихъ четвертаковъ.

— Пятьсотъ-же вѣдь ты ассигновалъ. Ну скажите на милость, вотъ ужъ утягивать начинается. Пятьсотъ, пятьсотъ. Я очень хорошо помню, что пятьсотъ. Даже еще шестьсотъ.

— Да ужъ покупай, покупай. Вонъ приказчикъ

замухрышка освободился, у него и спроси, что тебѣ нужно.

— Да все нужно. А только дай прежде оглядѣться. Боже мой, какъ дешево эти носовые платки съ Эйфелевой башней! По шестидесяти сантимовъ за штуку. Вѣдь это на наши деньги... Сколько на наши деньги?

— Двадцать двѣ, двадцать три копѣйки. А только вѣдь это дрянъ.

— Какъ дрянъ? Для подарковъ отлично. Приѣдемъ изъ-за границы, надо что-нибудь подарить на память роднымъ и знакомымъ.

— Ты платье-то прежде себѣ купи. Тебѣ вѣдь я платье обѣщаль.

— Платье потомъ. Антанде, монсье, комбьянъ куть се мушуаръ? — спросила Глафира Семеновна пробѣгавшаго мимо приказчика съ ворохомъ товара, указывая на платочки.

— *Les prix sont écrits, madame* *), — отвѣчалъ тотъ, не останавливаясь.

— Монсье, монсье! Венэ зиси. Же ве зашете!.. — обратилась она къ другому приказчику, завязывавшему что-то въ бумагу.

— *Tout est écrit, madame. Il faut choisir seulement... Ayez la bonté* **)... — даль этотъ отвѣтъ и не двинулся съ мѣста.

— Что за невѣжи здѣшніе приказчики! Ни одинъ не трогается! Послушайте, кто же здѣсь продаетъ? — крикнула Глафира Семеновна уже по-русски.

Отвѣта не послѣдовало. Приказчики продолжали заниматься своимъ дѣломъ: что-то увязывали, что-то писали на бумажкахъ, куда то бѣжали.

— Да отбери, что тебѣ надо, а потомъ и будемъ торговаться, — сказалъ Николай Ивановичъ.

Мало-по малу былъ отобранъ цѣлый ворохъ всякой дряни. Глафира Семеновна указала на него приказчику и сказала:

*) Цѣны написаны, маламъ.

***) Все написано, мадамъ. Надо только выбрать. Пожалуйста.

— Пейэ. Иль фо пейэ. Комбьянъ?

Приказчикъ сталъ разбирать товаръ и считалъ его стоимость на бумажкѣ. Вышло сорокъ два франка съ сантимами, и онъ объявилъ сумму.

— Сорокъ довольно,—сказалъ ему Николай Ивановичъ.—Карантъ. Ассе карантъ, а остальное въ скидку. Вѣдь это дрянъ.

— Nous avons des prix fixes, monsieur... .

— Знаемъ мы эти прификсы-то! Вездѣ и съ прификсами скидываютъ. Карантъ, а больше не дамъ. Карантъ.

— Oh, non, monsieur.

И приказчикъ, начавшій уже было завязывать товаръ въ бумагу, снова развернулъ его.

— Ну пренонъ, ну пренонъ. Карантъ де е сантимъ оси... — кивнула ему Глафира Семеновна и замѣтила мужу:—Здѣсь не торгуются.

— Вздоръ. На томъ свѣтѣ и то торгуются.

Приказчикъ пригласилъ ихъ для расчета въ кассу.

ЛII.

Супруги поднялись по чугунной лѣстницѣ во второй этажъ Луврскаго магазина. Второй этажъ былъ занятъ преимущественно готовыми нарядами, мужскими и женскими. Здѣсь уже не было такъ называемыхъ „occasion'овъ“, то-есть выставокъ товаровъ, продающихся по случаю, съ уступкой, а потому той толпы, которая стояла и двигалась внизу, не было. Въ отдѣленіи дамскихъ нарядовъ приказчики и приказчицы были уже болѣе прифранченные, болѣе элегантные, чѣмъ внизу. На большинствѣ приказчиковъ виднѣлись черные фраки, самыя лица приказчиковъ были какъ-то особенно вылощены, бороды и усы приглажены и прилажены волосокъ къ волоску и отъ нихъ отдавало тонкими духами. Приказчики эти очень напоминали танцмейстеровъ. Они становились то-и-дѣло въ красивыя заученныя позы передъ покупательницами: при отвѣтахъ какъ-то особенно наклоняли головы, подобно манежнымъ лоша-

дямъ. Приказчицы также рѣзко отличались отъ приказчицъ нижняго этажа. Онѣ всѣ на подборъ были одѣты хоть и въ черныя, но въ самыя новомодныя платья различныхъ послѣднихъ фасоновъ. На головахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ красовались элегантныя кружевыя наколки. Очевидно, что онѣ были одѣты въ модели магазина и служили вывѣсками.

Супруги прошли по всему этажу, пока дошли до отдѣленія дамскихъ платьевъ и „confections“. Глафира Семеновна восторгалась на каждомъ шагу, поминутно останавливалась и покупала разной ненужной дряни. Николай Ивановичъ, таскавшій сзади покупки, превратился уже совсѣмъ въ вьючное животное, когда они прибыли въ отдѣленіе готовыхъ дамскихъ платьевъ.

— Сѣсть бы гдѣ-нибудь,—проговорилъ онъ, увидя стулья и отдуваясь. — Скверная здѣсь манера въ Парижѣ за посидѣнья на стульяхъ платить, но я бы ужъ, чортъ съ ними, пожалуй-бы заплатилъ.

-- Садись, садись здѣсь, теперь можешь и отдохнуть, потому мы именно туда и пришли, куда намъ надо, сказала Глафира Семеновна. — Вѣдь это-то и есть отдѣленіе готовыхъ платьевъ. Видишь, готовые платья, въ витринахъ висятъ. Смотри, смотри, какая прелесть! — воскликнула она приходя въ восторгъ и указывая на бальное платье.

Въ этотъ моментъ передъ ней какъ изъ земли выросла рослая продавщица въ черномъ шелковомъ платьѣ съ громадными буфами на плечахъ, доходящими до ушей, и съ большимъ воротникомъ а-ля Марія Антуанета. Ежели-бы не желтый кожаный сантиметръ, перекинутый черезъ шею, то ее можно бы было принять за королеву изъ трагедіи.

— Модель этого платья, мадамъ, получила на нынѣшней выставкѣ большую золотую медаль, — заговорила она по-французски.—C'est le dernier mot de la mode...

— Же ве энъ робъ де суа нуаръ... — обратилась Глафира Семеновна къ продавщицѣ. — Черное шелковое платье думаю я себѣ купить,—сказала она мужу.

— Гм... — пробормоталъ Николай Ивановичъ и,

сложивъ пакеты съ покупками на столъ, сталъ отирать лобъ и лицо носовымъ платкомъ.

Поть съ него лиль градомъ.

— Je vous montrerai, madame, quelque chose d'extraordinaire, — заговорила продавщица и крикнула: — Мадемуазель Элизъ! Мадамъ Перокэ!

Двѣ другія продавщицы тотчасъ же откликнулись на ея призывъ и вопросительно остановились. Первая продавщица тотчасъ же поманила ихъ. Онѣ подошли и, вставъ передъ Глафирой Семеновной въ позу манекеновъ, начали вертѣться.

— Выбирайте только фасонъ, мадамъ... Этотъ или вотъ этотъ, — продолжала по-французски первая продавщица, указывая на двухъ другихъ продавщицъ. — А вотъ и третій фасонъ, — прибавила она и сама медленно повернулась, показывая бока, задъ и передъ своего платья.

Глафира Семеновна поняла, что ей сказали по-французски, но не рѣшалась указать на фасонъ:

— И сетъ бьень, и сетъ бьень... — отвѣчала она. — Сетъ оси бьень... Иль фо регардэ труа фасонъ.

— Tout de suite, madame... Voulez-vous vous assoir... C'est monsieur votre mari? — указала она на Николая Ивановича.

— Вуй, мари.

Продавщица предложила стулъ и Николаю Ивановичу.

— Prenez place, monsieur... Придется вамъ подождать довольно долго. Дамы вообще не скоро рѣшаются на выборъ костюмовъ. А чтобы вамъ не скучать, вотъ вамъ и сегодняшній номеръ „Фигаро“. Пожалуйста.

— Мерси, — сказалъ Николай Ивановичъ, грузно опустился на стулъ и, раскрывая поданный ему номеръ французской газеты, сталъ его разсматривать, дѣлая видъ, что онъ что-нибудь понимаетъ.

Продавщица между тѣмъ вытаскивала изъ витринъ платья, показывала ихъ и тарантила безъ умолку передъ

Глафирой Семеновной. Глафиръ Семеновнѣ все что-то не нравилось.

— Же ве съ висюлечками... Компренэ? Съ висюлечками... Гарни авекъ висюлечки, — старалась она объяснить продавщицѣ. — Авекъ же и пасмантри.

— О, мадамъ, да это нынче не носятъ!

— Нонъ, нонъ... Же вю о театръ. И много, много пасмантри. Боку.

— Мадемуазель Годенъ! — снова выкрикнула продавщица четвертую толстенькую и невысокаго роста продавщицу и, указывая на ея платье Глафиръ Семеновнѣ, прибавила по-французски: — Вотъ все, что дозволяетъ послѣднее слово моды по части отдѣлки стеклярусомъ. Фигура мадемуазель Годенъ также вполнѣ подходит къ вашей фигурѣ. У мадемуазель Годенъ такая-же прелестная грудь, какъ у васъ, такой же полный станъ. Дать больше отдѣлки съ сутажемъ и стеклярусомъ, — значило бы выступить изъ предѣловъ моды и компрометировать фирму. Надо вамъ примѣрить вотъ это платье. *Voyons, madame... Ayez la bontè de venir ici.*

И продавщица, перекинувъ на руку платье, пригласила Глафиру Семеновну за ширмы на примѣрку. Глафира Семеновна удалилась за ширмы вмѣстѣ съ продавщицей, но продавщица тотчасъ-же выскочила оттуда и сказала Николаю Ивановичу:

— Монсье, можете придвинуться къ ширмамъ и переговариваться съ мадамъ, дабы не очень скучать въ разлукѣ.

Сказано это было, разумѣется, по-французски. Николай Ивановичъ ничего не понялъ и удивленно выпучилъ на продавщицу глаза. Та видя, что онъ не понимаетъ ее, стала приглашать жестами и даже поставила для него другой стулъ около ширмъ. Николай Ивановичъ покрутилъ головой и пересѣлъ. Продавщица, между тѣмъ, опять удалилась за ширмы и безъ умолку заговорила.

— Глаша! Понимаешь-ли ты хоть капельку, что она стрекочетъ?—крикнулъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень мало понимаю, но чувствую, что она хочетъ на меня напустить туманъ.

— Ну, то-то... И мнѣ кажется, что она тебѣ зубы наговариваетъ. Ты очень-то не поддавайся. Да вотъ еще что. Вѣдь это такой магазинъ, что здѣсь чего хочешь, того просишь. Тутъ всякіе товары есть. Такъ ты спроси у ней, нельзя-ли мнѣ чего-нибудь выпить. Пить смерть хочется.

— Неловко, Николай Ивановичъ,—послышалось изъ-за ширмъ. — Ну, суди самъ: какъ же въ модномъ-то магазинѣ...

— Да вѣдь здѣсь въ отдѣленіяхъ виномъ торгуютъ. Правда, не распивочно, но все-таки торгуютъ. Такъ вотъ бы красненькаго бутылочку... Можно, я чай, это сдѣлать для хорошаго покупателя. Вѣдь мы не на грошъ купить пришли. Четвертаковъ-то этихъ французскихъ ой ой сколько отсчитаемъ. Такъ ты спроси.

— Языкъ не поворачивается. Помилуй, вѣдь здѣсь не выпивное заведеніе.

— Такъ что-жъ изъ этого? Въ Петербургѣ мнѣ изъ парчевого магазина за пивомъ посылали, когда рассчитывали, что я на сотню куплю.

— Потерпи немножко. Потомъ ужъ вдвое выпьешь. Я не буду препятствовать.

— Эхъ, тяжело! Наѣлись дома ветчины и сыру, и теперь во рту даже пѣна какая-то отъ жажды,—вздохнулъ Николай Ивановичъ и, опять раскрывъ номеръ „Фигаро“, уткнулъ въ него носъ.

ЛІІІ.

Прошло болѣе получаса, а Глафира Семеновна все еще примѣряла за ширмами платья. Николай Ивановичъ, все еще сидѣвшій около ширмъ, сначала началъ звать, а потомъ уже и клевать носомъ.

— Глаша! Скоро ты тамъ?

— Какъ скоро! До сихъ поръ я еще не могу выбрать фасона платья. Главное дѣло, что ни мадамъ меня не понимаетъ, ни я ее не понимаю. Всѣ слова по

части дамскихъ нарядовъ я очень хорошо знаю по-французски, но здѣсь, въ Парижѣ, какія-то особенныя слова, какимъ насъ никогда не учили,—послышался голосъ Глафиры Семеновны изъ-за ширмъ.

— Такъ этакъ ты, пожалуй, еще и черезъ часъ не кончишь съ выборомъ фасоновъ.

— Не знаю, право, не знаю. Выберу платье и потомъ мнѣ нужно будетъ выбирать накидку. Я накидку какую-нибудь хочу себѣ купить для театра. Потомъ мнѣ нужно шляпку... Нельзя-же быть въ Парижѣ, да модной шляпки себѣ не купить.

Николай Ивановичъ досадливо заскоблилъ затылокъ.

— Такъ я бы прошелся по магазину да поискалъ бы вчерашняго земляка. Навѣрное онъ бродитъ по магазину и ищетъ насъ. Я пойду и посмотрю его.

— Николай Ивановичъ, я боюсь одна.

— Да чего-жъ тебѣ бояться-то? Я приду къ тебѣ. Всѣ покупки я здѣсь оставлю. Возьми ихъ къ себѣ за ширму.

Николай Ивановичъ всталъ со стула и отправился бродить по магазину. Не успѣлъ онъ пройти и трехъ отдѣленій, какъ натолкнулся на земляка. Землякъ стоялъ въ отдѣленіи непромокаемыхъ матерій и выбиралъ себѣ пальто.

— А, почтеннѣйшій! Гдѣ это вы пропадаете? А я васъ искалъ, искалъ и найти не могъ, — проговорилъ онъ при видѣ Николая Ивановича.

— Да вѣдь жена зашла въ отдѣленіе дамскихъ нарядовъ и застряла тамъ. И посейчасъ тамъ за ширмами сидитъ и фасоны себѣ выбираетъ. Съ бабами, сами знаете, бѣда... Землякъ! Не сходимъ ли мы куда-нибудь выпить? Пить смерть хочется. А черезъ полчаса вернемся...

— Сходимъ, сходимъ. Тутъ вотъ какъ разъ противъ магазина есть кофейня.

Землякъ, не найдя себѣ по вкусу непромокаемаго пальто, отошелъ отъ прилавка и черезъ нѣсколько минутъ былъ вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ въ кофейнѣ, находящейся противъ Луврскаго магазина.

— Пивка, что-ли, хватимъ?—спрашивалъ Николай Ивановичъ земляка.

— Зачѣмъ пивка? Въ Парижѣ надо пить красное вино, — далъ отвѣтъ землякъ и приказалъ подать бутылку вина.

Они чокнулись. Зашелъ разговоръ, гдѣ сегодня обѣдать, гдѣ провести вечеръ.

— Вечеромъ-то-бы въ какое-нибудь эдакое заведеніице поикантнѣе, позанятнѣе, позабористѣе, въ какой-нибудь кафе шантанчикъ эдакій, гдѣ разныя канашки черноглазые поютъ, — съ улыбочкой и подмигнувъ глазомъ сказалъ Николай Ивановичъ. — Вѣдь, вѣрно, есть такія заведенія.

— Какъ не быть! Такихъ заведеній, много, но съ женой-то вамъ неудобно, жена-то вамъ помѣха,—отвѣчалъ землякъ.

— Такъ-то оно такъ, но жена моя баба походная.

— Какая бы походная ни была, а все ужъ не дозволить вамъ развернуться съ какими-нибудь черноглазыми канашками, какъ вы выражаетесь.

— Это ужъ само собой.

— А въ Парижѣ-то вѣдь только и пріѣзжаютъ за этимъ. При женѣ вы какъ тамъ хотите, все вродѣ какъ-бы на службѣ, все вродѣ какъ-бы въ подчиненіи, а безъ нея-то у васъ душа бы раздалась. Погуляли бы вволю.

— Вѣрно, вѣрно.

— И угораздило это васъ, батенька, въ Тулу съ своимъ самоваромъ пріѣхать! — продолжалъ землякъ.

— Какъ такъ? То есть вы про что? — недоумѣвалъ Николай Ивановичъ.

— Какъ въ Тулу со своимъ самоваромъ не ѣздить потому, что тамъ ихъ много, такъ и въ Парижѣ со своей бабой не ѣздить, потому что бабъ здѣсь не оберешься.

— Ахъ, вотъ вы про что. Да, да это правильно. Ну, да ужъ обузу захватилъ, такъ дѣлать нечего, отъ нея не отбояришься. Такъ гдѣ бы сегодня пообѣдать. Вы Парижъ знаете?

— Знаю. Бывалъ. Второй разъ здѣсь.

— Такъ вотъ порекомендуйте, гдѣ бы посытнѣе. А то здѣшніе обѣды все какіе-то жидкіе.

Землякъ задумался.

— Ни разу не обѣдали у ротисьера? — спросилъ онъ Николая Ивановича.

— А что такое ротисьеръ?

— Жарильщикъ, по нашему, жарковникъ, специалистъ по жареному, по жаркому. Большая закусовая лавка эдакая. Не пугайтесь, не пугайтесь, не на манеръ нашей петербургской закусовой лавки, а нѣчто шикарное. Выберемъ мы себѣ хорошій кусокъ мяса, хорошую птицу — и тутъ-же при насъ специалистъ этотъ для насъ все это и зажарить.

— Что-жъ, это хорошо. Можно выбрать побольше и ужъ наѣсться до отвалу. А то въ здѣшнихъ ресторанахъ подаются порціи меньше воробьиного носа. И индѣйку зажарить можно?

— Цѣлаго борова зажарять.

— Вотъ и отлично. Ну, а театръ, театръ? Только что-нибудь позабавнѣе.

— Въ американскомъ циркѣ были? Джигитовку и сраженіе дикихъ индѣйцевъ видѣли?

— Гдѣ-же видѣть, батенька, коли мы всего три дня въ Парижѣ.

— Такъ вотъ и поѣдемте туда. Это за городомъ... Такъ въ циркѣ?

— Индѣйку ѣсть въ закусовую и индѣйцевъ глядѣть въ циркѣ. Хорошо.

Выпивъ бутылку краснаго вина, земляки опять отправились въ Луврскій магазинъ.

Глафира Семеновна попрежнему все еще возилась за ширмами съ продавщицей.

— Глаша! Ты здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь... Вообрази, все еще фасона настоящимъ манеромъ не могу себѣ выбрать, — отвѣчала Глафира Семеновна изъ-за ширмы.

Выйдя изъ магазина, супруги и землякъ тотчасъ же сѣли въ омнибусъ, идущій въ Портъ-Сенъ-Дени, и черезъ четверть часа, пріѣхавъ на мѣсто, входили въ сѣстную лавку ротисьера.

Сѣстная лавка состояла изъ большого зала съ множествомъ маленькихъ мраморныхъ столиковъ. Въ глубинѣ зала помѣщались два громадныя очага, напоминающіе каминныя, и на этихъ очагахъ на механическихъ вертелахъ жарилось мясо, пулярдки и дичь. Проливающейся на уголья жиръ дѣлалъ воздухъ чаднымъ. Около самыхъ очаговъ чадъ стоялъ какъ бы туманомъ, и въ этомъ туманѣ виднѣлись бѣлыя куртки и бѣлые колпаки поваровъ. Что то шипѣло, что-то вспыхивало, визжала вентиляція, гремѣла посуда. По другой стѣнѣ стояла горкой выставка провизіи. Тутъ лежали сырыя оципанная индѣйки, пулярдки, гуси, поражающіе своей бѣлизной, украшенные кружевомъ, высѣченнымъ изъ писчей бумаги. Лежало мясо въ кружевныхъ папильоткахъ, ноги телятины и баранины, убранныя тоже бумажными украшеніями и цвѣтами изъ рѣпы, моркови, рѣдьки и свеклы.

Когда супруги вошли въ сѣстную лавку, за мраморными столиками, не взирая на раннее для обѣда въ Парижѣ время, сидѣло уже человекъ тридцать публики, нило и ѣло. Имъ прислуживали женщины, одѣтыя въ коричневые платья, бѣлые чепцы и передники.

Вотъ та самая закусовая, о которой я вамъ говорилъ, — сказалъ супругамъ землякъ.

Глафира Семеновна сморщила носикъ и отвѣчала:

— Да тутъ отъ чада расчихаешься.

— А вотъ подите — ѣдоки считаютъ этотъ чадный запахъ за особенный шикъ.

— Да оно даже пріятно, когда ѣсть хочешь, — проговорилъ Николай Ивановичъ. — Вотъ теперь такъ засосало подъ ложечкой, что я готовъ одинъ цѣлаго гуся сѣсть.

— И сѣдимъ. Сюда только, извините за выраженіе, обжоры и ходятъ, — подхватилъ землякъ.

Они подошли къ выставкѣ провизіи и стали смотрѣть на лежащее на мраморной доскѣ мясо и въ рисунокѣ уложенныхъ на капустныхъ листьяхъ птицъ. Глаза Николая Ивановича устремились на гигантскаго тулузскаго гуся.

— Эхъ, гусь-то какой! Крокодиль, а не гусь. Не велѣть-ли намъ изжарить гуська?

— Да вѣдь ужъ рѣшили индѣйку, — отвѣчалъ землякъ. — Вонъ индѣйка лежитъ, напоминающая гиппопотама.

— Глаза-то ужъ очень разбѣгаются. И на индѣйку разыгрался аппетитъ, и насчетъ гуся пришла фантазія, — облизывался Николай Ивановичъ, глотая слюнки. — Глафира Семеновна, семь-ка мы и гуся и индѣйку закажемъ.

— Послушай, Николай Иванычъ, да развѣ это можно втроемъ съѣсть!

— Не знаю, какъ ты, а я во время моего житья заграницей такъ оголодалъ, что готовъ цѣлаго борова съѣсть! Помилуйте, порціи подавали съ мѣдный пятакъ! Да наконецъ, если бы мы и не съѣли всего — эка важность!

— Здѣсь мы можете съѣсть полъ-индѣйки, пол-гуся, а остальное вамъ завернуть въ бумагу, — и вы возьмете домой, — замѣтилъ землякъ.

— Вотъ и отлично. Что не доѣдимъ, то намъ, Глаша, на ужинъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и, обратясь къ стоявшему около нихъ красивому повару-усачу, сказалъ: — Ле гусь и сетъ индѣйка пуръ ну и чтобы тре бьянь было.

Землякъ тотчасъ-же подхватилъ и объяснилъ повару по-французски.

— Pour trois personnes seulement, monsieur? — спросилъ поваръ, удивленно выпучивая глаза.

— Такъ что-жь, что пуръ труа? Что не доѣдимъ — съ собой возьмемъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Да немного, братъ, я думаю, и съ собой-то братъ придется. Постой, постой... — остановилъ онъ повара, взявшаго уже съ мраморной доски гуся

и индѣйку и собиравшагося удалиться къ очагу. — Анкоръ ля вьяндъ... мяса надо, нельзя безъ мяса...

— Полно, Николай Ивановичъ, ну, куда намъ столько! — вскинула на него глаза Глафира Семеновна.

— Матушка, я оголодалъ въ Парижѣ. Какъ вы думаете, землякъ, не заказать-ли намъ еще телячьей грудинки, что-ли?

— Грудинка, гусь, индѣйка — да этого и не вынесешь.

— Не знаю, какъ вы, а я вынесу. Ужъ очень я радъ, что до настоящей ѣды-то добрался.

— Довольно, довольно. Вотъ теперь нужно только спросить, какой у нихъ супъ есть.

— Нѣтъ-ли щецъ кислыхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Этого вы здѣсь въ Парижѣ ни за какія деньги не достанете. *Quelle soupe est-ce que vous avez aujourd'hui?*—спросилъ землякъ повара и, получивъ отвѣтъ, сказалъ: — Только бульонъ и супъ пюрэ изъ зеленаго гороха. Вы какъ хотите, а мнѣ при индѣйкѣ и гусѣ, кромѣ бульона, ничего не выдержать.

— Супъ пюрэ... пюрэ, мосье... Онъ—бульонъ, а же—пюрэ, — закивалъ повару Николай Ивановичъ и прибавилъ:—все-таки посытнѣе. Ну, такъ вотъ: ле индѣйка, ле гусь и супъ пюрэ и бульонъ. Ахъ, да... Стой, стой! Салатъ анкоръ. Боку салатъ.

Предвкушая блаженство сытнаго обѣда, Николай Ивановичъ улыбнулся и радостно потиралъ руки.

— Винца-то красненькаго намъ подадутъ, землякъ?—спросилъ онъ.

— Сколько угодно. А вмѣсто водки мы коньяку выпьемъ,—отвѣтилъ землякъ.

LV.

Когда супруги и землякъ усѣлись за столъ, къ нимъ подбѣжала миловидная женщина въ коричневомъ платкѣ, бѣломъ передникѣ и бѣломъ чепцѣ и загремѣла тарелками, разставляя ихъ на столъ.

— А скатерть, а скатерть на столъ? — заговорилъ Николай Ивановичъ.

— Здѣсь скатертей не полагается, — отвѣчалъ за женщину землякъ. — Чистый бѣлый мраморный столъ вотъ и все. Простота и опрятность. Посмотрите также на сервировку. Вѣдь эдакой тарелкой можно гвозди въ стѣну заколачивать, до того она толста.

— Коньякъ, мадамъ, коньякъ... Апортэ... — торопилъ прислугу Николай Ивановичъ.

— Cognac? A présent? — удивленно спросила та. — Mais vous n'avez pas encore mangé...

— Да, да... Это по-русски... — пояснилъ ей на французскомъ языкѣ землякъ. — Въ Россіи всегда пьютъ крѣпкое вино передъ ѣдой, а не послѣ ѣды. Это для аппетита. Принесите намъ, пожалуйста, флакончикъ коньяку и порцію сыру.

Коньякъ поданъ. Мужчины начали пить. Прислуга съ удивленіемъ наблюдала за ними издали, пожимала плечами и переглядывалась съ другой прислугой, указывая на мужчинъ глазами. Поданъ супъ. Мужчины выпили коньяку и передъ супомъ. Видя это, прислуга чуть не расхохоталась и поспѣшно отвернулась, еле удерживая смѣхъ. Это не уклонилось отъ взора Николая Ивановича.

— Чего это ихъ коробить? — спросилъ онъ земляка.

— Не принято здѣсь пить коньякъ передъ ѣдой. Его пьютъ только послѣ ѣды, и вотъ этимъ прислуживающимъ барынькамъ и кажется это дико.

— Дуры, совсѣмъ дуры!

Но вотъ появилась и индѣйка съ гусемъ, еще только снятые съ вертела, шипящіе въ своемъ собственномъ жирѣ, распространяющіе запахъ, разжигающій аппетитъ. Ихъ несли двѣ женщины на двухъ блюдахъ. Сзади ихъ шествовалъ поваръ съ ножами за поясомъ и съ салатникомъ, переполненнымъ салатомъ. Женщины и поваръ никакъ не могли сдерживать улыбки. Поваръ даже не утерпѣлъ и проговорилъ:

— Voyons, messieurs... Il faut avoir grand appétit pour manger tout ça *).

*) Посмотримъ. Надо имѣть большой аппетитъ, чтобы все это скушать.

Онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ, спросилъ, не нужно ли разнять птицъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, разрѣзалъ ихъ самымъ артистическимъ образомъ. Николай Ивановичъ накинута на гуся, Глафира Семеновна и землякъ навалились на индѣйку.

— Каково изжарено-то? — торжественно спрашивалъ землякъ.

— Прелесть!—отвѣчалъ Николай Ивановичъ, набивая себѣ ротъ.

Поваръ и прислуживающія женщины стояли въ отдаленіи, съ любопытствомъ смотрѣли на ѣдоковъ и, улыбаясь, перешептывались. Женщинъ стояло уже не двѣ, а пять-шесть. Къ любопытнымъ присоединился еще и поваръ. Очевидно, они даже спорили, съѣдятъ ли посѣтители все безъ остатка или спасуютъ. Но птицы были громадны. Глафира Семеновна первая оттолкнула отъ себя тарелку. Землякъ тоже скоро спасовалъ. Дольше всѣхъ ѣлъ Николай Ивановичъ, кладя себѣ попеременно на тарелку то кусокъ гуся, то кусокъ индѣйки, но и онъ вскорѣ отеръ губы салфеткой и сказалъ:

— Ассе. Теперь венъ ружъ... Теперь краснымъ винцомъ позабавимся. Вотъ это настоящій обѣдъ, вотъ это я понимаю!—воскликнулъ онъ. — Мерси, землякъ, что указалъ мѣсто, гдѣ можно поѣсть вволю.

Онъ взялъ его за руку и потрясъ ее.

У прислуги и поваровъ замѣтно было движеніе.

„Je disais que c'est difficile“ *), заговорилъ усатый поваръ и получилъ отъ другого повара какую-то серебряную монету. Очевидно, что они держали пари, будутъ ли съѣдены гусь и индѣйка, — и усатый поваръ выигралъ пари.

Землякъ поманилъ къ себѣ прислуживавшую при столѣ женщину и отдалъ приказъ, чтобы остатки жаркого были завернуты въ бумагу, что и было исполнено. Подавая на столъ пакетъ съ остатками жаркого, женщина сказала по-французски:

— Вамъ вотъ втроемъ не удалось и половины

*) Я сказалъ, что это трудно.

съѣсть отъ двухъ птицъ, а два мѣсяца тому назадъ насъ посѣтилъ одинъ англичанинъ, который одинъ съѣлъ большого гуся.

Землякъ тотчасъ-же перевелъ это своимъ собесѣдникамъ.

— Ничего не значить. И я бы съѣлъ цѣлаго гуся, ежели бы сейчасъ же послѣ обѣда соснуть часика два, а вѣдь намъ нужно сегодня идти въ театръ, — сказалъ Николай Ивановичъ, наливая себѣ и земляку краснаго вина въ стаканы.—Ну-съ, за упокой гуся. Славный былъ покойникъ! Чокнемтесь, землякъ.

— Извольте. Но надо также помянуть и индѣйку. За упокой индѣйки... Большого достоинства была покойница.

— Да, да... спасибо имъ обоимъ... По ихъ милости я въ первый разъ за границей наѣлся досыта.

И Николай Ивановичъ и землякъ сдѣлали по большому глотку вина изъ своихъ стакановъ.

LVI.

Уже стемнѣло, когда компанія покончила съ своимъ обильнымъ, но не разнообразнымъ обѣдомъ. Николай Ивановичъ и землякъ выпили много и порядочно разгорячились. Николай Ивановичъ хотѣлъ пить еще, но землякъ остановилъ его.

— Довольно, довольно. Пора и въ циркъ на представленіе индѣйцевъ, а то опоздаемъ, — сказалъ онъ. — Циркъ этотъ отсюда не близко. Онъ за городомъ. Положимъ, мы туда поѣдемъ по желѣзной дорогѣ Ceinture, но когда еще до станціи дойдешь. А выпить мы и въ циркѣ можемъ.

Они захватили съ собой остатки жаркого, вышли изъ съѣстной лавки и отправились на станцію желѣзной дороги.

Станція желѣзной дороги находилась подъ горой. Поднявшись по каменнымъ ступенямъ на горку, супруги, предводительствуемые землякомъ, свернули въ какую-то улицу и, наконецъ, вошли въ садъ. У воротъ съ нихъ

взяли по франку за входъ. Садъ представлялъ изъ себя лужайки, очень мало засаженные деревьями и кустарниками. Между кустарниками и деревьями то тамъ, то сямъ виднѣлись коническія хижины индѣйцевъ. Изъ верхнихъ концовъ конусовъ валилъ дымъ. Нѣсколько полуголыхъ ребятишекъ съ бронзовыми лицами и длинными черными, какъ вороново крыло, прямыми, какъ палки, волосами играли около хижинъ. На лугу бродилъ тощій буйволъ; около одной изъ хижинъ завывала привязанная на веревкѣ тощая собака. Все это было видно при яркомъ освѣщеніи газомъ.

Издали доносились звуки оркестра.

— Надо спѣшить. Въ циркѣ ужъ началось, — сказалъ землякъ.

Они прошли мимо сіяющаго огнями балагана съ надписью „Restaurant“.

— Вотъ и выпить есть гдѣ. Отлично... — замѣтилъ Николай Ивановичъ. — Землякъ, землякъ! Нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь дикаго питья? Вотъ бы попробовать. Вѣдь индѣйцы-то не Магомету празднуютъ, стало быть, имъ хмельное разрѣшено.

— Это ужъ мы послѣ, Николай Ивановичъ, послѣ. Пойдемте скорѣй въ циркѣ, на мѣста. Видите, публики-то въ саду совсѣмъ нѣтъ. Она вся на мѣстахъ.

Представленіе дѣйствительно началось. На аренѣ подъ открытомъ небомъ носились на бойкихъ, но невзрачныхъ лошаденкахъ человекъ десять въ сѣрыхъ поярковыхъ шляпахъ, въ цвѣтныхъ курткахъ и съ ружьями за плечами. Они пронзительно гикали, махали арканами и гнались за убѣгавшей отъ нихъ лошадью. Сдѣлавъ по аренѣ круга три, они, наконецъ, нагнали лошадь. Одинъ изъ нихъ накинулъ на лошадь арканъ и остановилъ ее. Пойманная лошадь металась, становилась на дыбы, ляглась. Второй и третій арканы, накинутые на нее всадниками, повалили ее на землю.

— Разбойниковъ это они, что-ли, представляютъ? — спросила Глафира Семеновна земляка.

— Охотниковъ въ американскихъ степяхъ. Они дикую лошадь поймали, повалили ее и вотъ теперь надѣваютъ на нее узду.

За декорацией, изображающей вдали холмы и на нихъ домики американской деревушки, слышались дикіе крики. Охотники, возившіеся около дикой, только-что взнузданной лошади, бросили ее, вскочили на своихъ лошадей и опять понеслись по аренѣ. Крики за холмами усилились, превратились въ ревъ, и изъ-за холмовъ показались скачущіе на неосѣдланныхъ лошадяхъ индѣйцы съ развѣвающимися длинными волосами и накинутыми на плечи полосатыми плащами. Они гнались за охотниками.

— Вотъ разбойники, индѣйцы разбойники. Они дѣлаютъ нападеніе на охотниковъ. Видите, гонятся за ними, — сказалъ землякъ.

Раздались выстрѣлы, лязгъ оружія, нѣсколько всадниковъ повалились съ лошадей, въ пороховомъ дымѣ смѣшались индѣйцы и охотники. Когда дымъ рассеялся, охотники были уже со связанными руками, индѣйцы вводили ихъ и ихъ лошадей за декорацию, изображающую холмы съ деревушкой. На лошади одного изъ индѣйцевъ между шеей лошади и туловищемъ индѣйца лежалъ охотникъ со свѣсившимися руками и ногами. Еще одинъ индѣецъ тащилъ за собою по землѣ на арканѣ другого охотника.

— Прощай, охотнички! Индѣйцы побѣдили и повели ихъ въ плѣнъ на жаркое, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Да неужто съѣдятъ? — поспѣшно спросила Глафира Семеновна.

— А то какъ-же? Порядокъ извѣстный. Вѣдь они людоѣды. Изъ одной ноги бифштексы, изъ другой бефъ-строгановъ, изъ третьей какой-нибудь тамъ антрекотъ, — шутилъ Николай Ивановичъ.

— Да неужели настоящимъ манеромъ съѣдятъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вѣдь это только представленіе. Кто-же имъ позволить здѣсь въ Парижѣ людоѣдствовать! — успокоилъ Глафиру Семеновну землякъ.

— Ну, то-то... а я ужъ думала...

— А ничего нѣтъ интереснаго въ этомъ дикомъ представленіи, — проговорила Глафира Семеновна, зѣвая въ руку. — Тоска.

— Необыкновенно бойкія лошади, молодецкая вада индѣйцевъ и ихъ ловкость — вотъ что интересно, — отвѣчалъ землякъ.

— Полноте, полноте... Наши казаки куда лучше всѣ эти штуки на лошадяхъ продѣлываютъ, — возразилъ Николай Ивановичъ.

LVII.

Представленіе индѣйцевъ, дѣйствительно, было донельзя однообразно. Въ первомъ отдѣленіи они гнались за охотниками, нападали и сражались съ ними, въ слѣдующемъ отдѣленіи они то же самое продѣлывали, настигнувъ фургонъ съ европейскими переселенцами. Глафира Семеновна зѣвала, зѣвалъ и Николай Ивановичъ, не отставалъ отъ него и землякъ.

— Пойдемъ-ка мы лучше побродимъ по саду, да зайдёмъ къ этимъ самымъ дикимъ въ ихъ домики и посмотримъ, какъ они живутъ,—сказалъ Николай Ивановичъ. — Чего тутъ-то глаза пялить. Ей-ей, никакого интереса въ этихъ скачкахъ. Посмотрѣли, и будетъ. Кстати-же тамъ и ресторанъ. Вставай, Глаша.

— Да ужъ лучше, дѣйствительно, по саду походить,—согласилась Глафира Семеновна, вставая съ мѣста.

Безпрекословно поднялся и землякъ. Они вышли изъ амфитеатра и по дорожкамъ сада направились къ жилищамъ индѣйцевъ.

Въ палаткахъ индѣйцевъ шла стряпня. Оставшіяся въ палаткахъ женщины, очевидно, приготавливали ужинъ для своихъ мужчинъ, гарцующихъ въ настоящее время на аренѣ. Николай Ивановичъ, Глафира Семеновна и землякъ подняли войлокъ, висѣвшій у входа, и вошли въ одну изъ такихъ палатокъ. Тамъ было дымно. Горѣлъ костеръ, разложенный на землѣ, и надъ костромъ висѣлъ котелокъ съ варящейся въ немъ пшенной кашей. Около костра на корточкахъ сидѣли двѣ женщины — одна старая, другая молодая. Старая мѣшала деревянной палкой кашу въ котлѣ. Молодая, имѣя въ рукѣ серповидный коротенькій ножъ, разрѣзала мясо на мел-

кіе кусочки, продѣлывая эту работу прямо на землѣ съ притоптанной травой. Женщины были въ однѣхъ только шерстяныхъ короткихъ и чрезвычайно узкихъ юбкахъ полосатаго рисунка и въ грязныхъ рубашкахъ безъ рукавовъ. Ноги у обѣихъ были босыя. Голова старой женщины была повязана пестрымъ платкомъ; молодая женщина была востоволосая, но зато на шеѣ имѣла нѣсколько нитокъ цвѣтныхъ бусъ. При входѣ посѣтителей, женщины заговорили что-то на своемъ нарѣчій. Наконецъ молодая стрѣльнула глазами въ сторону Николая Ивановича, поднялась съ земли и, подойдя къ нему, положила ему на плечи руки и улыбнулась.

— Мосье... Ашете абсантъ... Ашете абсантъ пуръ ну...—сказала она и стала ласково трепать Николая Ивановича по щекамъ.

— Брысь, брысь!... — замахалъ тотъ руками и пятясь.

Но женщина не унималась. Она схватила его за руки и стала притягивать къ себѣ, какъ бы стараясь, чтобы онъ ее поцѣловалъ.

— Да чего ты пристала-то, черномазая? — бормоталъ Николай Ивановичъ, стараясь высвободить свои руки изъ рукъ женщины, но та была сильна, и это не такъ легко было сдѣлать. Она продолжала держать его руки и говорила все ту же фразу:

— Ашете абсантъ пуръ ну, ашете абсантъ.

— Она проситъ, чтобы вы купили ей анисовой водки,—перевелъ землякъ Николаю Ивановичу.

— Водки? Такъ чего же она мнѣ руки-то ломаетъ! И вѣдь какая сильная, подлець?

Николай Ивановичъ косился на жену. Та уже вспыхивала, блѣднѣя и краснѣя отъ ревности, и наконецъ, проговорила:

— Вотъ нахалка-то! Николай Иванычъ! Да что-жъ ты стоишь-то, да за руки ее держишь! Пойдемъ вонъ... Выходи...

— Она меня держитъ, а не я ее... Пусти, черномазая!—рванулъ онъ, вырвавъ одну руку, но женщина, улыбаясь и показывая бѣлые зубы, держала его за другую и бормотала:

— Ашете абсантъ, ашете абсантъ.

— Николай Иванычъ! Да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ!.. — возвысила голосъ Глафира Семеновна. — Вѣдь сказано, чтобы ты выходилъ!

— Душечка... Она меня держитъ...

Онъ погянулся къ выходу и, такъ какъ его держали, вытащилъ за собой изъ палатки женщину. Та, предполагая, что Николай Ивановичъ согласился уже купить ей абсенту и сейчасъ поведетъ ее въ ресторанъ, обняла его другой рукой за шею, поцѣловала и заговорила:

— Мерси, мерси... Аллонъ, аллонъ...

Но тутъ Глафира Семеновна не выдержала. Она махнула дождевымъ зонтикомъ и съ крикомъ: „ахъ, ты подлая индѣйская морда!“ ударила женщину по головѣ. Взвизгнула въ свою очередь и женщина. Увидѣвъ, что ударъ нанесенъ ей Глафирой Семеновной, она выпустила изъ рукъ руку Николая Ивановича, бросилась на Глафиру Семеновну и вцѣпилась въ ея ватерируфъ, сверкая глазами и бормоча непонятныя слова. Глафира Семеновна разсвирѣпѣла и тоже держала ее за воротъ рубахи.

— Меня хватать? Меня? Ахъ ты, индѣйка мерзкая! Да я тебѣ всѣ бѣльмы твои выцарапаю... — бормотала она.

— Глаша, оставь, оставь... — началъ было Николай Ивановичъ, оттаскивая за плечо жену, но было уже поздно...

Въ одно мгновеніе Глафира Семеновна и индѣянка вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы и упали на траву, барахтаясь и царапаясь.

— Господи! Да что же это такое! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и бросился разнимать дерущихся. — Землякъ! Да что же вы-то сложа руки стоите? Помогите и вы! — закричалъ онъ земляку.

Землякъ тоже началъ разнимать. Онъ сѣлъ на индѣянку и старался отдернуть ея руку отъ Глафиры Семеновны; но тутъ выбѣжала изъ палатки старая индѣянка и, заступаясь за молодую, принялась тузить кулаками по спинѣ земляка, Глафиру Семеновну и Нико-

лая Ивановича. Сдѣлалась общая свалка. Къ происшествію, между тѣмъ, заслыша крики, подбѣгали гарсоны изъ ресторана, путаясь въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ передникахъ; стремились мальчишки и индѣйцы.

Кое-какъ сцѣпившихся женщинъ растащили. Женщины еле переводили духъ и каждая по-своему выкрикивала угрозы.

— Наглая индѣйская тварь! Потаскушка! Въ моихъ глазахъ и вдругъ смѣетъ къ моему мужу цѣловаться лѣзть! Я покажу тебѣ, мерзавка! — слышалось у Глафиры Семеновны.

Бормотала что-то и индѣянка, показывая кулаки.

Шляпка Глафиры Семеновны валялась на травѣ, вся измятая, валялся и переломанный зонтикъ.

— Ахъ, срамъ какой! Ахъ, срамъ какой! Глаша, Глаша! Да уймись же... — говорилъ Николай Ивановичъ, передавая растрепанную Глафиру Семеновну тоже растрепанному и безъ шляпы земляку, и принялся поднимать шляпы и зонтикъ.

Гарсоны и собравшаяся публика, держась за бока, такъ и покатывались со смѣха.

LVIII.

Когда супруги пришли въ себя, то прежде всего они набросились другъ на друга съ упреками.

— Тебѣ хотѣлось, чтобъ все это произошло, ты искалъ этого, ты нарочно лѣзъ на дикихъ. У тебя только и разговора было, что о дикихъ. Радъ теперь, радъ, что такой скандалъ вышелъ?—говорила, чуть не плача, Глафира Семеновна Николаю Ивановичу.

— Душенька, ты сама виновата. Ты перваяхватила эту самую индѣйку зонтикомъ по головѣ, — отвѣчалъ тотъ.

— Да,хватила, но яхватила за дѣло. Какъ она смѣла къ тебѣ лѣзть! Вѣдь лѣзла цѣловаться съ тобой, вѣдь она облапливала тебя. Будто я не видѣла! И главное, при женѣ, при законной женѣ, мерзавка, это дѣлаетъ.

— Да почему она знала, что ты моя жена?

— А! Ты еще хочешь защищать ее? Ты радъ былъ, радъ, что она съ тобой обнималась и цѣловаться любила! Ну, да, конечно, ты искалъ этого, ты самъ лѣзъ къ это. Жаль, что я вмѣстѣ съ ней и тебя зонтикомъ по башкѣ не откатала.

— Вовсе я не того искалъ и не на то лѣзъ. Очень мнѣ нужно обниматься и цѣловаться съ грязной вонючей бабой! Отъ нея лукомъ такъ и разило.

— Молчи. Вы любите это. Вамъ какая угодно будь грязная и вонючая баба, но только бы не жена.

— Ахъ, Глаша, Глаша, какъ ты несправедлива! Я просто хотѣлъ покормить эту индѣйку остатками гуся. Никогда я не видалъ, какъ ѣдятъ дикіе, хотѣлъ посмотреть — и вотъ...

— Ну, довольно, довольно! Дома ужъ я съ тобой поговорю! Пойдемъ домой!

— Ты, душечка, прежде успокойся, приди въ себя. Нельзя въ такомъ видѣ ѣхать домой. Зайдемъ прежде ногъ въ рестораникъ. Тамъ есть навѣрное уборная, и ты поправишься, приведешь въ порядокъ свой костюмъ, потомъ мы выпьемъ чего-нибудь холодненькаго... — уговаривалъ Николай Ивановичъ жену.

— Чтобы я послѣ этого скандала да пошла въ ресторанъ! Да вы съ ума сошли! Ужъ и здѣсь-то надъ нами всѣ лакеи смѣются, а тамъ-то что будетъ!

— Не стануть они тамъ смѣяться. Здѣсь они смѣются просто сгоряча. А поразмысливъ, они очень хорошо поймутъ, что это не скандалъ, а просто недоразумѣніе. Зайдемъ, Глаша, въ ресторанъ. Ты хоть немножко придешь въ себя.

— Я стыда на себя этого не возьму. Какъ я послѣ этого буду глядѣть въ глаза прислугѣ? Вѣдь всѣ лакеи видѣли, какая у насъ была свалка.

— Эка важность! Ну, кто насъ здѣсь знаетъ! Рѣшительно никто не знаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не проси. Домой.

Глафира Семеновна наскоро начала приводить свой костюмъ въ порядокъ. Къ ней подошелъ землякъ, до

сихъ поръ разговаривавшій о чемъ-то съ гарсономъ ресторана, и принялся ее уговаривать.

— И я бы совѣтовалъ вамъ зайти въ ресторанъ и успокоиться. Здѣсь есть отдѣльные кабинеты. Можно бы было отдѣльный кабинетъ взять. А что вы опасаетесь насмѣшекъ ресторанный прислуги, то это совершенно напрасно,—сказалъ онъ.—Напротивъ, все сочувствіе на вашей сторонѣ. Я вотъ сейчасъ разговаривалъ съ гарсонами, такъ они возмущены поведеніемъ этой индѣйской бабенки. Оказывается, что съ вами это уже не первый случай. Были такіе случаи и съ другими. Они рассказываютъ про ужасное нахальство этихъ индѣйскихъ бабъ. Прежде всего онѣ ужасныя пьяницы и распутницы, и какъ только появляется какой нибудь мужчина, сейчасъ же онѣ нагло лѣзутъ къ нему съ объятіями и требуютъ абсенту. Гарсоны удивляются, какъ до сихъ поръ полиція не можетъ обуздать этихъ индѣекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и вы мнѣ зубы не заговорите. Довольно... Домой...—стояла на своемъ Глафира Семеновна. — Николай Иванычъ! Да что-жъ вы стали! Двигайтесь къ выходу!—крикнула она на мужа.

Николай Ивановичъ поднялъ съ травы пакетъ съ остатками жаркого и медленно направился къ выходу изъ сада. За нимъ шелъ землякъ. За землякомъ слѣдовала Глафира Семеновна.

— И гдѣ-же эдакіе скандалы происходятъ, что дикія дѣвчонки безнаказанно могутъ лѣзть на женатыхъ мужчинъ, да еще къ тому же при ихъ женахъ? Въ Парижѣ. Въ самомъ цивилизованномъ городѣ Парижѣ! — не унималась она. — Ну, хваленый Парижъ! Нѣтъ, подальше отъ этого Парижа. Слушайте, Николай Иванычъ! Я завтра же хочу ѣхать вонъ изъ этого проклятаго Парижа,—обратилась она къ мужу.

— Но, душечка, мы еще ничего порядкомъ не осмотрѣли на выставкѣ. Мы еще не видали художественнаго отдѣла.

— Чортъ съ ней и съ выставкой!

— Но ты забыла, что въ Луврскомъ магазинѣ за-

казала себѣ разные наряды, а эти наряды будутъ готовы только еще послѣзавтра.

Завтра же пойду въ магазинъ и буду умолять приказчицъ, чтобы онѣ мнѣ приготовили все къ вечеру. Къ вечеру приготовятъ, а ночью—маршъ домой.

— Побудемъ хоть еще денька три на выставкѣ,— уиращивалъ Николай Ивановичъ.

— Чтобы опять на дикихъ нарваться? Благодарю покорно. Домой, домой и домой.

— Сама виновата. Не слѣдовало эту бабу зонтикомъ бить. Я и самъ бы сумѣлъ отбояриться отъ этой бабы.

— Ты отбояриться? Да ты радъ былъ. У тебя даже въ глазахъ какіе-то дьявольскіе огни забѣгали отъ радости, — ну, я и не стерпѣла. Да и какъ стерпѣть, если при мнѣ, при законной женѣ, на мужа дикая баба лѣзетъ.

Глафира Семеновна быстро направилась къ выходу. У выхода, при усиленномъ свѣтѣ фонарей, Николай Ивановичъ замѣтилъ, что у ней расцарапана щека и сочится кровь. Онъ сказалъ ей объ этомъ и прибавилъ:

— Приложи къ щекѣ платочекъ. Индѣйка-то, должно быть, какой-нибудь маленькій прыщичекъ у тебя на щекѣ сковырнула, и до крови...

— Плевать! На зло не приложу. Смотрите на меня и казните, — отвѣчала Глафира Семеновна сердито.

По желѣзной дорогѣ домой супруги уже не поѣхали. У входа въ садъ стоялъ извозчичій экипажъ. Николай Ивановичъ нанялъ экипажъ и посадилъ въ него супругу. Когда онъ прощался съ землякомъ, землякъ шепнулъ ему:

— Я говорилъ вамъ, что въ Тулу со своимъ самоваромъ не ѣздить, и вотъ сегодня были ясныя на это доказательства. Не будь при васъ сегодня самовара въ видѣ супруги, никакой-бы непріятности не вышло, и мы провели бы отлично вечеръ, даже, можетъ быть, въ сообществѣ дикихъ индѣекъ. До свиданья! Адресъ вашъ знаю и завтра утромъ постараюсь провѣдать васъ, — прибавилъ онъ, раскланиваясь и съ Николаемъ Ивановичемъ и съ Глафирой Семеновной.

На другой день поутру, когда Николай Ивановичъ, проснувшись, потянулся и открылъ глаза, Глафира Семеновна была уже вставши. Она стояла въ юбкѣ и ночной кофточкѣ передъ зеркаломъ, вглядывалась въ свое лицо и пудрилась. Увидѣвъ, что мужъ проснулся, она обернулась къ нему и проговорила:

— Мерзавка дикая то въ трехъ мѣстахъ мнѣ лицо исцарапала. Подлая тварь! Ну, да ей тоже отъ меня зонтикомъ досталось. Кажется, я ей губу разсѣкла и глазъ подправила. Жаль только, что зонтикъ-то сломался. А на тебя, Николай Ивановичъ, я просто удивляюсь...

— Въ чемъ, въ чемъ, душечка?

— А въ томъ, что каждая юбка для тебя милѣе жены.

— Но чѣмъ же я виноватъ, что она сама ко мнѣ лѣзла? Ты видѣла, что какъ только мы вошли, она сейчасъ же схватила меня за руки.

— Врешь, врешь! Ты самъ былъ радъ. Иначе бы ты долженъ былъ сразу ударить ее по зубамъ и тащить къ городовому.

— Здравствуйте! Ты благодари Бога, что городового-то около не было, а то послѣ драки не миновать бы намъ полицейскаго участка.

— За что?

— За нарушеніе общественнаго спокойствія и оскорбленіе тишины.

— Такъ вѣдь она первая начала. Какъ она смѣетъ трогать общественное спокойствіе законной жены? Это и есть нарушеніе оскорбленія...

— За ласку не наказываютъ, а вѣдь въ драку-то ты первая полѣзла. Ты ее первая зонтикомъ.

— Ну, довольно, довольно. Все-таки я въ этомъ поганомъ Парижѣ, гдѣ на каждомъ шагу дикіе, остаются больше не намѣрена. Сегодня зайдемъ въ Луврскій магазинъ, попросимъ, чтобы платья мои были готовы сегодня вечеромъ или завтра утромъ, и — вонъ изъ Парижа.

— Ну, душечка, мы еще самого Парижа-то не видали.

— Сегодня возьмемъ извозчика и объѣздимъ Парижъ. На выставку, гдѣ дикій на дикомъ ѣдетъ и дикимъ погоняетъ, я ни ногой. Такъ вы и знайте! Прежде всего я хочу посмотрѣть Латинскій кварталъ, что это за Латинскій кварталъ такой. А то во французскихъ романахъ читаю про Латинскій кварталъ, и вдругъ его не видала. Вотъ это интересно. Тамъ и Агнеса-цвѣточница жила, тамъ и . . .

Николай Ивановичъ что-то хотѣлъ возражать, но Глафира Семеновна перебила его.

— Молчите, молчите. Всякій бы на вашемъ мѣстѣ послѣ вчерашняго скандала молчалъ, поджавши хвостъ, а вы . . .

— Но вѣдь скандалъ сдѣлала ты, а не я . . .

— Довольно!

И Глафира Семеновна не дала говорить мужу.

Приготививъ дома чай и напившись чаю, они часу въ двѣнадцатомъ дня вышли изъ гостиницы. Было воскресенье. Парижъ праздничалъ. Лавки и магазины были на половину закрыты. На улицахъ совсѣмъ было не видать блузниковъ, не видать было и свободныхъ извозчиковъ, хотя съ сѣдоками они двигались цѣлыми шеренгами. Омнибусы были переполнены публикой и тѣснили народъ въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ. Глафира Семеновна, все еще раздраженная, бѣжала впередъ, Николай Ивановичъ шелъ за ней сзади. Такъ они пробѣжали двѣ-три улицы.

— Удивительно, что ни одного извозчика! — сердито проговорила Глафира Семеновна.

— Праздникъ. Всѣ разобраны. Видишь, народъ гуляетъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Я думаю, что Луврскій-то магазинъ сегодня запертъ.

— Врете, врете вы! Это вы нарочно, чтобы намъ подольше въ Парижѣ остаться. Но запертъ онъ или не запертъ — мы все равно въ него поѣдемъ.

Возлѣ небольшого ресторана супруги увидѣли извозчицью колясочку. Извозчикъ, пожилой толстый чело-вѣкъ съ гладкобритымъ, необыкновенно добродушнымъ

полнымъ лицомъ, подвязывалъ къ мордѣ лошади торбу съ кормомъ.

— Коше! Ву зетъ либръ? — спросила Глафира Семеновна извозчика.

Извозчикъ галантно снялъ шляпу и отвѣчалъ по-французски:

— Да, мадамъ, я не занятъ, но нужно завтракать, *il faut que je prenne mon café*. Если хотите подождать, пока я позавтракаю, то я къ вашимъ услугамъ. *C'est seulement un quart d'heure...* Присядьте здѣсь, спросите себѣ что-нибудь и подождите меня. Я сейчасъ.

Отойдя отъ лошади извозчикъ даже стулъ подвинулъ Глафирѣ Семеновнѣ. Такая галантность поразила ее, и она, улыбнувшись, сказала: „мерси“.

— Удивительно смѣшной извозчикъ, — обратилась она къ мужу. — Просить подождать, покуда онъ позавтракаетъ. И какъ учтиво! Вотъ бы нашимъ извозчикамъ поучиться. Ты видишь, онъ даже и стулъ подвинулъ мнѣ. Дѣлать нечего, надо будетъ подождать его, потому что извозчиковъ свободныхъ нѣтъ, а пѣшкомъ я бѣгать не намѣрена. Садись. Кстати спросимъ себѣ что-нибудь перекусить. Я тоже ѣсть хочу.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна помѣстились за столикомъ около двери въ ресторанчикъ. Извозчикъ, войдя въ ресторанчикъ и вернувшись оттуда, что-то смакуя жирными крупными губами, помѣстился за другимъ столикомъ, невдалекѣ отъ супруговъ.

— *Il fait beau temps, madame. N'est-ce pas?* — обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ съ улыбкою.

Та ничего не отвѣтила и толкнула ногой мужа.

— Боже мой, онъ не только сѣлъ около насъ, но даже заговариваетъ съ нами о погодѣ, — сказала она.

— Пожалуйста, только не дѣлай скандала, сдѣлай одолженіе, безъ скандала...

— Зачѣмъ же тутъ скандалъ? Онъ очень учтиво... Но я не знаю, право, отвѣчать ему или не отвѣчать, ежели еще заговорить. Все-таки извозчикъ.

— Отвѣть, ежели слова знаешь. Тебя не убудеть.

Женщина въ бѣломъ чепцѣ, передникѣ и съ букетомъ на груди принесла на столикъ извозчику кусокъ хлѣба, нѣсколько редисокъ и кусочекъ масла на тарелочкѣ. Извозчикъ принялся закусывать.

LX.

Поджидая завтракающаго извозчика, супруги спросили себѣ сандвичей и краснаго вина и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ онъ, сидя около нихъ, закусывалъ редиской и хлѣбомъ съ масломъ. Уничтоживъ редиску, онъ спросилъ себѣ ломотокъ сыру и краснаго вина и опять принялся ѣсть.

— Редиска... сыр... Смотри, смотри... Да онъ завтракаетъ совсѣмъ на аристократическій манеръ... — подтолкнула Глафира Семеновна мужа. — Вотъ какъ здѣсь въ Парижѣ извозчики то живутъ: красное вино за завтракомъ пьютъ.

Наконецъ, извозчикъ залпомъ допилъ изъ чашки остатки кофе, положилъ на столъ за завтракъ деньги и, вставъ изъ-за стола, сказалъ:

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, мадамъ. Благодарю за вашу любезность, что подождали меня. Прошу васъ въ экипажъ.

Поднялись изъ-за столика и супруги. Глафира Семеновна шла впередъ, Николай Ивановичъ слѣдовалъ сзади. Они подошли къ экипажу, и лишь только Глафира Семеновна приготовилась садиться и занесла ногу на подножку экипажа, извозчикъ тотчасъ же подставилъ ей руку, свернутую калачикомъ. Глафира Семеновна остановилась и недоумѣвала.

— Обопритесь, обопритесь, мадамъ, на мою руку, — заговорилъ извозчикъ, и тутъ же прибавилъ: — О, я вижу теперь, что этотъ господинъ вашъ мужъ, а мужья вообще плохіе кавалеры.

Глафира Семеновна оперлась на руку извозчика и, поблагодаривъ, сѣла въ экипажъ.

— Каковъ извозчикъ-то! — толкнула она усаживаю-

шагося съ ней рядомъ мужа.—Боже мой, да это даже и не похоже на извозчика, до того онъ учтивъ.

— На чай хочется лучше получить—вотъ онъ и подлащивается.

— Однако, посмотри, какъ ловко онъ подалъ руку; совсѣмъ на офицерскій манеръ. Ты прими въ соображеніе, что вѣдь онъ старикъ.

— Наполировался. Старикѣ-то наполироваться еще легче.

Извозчикъ между тѣмъ влѣзъ въ козлы, и экипажъ поѣхалъ.

— Удивительно, какой элегантный извозчикъ, — продолжала Глафира Семеновна.—Ты знаешь, онъ даже и тебя осудилъ, что ты не посадилъ меня въ экипажъ.

— А за это ему по шапкѣ. Какое такое онъ имѣетъ право надъ сѣдокомъ смѣяться?

— Ну, ну... Пожалуйста, пожалуйста... Ты бы вотъ лучше вчерашнюю дикую-то бабу по шапкѣ! А то тебя на это не нашлось. Ты вотъ полированного человѣка хочешь по шапкѣ.

— Не смѣйся надъ сѣдокомъ въ глазахъ жены...

— Оставь, Николай Ивановичъ, оставь. Раскаиваюсь, что и сказала тебѣ.

Подъѣзжали къ Луврскому магазину.

— Вотъ Луврскій магазинъ,—отрекомендовалъ извозчикъ, обернувшись къ сѣдокамъ въ полъ-оборота.—Сегодня воскресенье, и онъ запертъ, но совѣтую побывать вамъ въ немъ въ другіе дни.

— Команъ ферме? Ахъ, комъ се домажъ! — заговорила Глафира Семеновна. — Николай Ивановичъ, вѣдь магазинъ-то запертъ,—обратилась она къ мужу.

— Я говорилъ тебѣ.

— Какъ же намъ теперь попросить, чтобы сегодня вечеромъ вещи-то мои были готовы? Мнѣ положительно не хочется еще на день оставаться въ Парижѣ. Коше! Пе тонъ постучать энъ пе а ля портъ? Пе тетръ отворятъ. Уврить могутъ? Вуй?... Вѣдь есть же тамъ хоть артельщики дежурные? Арете коше...

Глафира Семеновна остановила извозчика, вышла

изъ экипажа и стала искать звонка около двери магазина, но звонка не оказалось. Она стукнула въ дверь.

— Безполезно, мадамъ. Сегодня не отворятъ, — сказалъ ей извозчикъ. — Сегодня всѣ ампуайе праздничаютъ, находятся гдѣ-нибудь за городомъ на легкомъ воздухѣ и проводятъ время съ дамами сердца.

Постучавъ еще нѣсколько разъ въ дверь, Глафира Семеновна снова усѣлась въ экипажъ и сердито сказала мужу:

— Ну, все равно, останемся еще на одинъ день въ Парижѣ, только зарубите себѣ на носу, что я на выставку къ проклятымъ дикимъ положительно уже больше ни ногой.— Коше! Картье Латень, же ву при!—скомандовала она извозчику.

LXI.

Супруги ѣхали почти шагомъ. Извозчикъ поминутно оборачивался къ сѣдокамъ и, указывая на какое-либо зданіе, бормоталъ безъ умолку. Лицо его то улыбалось, то принимало серьезное выраженіе, говорилъ онъ то съ восторгомъ, то съ грустью, то прищелкивалъ языкомъ, кивалъ головой. Очевидно, онъ и самъ восхищался Парижемъ.

— Говорить красно, а поди разбери, что онъ такое бормочетъ!—сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.— Понимаешь что-нибудь, Глаша?

— Въ томъ-то и дѣло, что мало. А очень жаль. То-есть названія церквей-то и улицъ я понимаю. Вотъ сейчасъ проѣзжали мимо биржи, на которой проигрался маркизь де-Клермонъ.

— Какой-такой маркизь Клермонъ.

— А это изъ одного романа. Помнишь, я тебѣ читала?

— Тьфу ты пропасть! А я думалъ, какой-нибудь настоящій.

— Онъ проигрался и потомъ сдѣлался чистильщикомъ сапогъ. Да вѣдь ты и самъ, кажется, читалъ?

— Могу ли я все упомнить. Ты знаешь мое чтеніе.

Лягу на диванъ, раскрою книгу, а черезъ минуту ужъ и сплю. Для меня читать, такъ это все равно, что сонныя капли.

— Ну, я все помню, что читала. Потому-то вотъ всѣ улицы Парижа для меня и интересны, что онѣ во французскихъ романахъ описываются. Изъ-за того-то я и въ Латинскій кварталъ ѣду, что по романамъ всѣ тамошнія мѣста наизусть знаю.

Въѣзжали въ Латинскій кварталъ. Извозчикъ обернулся и сказалъ по-французски:

— Вотъ что называется Латинскимъ кварталомъ.

— Да, да... Вотъ и на улицахъ ужъ не такъ много народа, какъ въ центрѣ города, — проговорила Глафира Семеновна, съ любопытствомъ смотря направо и налево... — Мерси, коше, мерси... Здѣсь вѣдь студенты, гризетки, разныя работницы, цвѣточницы живутъ, — обратилась она къ Николаю Ивановичу.

— Гм... Такъ... — Николай Ивановичъ зѣвнулъ.

— Неужели тебя это не интересуетъ, Николая? А мнѣ такъ это во сто разъ интереснѣе выставки.

— Boulevard St.-Michel! — возгласилъ извозчикъ, когда они въѣхали на широкую улицу.

— Ахъ, вотъ онъ бульваръ-то Сень-Мишель, — воскликнула Глафира Семеновна. — Ну, я его такимъ и воображала. Совсѣмъ Большой проспектъ на Васильевскомъ острову. Вѣдь о бульварѣ Мишель сколько пишутъ. Страсть! Вотъ тутъ бѣлошвейка Клотильда познакомилась съ медикомъ Малине. И, навѣрное, гдѣ-нибудь тутъ есть тотъ ресторанчикъ, гдѣ они въ первый разъ завтракали. Тетка Пате этотъ ресторанчикъ держитъ. Видишь, я все помню.

— Бредишь ты, кажется!

— Да нѣтъ же, нѣтъ... Тамъ даже подробное описаніе было. У входа висѣли часы, а надъ часами оленьи рога... Вотъ ежели бы зайти, то я сейчасъ узнала бы этотъ ресторанчикъ по описанію.

Николай Ивановичъ встрепенулся.

— Что-жъ, давай, зайдемъ. . Краснаго вина я выпью съ удовольствіемъ. Извозчику можно также поднести.

— Да погоди, нужно сначала разыскать этот ресторанъ. Коше! Ву саве у э ресторанъ де тантъ Пате? — спросила Глафира Семеновна извозчика.

— Quel numéro, madame? — обратился тотъ къ ней въ свою очередь.

— Нумеръ дома спрашиваетъ... Почему я знаю! Же не се па.

— Alors il faut chercher. C'est un restaurant russe?

— Какъ руссь? Франсе. Эта тетка Пате описана, какъ самая добрая женщина. Когда съ Клотильдой случился грѣхъ, и она родила ребенка, то Пате призрѣла этого ребенка и вскормила на козьемъ молокѣ. А Клотильда была больна и лежала въ клиникѣ. Видишь, я все помню.

— Boulevard St.-Germain! — указалъ бичомъ извозчикъ.

— И бульваръ Сень-Жермень отлично помню. Тутъ жилъ въ мансардѣ этотъ самый...

— Да брось...

— Нѣтъ, зачѣмъ же бросать! Это пріятно вспоминать. Онъ былъ въ аптекѣ приказчикомъ.

— La rue des Ecoles. La rue St.-Jacques, — показывалъ извозчикъ.

— Все, все помню... Всѣ мѣста знакомыя.

— C'est la Sorbonne.

— Ахъ, Сорбонна! Вотъ она Сорбонна-то! Николай Ивановичъ, смотри Сорбонну. Тутъ и Жозефъ, тутъ и Лазарь учились. Вотъ, вотъ... Здѣсь-то у букиниста и нашли они рукопись шестнадцатаго столѣтія, по которой Жозефъ оказался потомкомъ герцога Овре и полнымъ наслѣдникомъ всѣхъ его милліоновъ.

— Гм... Гм... Такъ. А только это, душечка, совсѣмъ неинтересно.

— Да какъ же неинтересно-то, ежели кто читалъ.

— А я не читалъ. Да и вообще въ романахъ все враки.

— Враки? А вотъ посмотри, у желѣзной рѣшетки разложены книги, и букинистъ стоитъ. Такъ и въ романѣ стояло. Стало быть, это правда, а не враки. Видишь букиниста?

— Ну, ладно, ладно. Ты вотъ рестораникъ-то хотѣла разыскать, такъ давай разыскивать.

— Ахъ, тебѣ только бы до ресторана-то дорваться. И какой ты ненасытный!

— Дура, да вѣдь я для тебя же. Ты хотѣла.

— Collège de France — указалъ извозчикъ на зданіе.

— И коллежъ де Франсъ отлично помню. Вотъ тутъ должна быть тоже одна таверна подъ назнаніемъ „Рогъ изобилія“. Вотъ, вотъ... Навѣрное эта — оживилась Глафира Семеновна, указывая на грязненькій рестораникъ, около котораго стояли двое въ сѣрыхъ блузахъ и черныхъ шляпахъ.

— Такъ зайдемъ. Что-жъ ты такъ-то, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— И зашла бы, потому что здѣсь рѣзчикъ Каро проигралъ въ кости свою жену художнику Брюле, но я не знаю, та ли эта таверна.

— Такъ спроси. Спроси у извозчика.

— И спросила-бы, но не знаю, какъ по-французски рогъ изобилія. Коше! Коше! Команъ онъ номъ есть таверна? — обратилась Глафира Семеновна къ извозчику.

— Connais pas, madame. . Mais si vous voulez visiter un restaurant où il y a une dame, qui parle russe, alors — voilà.

Извозчикъ указалъ на рестораникъ на другой сторонѣ улицы.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Да вотъ указываетъ на рестораникъ, гдѣ есть какая-то дама, которая говоритъ по-русски.

— Непремѣнно надо зайти. Что же ты не велишь остановиться?

LXII.

Рестораникъ, въ который вошли супруги, былъ самый незвучный рестораникъ. Его скорѣе можно было назвать винной лавкой, гдѣ, впрочемъ, кромѣ вина,

продавались хлѣбъ, яйца, редиска и рѣдька, которые и лежали на мраморномъ прилавкѣ вмѣстѣ съ жестяными воронками, служащими для наливанія вина въ бутылки. За прилавкомъ стояла сильно разползшаяся толстая пожилая женщина въ высокой гребенкѣ съ жемчужными бусами въ волосахъ. Женщина была громаднаго роста, брюнетка, съ дугообразными черными бровями, очевидно подкрашенными, и съ маленькими усиками надъ верхней губой. Мясистыя руки ея съ жирными пальцами въ дешевыхъ кольцахъ едва сходились на животѣ. Затянутая въ корсетъ грудь представляла цѣлую гору. Женщина была одѣта въ черное шерстяное платье. У прилавка стояли два тощіе французика въ потертыхъ пиджакахъ—одинъ съ тараканьими усами, другой съ козлиной бородкой—и любезничали съ женщиной. Ресторанчикъ состоялъ всего только изъ одной комнаты съ грязнымъ поломъ, на которомъ валялись объѣдки редиски, яичная скорлупа. На стѣнахъ висѣли плохія литографіи въ старыхъ, засиженныхъ мухами, деревянныхъ рамахъ и даже были просто намѣчены дешевенькія народныя картинки въ яркихъ краскахъ изображающія разстрѣливаніе слона во время осады Парижа, карту Европы въ лицахъ, гдѣ на мѣстѣ Россіи лежитъ громадный медвѣдь, а на мѣстѣ Германіи прусская каска со штыкомъ и т. п. Пахло виномъ. Столиковъ въ ресторанчикѣ было нѣсколько, но посѣтители сидѣли только за двумя столами. За однимъ два француза, снявъ сюртуки, играли въ домино, за другимъ—одинокій посѣтитель въ высокой французской фуражкѣ, имѣя передъ собою бутылку съ виномъ, внимательно читалъ „Petit Journal“. Изъ прислуги была только одна дѣвушка, очень молоденькая, въ клеенчатомъ передникѣ и съ сумочкой у пояса. Войдя въ ресторанчикъ, Глафира Семеновна даже попятилась.

— Кабакъ какой-то... Ужъ входитъ-ли? — проговорила она, косясь на сидящихъ безъ сюртуковъ французовъ, дымящихъ за игрой въ домино тоненькими папиросами „капораль“.

— Ну, такъ что за бѣда? Кто насъ здѣсь знаетъ?

Зато увидимъ французенку, говорящую по-русски, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. Садись вотъ къ столику.

Когда супруги усѣлись, къ нимъ подскочила прислуживавшая дѣвушка и остановилась въ вопросительной позѣ.

— Ну съ, кто у васъ здѣсь говорить по-русски? Вы, мамзель, что-ли?—обратился къ ней Николай Ивановичъ.

— Comprends pas, monsieur...—отвѣчала та.

— Какъ не компранъ? Намъ сказали, что здѣсь говорятъ по русски.

— Ну сомъ рюссъ е коше ну за ди, ке иси парль рюссъ.

— Ah, oui, C'est ça... — улыбнулась дѣвушка и, обратясь къ толстой женщинѣ, стоявшей за прилавкомъ, крикнула:—Madame Bavolet! Voilà des personnes russes, qui désirent vous voir *).

Толстая женщина улыбнулась и, выплывъ изъ-за прилавка, подошла къ столу:

— Ah, que j'aime les russes! Monsieur et madame sont de Pétersbourg ou de Moscou **)? Я была въ Петербургѣ и въ Москвѣ и до сихъ поръ сохраняю самыя хорошія воспоминанія о русскихъ, — продолжала она по-французски.

— Пойдите, пойдите, мадамъ,—перебилъ ее Николай Ивановичъ. — Да вы говорите по-русски?

— Да, я говорю по-русски, mais à présent c'est très difficile pour moi. Madame parle français—обратилась толстая женщина къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Вуй, мадамъ, энъ пе...—неохотно дала та отвѣтъ.

— Да скажи ты ей, чтобъ она присѣла-то...—сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Пренэ плясь, мадамъ.

Женщина взяла стуль и подсѣла къ супругамъ.

— Я—артистка,—заговорила она по-французски.—Ахъ, монсье, ежели-бы вы знали, какой я имѣла голосъ!

*) Мадамъ Баволе! Вотъ русскіе, которые желаютъ васъ видѣть.

***) Ахъ, какъ я люблю русскихъ! Вы изъ Петербурга или изъ Москвы?

Но я простудилась, заболѣла и потеряла мой капиталъ. Я пѣвица... Я имѣла ангажементъ и прїѣзжала пѣть въ Петербургъ. Я была и въ Москвѣ. Vous devez savoir Egareft? Jardin de Demidoff? Діемидофъ садъ,—вставила она два слова по-русски. — Вотъ была моя арена. А, монсье, русскіе умѣютъ цѣнить таланты, умѣютъ цѣнить артистовъ!

— Да вы умѣете говорить по-русски-то?... — перебилъ ее Николай Ивановичъ.

— Oh, oui, monsieur. Je me souviens de quelques mots... Isvostschik... Vino... Vodka... Botvigne... О, какое это вкусное русское блюдо—ботвинья! Botvigne avec lossosine...

— Да вѣдь это все слова, слова, а говорить-то вы не умѣете? Парле рюссъ... Не компренэ?

— Да, да... Я говорила по-русски, — но за недостаткомъ практики я забыла. Здѣсь есть русскіе студенты, они заходятъ ко мнѣ, и мы часто, часто вспоминаемъ о Россіи. Moujik... Boulka... па tschai... tri roubli па tschai... C'est pour boire...

— Песъ ее знаетъ, что она бормочетъ! Ну, да наплевать! — махнулъ рукой Николай Ивановичъ и сказалъ:—Мадамъ! Ву—артистъ, а ну—маршандъ... Бювонъ!

— Qu'est ce que vous voulez prendre, monsieur?

— Венъ ружъ и на закуску виноградъ. Резанъ, резанъ... Но бьянъ венъ...

— Du bon vin? Il faut chercher, monsieur. Mademoiselle Marie! — обратилась толстая женщина къ дѣвушкѣ и, передавъ ей большой ключъ, стала ей говорить что-то по-французски. — Tout de suite, monsieur... Vous recevez,—кивнула она Николаю Ивановичу и опять отдалась воспоминаніямъ о русскихъ и Петербургѣ, вставляя русскія слова въ родѣ „Gostinoï dvor, pirogue russe, kvasse, stierliat, tschelovek, kosak“.

Черезъ пять минутъ дѣвушка принесла откуда-то бутылку вина и поставила ее на столъ вмѣстѣ съ стаканами.

— Voyons, monsieur, c'est quelque chose d'extraordinaire... —проговорила толстая женщина, щелкнувъ пальцами по бутылкѣ, и принялась разливать вино въ стаканы.

Мадамъ Баволе, жирная хозяйка винной лавки (то торговое заведеніе, гдѣ сидѣли супругъ и была винная лавка), оказалась изряднымъ питухомъ. Разливъ вино въ стаканы, она хриплымъ контральто воскликнула:

— Ah, que j'aime les russes! Ah, que je suis bien aise de voir monsieur et madame! Buvons sec! Avec les russes il faut boire à la russe *). *Tvoe zdorovie douschinka!*— произнесла, наконецъ, она три русскія слова, чокнулась съ супругами, залпомъ выпивъ стаканъ, опрокинула его себѣ на голову, звякнувъ имъ о гребенку.

— Ой, баба! Вотъ пьетъ-то! — невольно выговорила Глафира Семеновна, удивленно смотря на хозяйку.—Да это халда какая-то.

— Оставь, погоди. Все-таки человекъ сна бывалый въ Россіи... Пріятно... Видишь, какъ хвалить русскихъ,—перебилъ жену Николай Ивановичъ и тоже осушилъ свой стаканъ.

Глафира Семеновна только пригубила. Это не уклонилось отъ взора хозяйки винной лавки.

— О, нѣтъ, мадамъ... Такъ невозможно. Такъ русскіе не пьютъ. Надо пить до суха,—заговорила она по-французски и стала принуждать Глафиру Семеновну выпить стаканъ до конца.

Николай Ивановичъ хотѣлъ налить изъ бутылки вина, но бутылка была пуста. Француженка это замѣтила и сказала:

— Это была моя бутылка, монсье... *C'est de moi, c'est pour les voyageurs russes que j'adore*, но теперь вы можете спрашивать, что вы хотите.

— Этой бутылкой она насъ угощаетъ, — перевела мужу Глафира Семеновна. — Вотъ какая! Заграницей насъ еще никто не угощалъ, — прибавила она, и гостепріимство толстой француженки нѣсколько расположило ее въ пользу француженки. — Мерси, мадамъ, — поблагодарила ее Глафира Семеновна. — Хоть ужъ и не

*) Ахъ, какъ я люблю русскихъ! Ахъ, какъ я рада, что вижу монсье и мадамъ! Выпьемте до дна, съ русскими надо пить по-русски.

хочется мнѣ, чтобы ты еще пилъ, но надо отвѣтить ей тоже бутылкой за ея угощеніе.

— Непремѣнно, непременно, — заговорилъ Николай Ивановичъ и, поблагодаривъ въ свою очередь француженку, воскликнулъ: — Шампанскаго бутылку! Шампань, мадамъ...

Шампанскаго въ винной лавкѣ не нашлось, но толстая француженка тотчасъ же поспѣшила послать за нимъ прислуживающую въ ея лавкѣ дѣвушку, и бутылка явилась. Толстая француженка сама откупила бутылку и стала разливать въ стаканы.

— За здоровье французовъ! Пуръ ле франсэ — возгласилъ Николай Ивановичъ.

— *Vive la France! Vive les français!* — отвѣтила француженка, вставъ со стула, распрямилась во весь ростъ и эффектно, геройски, по театральному поднимая бокаль.

На возгласъ „*vive la France*“ отозвались и французы безъ сюртуковъ, игравшіе въ домино, и тоже гаркнули: „*vive la France*“. Николай Ивановичъ тотчасъ же потребовалъ еще два стакана и предложилъ выпить и французамъ, отрекомендовавшись русскимъ. Французы приняли предложеніе и уже заорали „*vive la Russie*“. Всѣ соединились, присѣвъ къ столу. Дожидавшійся на улицѣ Николая Ивановича и Глафиру Семеновну извозчикъ, слыша торжественные крики, тоже вошелъ въ винную лавку. Николай Ивановичъ спросилъ и для него стаканъ. Одной бутылки оказалось мало, и пришлось посылать за другой бутылкой.

Когда появились еще двѣ бутылки шампанскаго, извозчикъ тоже подсѣлъ къ супругамъ. Онъ что-то старался имъ рассказать, тыкая себя въ грудь и упоминая слово *royaliste*, но ни Николай Ивановичъ, ни Глафира Семеновна ничего не поняли. Толстая мадамъ Баволе оживлялась все болѣе и болѣе. Сначала она спорила съ французами безъ сюртуковъ, упоминая съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ про императора Луи Наполеона, и протягивая руку извозчику, потомъ, обратясь къ супругамъ, опять заговорила о Петербургѣ и кончила тѣмъ, что, взявъ стаканъ въ руки и отойдя

на середину лавки, зашла разбитымъ, сиплымъ, переходящимъ въ басъ, контралято извѣстную шансонетку: „Ah, que j'aime les militaires“. Пѣніе было безобразное, дамъ Баволе поминутно откашливалась въ руку, но тѣмъ не менѣе Николай Ивановичъ и вся мужская публика приходили въ восторгъ.

— Bravo! bravo! — кричалъ послѣ cadaго куплета Николай Ивановичъ, неистово аплодируя.

Глафира Семеновна уже дулась и уговаривала его ѣхать домой, но онъ не внималъ, и видя, что двѣ принесенныя бутылки были уже пусты, стучалъ ими по мраморному столу и отдавалъ приказъ:

— Анкоръ шампань! Анкоръ де бутель! За французовъ всегда радъ выпить!

LXIV.

Пиръ, устроенный Николаемъ Ивановичемъ въ винной лавкѣ толстой мадамъ Баволе, разгорался все болѣе и болѣе. Было уже выпито восемь бутылокъ шампанскаго, на столѣ стояла уже плетеная корзинка съ крупными грушами и виноградомъ. Общество, состоявшее изъ супруговъ, самой мадамъ Баволе, двухъ французовъ безъ сюртуковъ и извозчика, оживлялось все болѣе и болѣе. Исключеніе представляла Глафира Семеновна, которая умоляла Николая Ивановича ѣхать домой, но онъ не внималъ. Съ французами у него шли рукопашатія, похлопыванія другъ друга по плечу; одинъ изъ французовъ безъ сюртука, поминутно упоминая объ Эльзасъ-Лотарингіи, даже поцѣловался съ нимъ. Пили за русскихъ, пили отдѣльно за казаковъ и почему-то за саперовъ. Послѣдній тостъ былъ предложенъ самой мадамъ Баволе, послѣ чего она опять удалилась на середину лавку и, вставъ въ театральную позу, прошла вторую шансонетку, на этотъ разъ въ честь саперовъ: „Rein n'est sacré pour un sapeur“.

Опять крики „bravo“, опять аплодисменты, хотя пѣніе было ниже всякой посредственности. Изрядная порція выпитаго вина окончательно лишила толстую

мадамъ Баволе голоса. Аплодисментами этими, однако, она, очевидно, очень дорожила. Они ей пріятно напомнили ея театральное прошлое. Какъ старая кавалерійская лошадь, заслыша маршевые звуки трубы и барабана, даже въ водовозкѣ начинаетъ ступать въ тактъ и по ученому перебирать ногами, такъ и мадамъ Баволе при аплодисментахъ величественно выпрямлялась, прикладывая руку къ сердцу, и раскланивалась. Разъ она даже по старой театральной привычкѣ послала жестомъ аплодировавшему Николаю Ивановичу воздушной поцѣлуй, прибавивъ: „*pour mon hon russe*“. Глафира Семеновна ревниво вспыхнула и заговорила:

— Какъ ты хочешь, а ежели ты сейчасъ не отправишься домой, я уѣду одна.

— Сейчасъ, Глашенька, сейчасъ, погоди чуточку . . . Вѣдь въ первый только разъ пришлось въ Парижѣ съ настоящими теплыми людьми встрѣтиться, — отвѣчала Николай Ивановичъ. — Люди то все душевные.

— Но понимаешь ты, я ѣсть хочу, ѣсть. Вѣдь мы сегодня еще не обѣдали. Въ здѣшнемъ кабакѣ ничего кромѣ гнилыхъ яицъ и редиски нѣтъ, а вѣдь это не обѣдъ.

Замѣтивъ, что Глафира Семеновна собирается уходить, къ ней подскочила и мадамъ Баволе, принявшись ее уговаривать, чтобъ она не уходила.

— *Me nu vulonъ динэ.* Ну навонъ па анкоръ динэ ожурдюи, — отвѣчала ей Глафира Семеновна.

— *Dîner? Vous n'avez pas dîné, madame? Alors tout de suite je vois procurerai le dîner,* — и за обѣдомъ было послано.

Явился вареный омаръ, явилась ветчина и холодный паштетъ. Глафира Семеновна дулась и попробовала только ветчины, чтобы отшибить аппетитъ, такъ какъ дѣйствительно ѣсть хотѣла. Французы безъ сюртуковъ набросились на омара.

А театральныя представленія мадамъ Баволе шли своимъ чередомъ. Кончилось тѣмъ, что мадамъ Баволе стала танцовать канканъ. Неуклюже запрыгало по винной лавкѣ ея грузное тѣло, ударяясь о стулья и столы. Гибелыя, толстыя, какъ у слона, ноги поднимались

плохо, но тѣмъ не менѣе передъ ней бросился отвѣсывать и французъ безъ сюртука. Мадамъ Баволе запыхивалась, еще переводила дыханіе, но все-таки продолжала выдѣлывать рѣзкія па передъ французомъ безъ сюртука. Николай Ивановичъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на танцы, воодушевился и не выдержалъ соблазна.

— То было франсе, а вотъ это а ля руссъ! — воскликнулъ онъ и самъ пустился по лавкѣ въ присядку.

Этого уже не могла вынести Глафира Семеновна. Она заплакала и выбѣжала вонъ изъ винной лавки.

— Глаша! Глаша! Куда ты? подожди немного! — бросился за ней Николай Ивановичъ и сталъ упрашивать остаться.

— Нѣтъ, уже силъ моихъ больше нѣтъ. Довольно! — раздраженно и сквозь слезы отвѣчала она, стоя на порогѣ лавки, и крикнула въ отворенную дверь извозчику: — Коше! Же ве домой... Же ве а ля мезонъ. Вене зиси э партонъ а ля мезонъ.

Извозчикъ выбѣжалъ за Глафирой Семеновной и, участливо бормоча: „Madame est malade, je vois que madame est malade“, сталъ подсаживать ее въ экипажъ.

— Да дай хоть за вино то рассчитаться — и я съ тобой поѣду, — говорилъ Николай Ивановичъ.

— Чортъ! Дьяволъ! Бездушная скотина! Не хочу съ тобой ѣхать! Оставайся въ пьяной компаніи, обнимайся съ нахальной бабой... Рассчитаться съ извозчикомъ и у меня золотой найдется. Посмотрю я, какъ ты одинъ будешь шляться по Парижу безъ французскаго языка. Коше! Алле! Алле, коше! — приказывала Глафира Семеновна взобравшемуся уже на козлы извозчику.

На улицу выбѣжали мадамъ Баволе и французы безъ сюртуковъ и остановились около Николая Ивановича.

— Madame est partie?.. Il me semble, que madame est capricieuse, mais ne pleurez pas, nous nous amuserons bien *), — говорила мадамъ Баволе, какъ бы подсмѣиваясь надъ Николаемъ Ивановичемъ, и, взявъ его подъ руку, снова втащила въ свою лавку.

*) Мадамъ уѣхала? Мнѣ кажется, что мадамъ капризна, но не плачьте, мы повеселимся хорошо.

Оставшись съ компаніей одинъ, Николай Ивановичъ очутился совсѣмъ ужъ безъ языка. Глафира Семеновна все-таки была для него хоть какой-нибудь переводчицей. Словарь его французскихъ словъ былъ крайне ограниченъ и состоялъ только изъ хмельныхъ словъ, какъ онъ самъ выражался, тѣмъ не менѣе онъ все-таки продолжалъ бражничать съ компаніей. Пришлось разговаривать съ собутыльниками пантомимами, что онъ и дѣлалъ, поясняя свою рѣчь. Хоть и заплетаящимся отъ выпитаго вина языкомъ, но говорилъ онъ безъ умолку, и, дивное дѣло, при дополненіи жестами, его кое-какъ понимали. А говорилъ онъ обо всемъ: о Петербургѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ, о женѣ, о торговлѣ.

Далѣе Николай Ивановичъ смутно помнитъ, что куда-то поѣхали въ четырехмѣстномъ парномъ экипажѣ. Онъ, Николай Ивановичъ, сидѣлъ рядомъ съ мадамъ Баволе и на ней была высочайшая шляпа съ широкими полями и цѣлымъ ворохомъ перьевъ. Два француза сидѣли противъ него. Помнитъ онъ какой-то садъ, освѣщенный газомъ, нѣчто въ родѣ театра, сильно декорированныхъ женщинъ, которыя пѣли и приплясывали. помнитъ звуки оркестра, помнитъ пеструю публику, помнитъ отчаянные танцы, помнитъ, что они что то ѣли въ какой-то красной съ золотомъ комнатѣ, припоминаетъ, что онъ сидѣлъ съ какой-то французской женщиной обнявшись, но не съ мадамъ Баволе, а съ какой-то тоненькой, востроносой и бѣлокурой, но все это помнитъ какъ сквозь сонъ.

Какъ онъ вернулся къ себѣ домой въ гостиницу, онъ не зналъ, но проснулся онъ у себя въ номерѣ на постели. Лежалъ онъ хоть и безъ пиджака и безъ жилета, но въ брюкахъ и въ сапогахъ и съ страшной головной болью. Онъ открылъ глаза и увидалъ, что въ окно свѣтило яркое солнце. Глафира Семеновна въ юбкѣ и въ ночной кофтѣ стояла къ нему спиной и укладывала что-то въ чемоданъ. Николай Ивановичъ на нѣкоторое время притворился спящимъ и сталъ со-

ображать, какъ ему начать рѣчь съ супругой, когда онъ поднимется съ постели, — и ничего не сообразилъ. Голова окончательно отказывалась служить. Полежавъ еще немного, не шевелясь, онъ сталъ осторожно протягивать руку къ ночному столику, чтобы ощупать часы и посмотрѣть, который часъ. Часы онъ ощупалъ осторожно, осторожно посмотрѣлъ на нихъ и очень удивился, увидавъ, что уже третій часъ дня; но когда сталъ класть часы обратно на столикъ, часовая цѣпочка звякнула о мраморную доску столика, и кровать скрипнула. Возившаяся надъ открытымъ сундукомъ Глафира Семеновна обернулась и, увидавъ Николая Ивановича шевелящимся и съ открытыми глазами, грозно нахмурила брови и проговорила:

— Ахъ, проснулся! Мерзавецъ!

— Глаша, прости... Прости, голубушка... Вѣдь ты сама виновата, что такъ случилось, — пробормоталъ Николай Ивановичъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе нѣжности и заискивающего тона, но голосъ хрипѣлъ и сипѣлъ послѣ вчерашняго пьянства.

— Молчи! Я покажу тебѣ, какъ я сама виновата! Еще смѣешь оправдываться, пьяница! — перебила его Глафира Семеновна.

— Ну, прости, ангельчикъ. Чувствую, что я въ твоей власти.

— Не смѣть называть меня ангельчикомъ. Зови ангельчикомъ ту толстую хабалку, съ которой ты пьянствовалъ и обнимался, а меня больше не смѣй!

— Съ кѣмъ я обнимался? Съ кѣмъ?

— Молчать! Ты, я думаю, съ цѣлымъ десяткомъ мерзавокъ обнимался, пропьянствовалъ всю сегодняшнюю ночь.

— Глаша! Глаша! Зачѣмъ такъ? Зачѣмъ такъ? Видитъ Богъ... — заговорилъ Николай Ивановичъ, поднявшись съ постели и чувствуя страшное головокруженіе.

Глафира Семеновна не выдержала. Она опустилась на открытый чемоданъ и, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

Глафира Семеновна плакала, а Николай Ивановичъ всталъ съ постели и молча приводилъ свой костюмъ въ порядокъ. Дѣлалъ онъ это не безъ особенныхъ усилій. Послѣ вчерашней выпивки его такъ и качало изъ стороны въ сторону, голова была тяжела, какъ чугунный котель, глазамъ было трудно глядѣть на свѣтъ, и они слезились, языкъ во рту былъ какъ-бы изъ выдѣланной кожи. Николай Ивановичъ тщательно умылся, но и это не помогло. Онъ попробовалъ закурить папироску, но его замутило. Бросивъ окурокъ и откашлявшись, онъ подсѣлъ было къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Прочь!—закричала та, замахнувшись на него.— Не подходи ко мнѣ. Иди къ своимъ мерзавкамъ.

— Къ какимъ мерзавкамъ? Что ты говоришь!

— А вотъ къ тѣмъ, отъ которыхъ ты эти сувениры отобралъ.

Глафира Семеновна подошла къ его пальто, висѣвшему на гвоздѣ около двери, и стала вынимать изъ кармановъ пальто пуховую пудровку, карточку съ надписью *Blanche Barbier* и адресомъ ея, гласящимъ, что она живетъ на Итальянскомъ бульварѣ, домъ номеръ такой-то. Далѣе она вынула пробку отъ хрустальнаго флакона, смятую бабочку, сдѣланную изъ тюля и бархата, и прибавила:

— Полюбуйтесь. Это что? Откуда вы это нахватили?

Николай Ивановичъ удивленно выпучилъ глаза и развелъ руками.

— Рѣшительно не понимаю, откуда это взялось,— сказалъ онъ, но тутъ-же сообразилъ, что можно соврать, и пробормоталъ: — Ахъ, да... Бабочку эту я для тебя купилъ, но только она смялась въ карманѣ. Очень хорошенькая была...

— Благодарю, благодарю. Стало быть, и пробку отъ флакона тоже для меня купили, карточка какой-то Бланшъ съ адресомъ тоже у васъ для меня!

— Душечка, это, должно быть, какая-нибудь портниха. Да, да, портниха. Я не помню хорошенько, я

быль пьянъ, откровенно говорю, что я былъ пьянъ, но это непременно адресъ дешевой портнихи, которую мнѣ рекомендовала для тебя мадамъ Баволе.

„Фу, выпутался“, — подумалъ Николай Ивановичъ, но Глафира Семеновна, язвительно улыбнувшись, проговорила: „Не лги, дрянъ, не лги“, и ползла въ другой карманъ пальто, изъ котораго вытащила длинную черную, значительно заношенную и штопанную перчатку на семи пуговицахъ и спросила:

— И эту старую перчатку для меня тоже купилъ?

— Недоумѣваю, рѣшительно недоумѣваю, откуда могла взяться эта перчатка. Одно только развѣ, что этотъ французъ, съ которымъ мы вмѣстѣ пили, въ карманъ мнѣ засунулъ какъ-нибудь по ошибкѣ.

— Отлично. Стало быть французъ въ женскихъ перчаткахъ выше локтя щеголялъ. Ужъ хоть-бы вралито какъ-нибудь основательно, а то вѣдь чушь городите. Ясно, что вы обнимались съ разными мерзавками, и вотъ набрали у нихъ разнаго хламу на память. Я вѣдь, васъ, мужчинъ, знаю, очень хорошо знаю. А гдѣ ваши деньги, позвольте васъ спросить? — наступала Глафира Семеновна на мужа, который отъ нея пятился. Третьяго дня вечеромъ у васъ было въ кошелекѣ сорокъ золотыхъ, а теперь осталось только два. Тридцати восьми нѣтъ. Вѣдь это значитъ, что вы семьсотъ шестьдесятъ франковъ въ одинъ день промотали. Неужто же вы тридцать восемь золотыхъ пропили только въ грязномъ кабакѣ толстой тумбы?

— Да неужели только два золотыхъ осталось?

— Два, два... Вотъ, полюбуйтесь, — заговорила Глафира Семеновна, вытаскивая изъ-подъ подушки своей кровати кошелекъ Николая Ивановича и вынимая изъ него два золотыхъ.

— Не помню, рѣшительно не помню... — опять развелъ руками Николай Ивановичъ. — Должно быть, потерялъ. Сама себя раба бьетъ за то, что худо жнетъ. Шампанское, которое мы пили, здѣсь не ахти какъ дорого, всего только по пяти или по шести франковъ за бутылку. Не знаю... Пьянъ былъ — и въ этомъ каюсь.

— А я знаю... Эти семьсотъ франковъ ушли въ

руки и въ утробы вотъ этой Бланшъ и другихъ мерзавокъ! — грозно воскликнула Глафира Семеновна и ткнула Николаю Ивановичу въ носъ карточкой.— Да-съ, ей, ей... А что это за портниха—я уже узнала. Пока вы дрыхали до третьяго часу, я успѣла уже съѣздить на Итальянскій бульваръ, вотъ по адресу этой карточки, и узнала, какая это такая портниха эта самая Бланшъ Барбье.

— Рѣшительно, ничего, душечка, не помню, рѣшительно, потому что былъ пьянъ, какъ сапожникъ. Карточка могла попасть въ карманъ отъ француза, съ которымъ я пилъ; французъ могъ и деньги у меня украсть. Чортъ его знаетъ, какой это такой былъ французъ! И вѣдь дернула тебя нелегкая заѣхать вчера въ этотъ кабакъ толстой бабы.

— Здравствуйте! Теперь я виновата. Не самъ ли ты меня упрашивалъ заѣхать!

— Неправда. Я только одобрилъ твой планъ. Ты отыскивала въ Латинскомъ кварталѣ какую-то таверну „Рогъ изобилія“.

— Я отыскивала не для того, чтобы пьянствовать, а для того, чтобы посмотреть то мѣсто, гдѣ, по описанію романа, рѣзчикъ проигралъ свою жену художнику. Я зашла только для того, чтобы имѣть понятіе о маленькихъ тавернахъ Латинскаго квартала, а ты кинулся на пьянство.

Николай Ивановичъ сдѣлалъ жалобное лицо и пробормоталъ, снова разводя руками:

— Бѣсъ попуталъ, Глаша! Прости меня, Христа ради, Глаша! Никогда этого не случится.

— Нѣтъ, этого я тебѣ никогда не прощу! — сдѣлала жестъ рукой Глафира Семеновна.— Я тебѣ отплачу тѣмъ-же, тою-же монетой.

— То-есть, какъ это? — испуганно спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ты кутилъ, и я буду кутить. Тоже найду какого-нибудь кавалера. Ты Бланшъ отыскалъ, а я Альфонса отыщу.

— Не говори вздору, Глаша, не говори... — погрозилъ женѣ пальцемъ Николай Ивановичъ.

— Говори сейчасъ, гдѣ ты шлялся до шести часовъ утра?

— Не помню, рѣшительно не помню. Былъ въ томъ кабакѣ, а потомъ куда-то ѣздили всей компаніей на гулянье, куда ѣздили—не помню.

— Ну, ладно. Это была первая и послѣдняя твоя гулянка въ Парижѣ. Собирайся. Сегодня вечеромъ мы уѣзжаемъ изъ Парижа.

— Но, Глаша, какъ-же это такъ... А канатное отдѣленіе на выставкѣ? Я еще канатнаго отдѣленія не видалъ по своей спеціальности. Не видали мы и картинъ...

— Знать ничего не хочу. Вонъ изъ Парижа. Есть-ли у тебя еще чѣмъ разсчитаться въ гостиницѣ и заплатить за дорогу?

— Это-то есть. Но позволь. Какъ-же уѣзжать сегодня, ежели я еще денегъ не получилъ?

— Съ кого? Какихъ денегъ?

— Да, съ земляка, съ которымъ мы познакомились въ театрѣ Эдемъ. Я забылъ тебѣ сказать, что онъ занялъ у меня триста французскихъ четвертаковъ на одинъ день, обѣщался вчера ихъ принести—и вотъ...

Николай Ивановичъ выговорилъ это, понизивъ голосъ, но Глафира Семеновна воскликнула:

— Вотъ дуракъ-то! Видали вы дурака-то! Даетъ первому встрѣчному по триста франковъ! Ну, оттого-то онъ къ намъ вчера и не явился, не явился и сегодня, что онъ за дуракъ.

— Нельзя-же было, Глаша, не дать. Цѣлый день провели душа въ душу.

— Все равно, ѣдемъ сегодня. Что съ воза упало, то пропало.

— Но платя и вещи твои, заказанныя въ Луврскомъ магазинѣ?

— Вотъ они,—указала Глафира Семеновна на картонки. — Пока ты спалъ, я съѣздила за ними въ магазинъ и привезла. Собирайтесь ѣхать. Да заплатите коридорнымъ, которые васъ сегодня утромъ втаскивали подъ руки въ номеръ. А тому французу, который васъ привезъ сюда въ каретѣ, я заплатила за карету и за

какую-то его шляпу, которую вы сорвали у него съ головы и бросили въ Сену.

Николай Ивановичъ вздохнулъ.

— Вотъ такъ фунтъ! Да неужели я былъ такъ пьянъ?

— Слова „мама“ не выговаривалъ. Потомъ вы внизу у насъ въ гостиницѣ какое-то зеркало бутылкой разбили, такъ и за него надо заплатить.

— Господи Боже мой! — ужаснулся Николай Ивановичъ, покрутилъ головой и съ жадностью началъ пить холодную воду, наливъ ее въ стаканъ изъ графина.

LXVII.

Расписанный на длинномъ листѣ, съ мельчайшими подробностями—счетъ былъ громадный.

— Боже! Сколько наворотили! За что это? Вѣдь мы только спали и почти ничего не ѣли въ гостиницѣ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.

Онъ взялъ счетъ, повертѣлъ его въ рукахъ, посмотрѣлъ на строчки и сказалъ:

— Не про насъ писано. Прочти-ка ты, Глаша, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Взяла въ руки счетъ и Глафира Семеновна, принялась разсматривать и проговорила:

— Удивительно, какими каракулями пишутъ.

— А это, я думаю, нарочно, чтобы не все расчу-хали, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Можешь, однако, понять-то хоть что-нибудь?

— Да вотъ шамбръ... Это за комнату. Тутъ по двѣнадцати франковъ.

— Ну да, да... Такъ мы и сторговались.

— Постой... Мы сторговались по двѣнадцати франковъ за комнату съ двумя кроватями, а тутъ за вторую кровать отдѣльно по франку въ день поставили. Кажется, за кровать. Да, да, это кровать.

— Да какъ-же они смѣютъ, подлецы! Ахъ, жалко, что я не умѣю ругаться по-французски.

— Постой, постой... Тутъ два раза свѣчи. Бужи

де сервизъ и просто бужи. За первое два франка, за второе пять. Мы и сожгли-то всего двѣ свѣчи.

— Ловко! — прищелкнулъ языкомъ Николай Ивановичъ.

— Даже марки, за почтовые марки къ письмамъ и то по пятидесяти сантимовъ за штуку, — продолжала Глафира Семеновна. — Вѣдь это по полуфранку, вѣдь это больше, чѣмъ вдвое. Потомъ опять: сервизъ, сервизъ, и все по два франка. Это ужъ за прислугу, что ли? Должно быть, что за прислугу.

— Это за нашего коридорнаго дурака-то въ бумажномъ колпакѣ, что ли?

— Да должно быть, что за него. Батюшки! За спички... Де залюметъ... За спички также отдѣльно поставлено.

— За бумажный колпакъ на головѣ коридорнаго отдѣльно не поставлено-ли? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, не поставлено.

— А за войлочные туфли на ногахъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Но зато поставлено два франка за что то такое, чего ужъ я совсѣмъ понять не могу. Должно быть, это не за то-ли, что тебя вчера вели подъ руки по лѣстницѣ, — сказала Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ смутился ..

— Ну, ну, довольно... — махнулъ онъ рукой. — Поязвила — и будетъ.

— Ага! Не любишь! За разбитое-то зеркало все-таки пятьдесятъ франковъ долженъ заплатить. Вотъ оно... поставлено.

Николай Ивановичъ вздохнулъ, умолкъ и полѣзъ за запасными деньгами, которыя хранились въ запертомъ саквояжѣ. Глафира Семеновна смотрѣла на него и говорила:

— Еще счастливъ твой Богъ, что при тебѣ вчера всѣхъ твоихъ денегъ не было, а то бы твои добрые пріятели и пріятельницы и отъ всѣхъ твоихъ денегъ оставили бы у тебя въ кошелькѣ только два золотыхъ. Ахъ, ты, рохля пьяная!

— Ну, что, Глаша, не поминай.

Часа черезъ два супруги, одѣтые по дорожному, выходили изъ номера, чтобы садиться въ экипажъ и ѣхать на желѣзную дорогу. Прислуга гостиницы вытаскивала ихъ подушки, саквояжи и чемоданы. Въ коридорѣ и по лѣстницѣ стояла также разная мужская и женская прислуга, которую супруги раньше во все время своего пребыванія въ гостиницѣ даже и не видали. Эта прислуга напоминала имъ о себѣ, кланяясь, и держала наготовѣ руки, чтобы получить на чай.

LXVIII.

Среди подушекъ и саквояжей супруги ѣхали по улицѣ Лафаетъ въ закрытомъ экипажѣ, направляясь къ вокзалу Ліонской желѣзной дороги, и смотрѣли въ окна экипажа на уличное движеніе, прощаясь съ Парижемъ. Глафира Семеновна прощалась даже вслухъ.

— Прощай, Парижъ, прощай, — говорила она. — Очень можетъ быть ужъ никогда больше не увидимся. Много было мнѣ здѣсь непріятностей, но во всякомъ случаѣ ты въ тысячу разъ лучше Берлина!

— Но какія-же, душечка, особенныя непріятности? Эти непріятности можно всѣ съ хлѣбомъ ѣсть, — попробовалъ возразить Николай Ивановичъ.

— Молчите. Эти непріятности были всѣ черезъ васъ.

— Ну, довольно, довольно... Что тутъ!.. Вѣдь ужъ все кончено, ѣдемъ домой.

На вокзалъ Ліонской желѣзной дороги супруги пріѣхали безъ приключеній.

Въ вагонъ ихъ впустили безпрепятственно. Только кондукторъ, покосившись на громадныя подушки, улыбнулся и спросилъ Николая Ивановича:

— Vous êtes les russes, monsieur? N'est ce pas?

— Вуй, вуй, ле рюссъ, — отвѣчала Глафира Семеновна за мужа.

— Oh, je vois déjà, madame, — продолжалъ улыбаться кондукторъ, указывая на подушки, потребовалъ билеты, тщательно осмотрѣлъ ихъ и прибавилъ по-

французски: — Вы ѣдете прямо въ Женеву, а потому не совѣтую ѣхать въ этомъ вагонѣ. Въ Дижонѣ изъ этого вагона придется пересаживаться въ другой вагонъ. Пойдемте, я вамъ укажу вагонъ, изъ котораго не надо будетъ пересаживаться.

Онъ поманилъ ихъ пальцемъ, взялъ ихъ саквояжи и подушки и помогъ имъ вынести все это изъ вагона и перевелъ въ другой вагонъ, пояснивъ еще разъ:

— *Voilà à présent c'est tout droit pour Genève.*

— Вотъ это по нашему, вотъ это на нашъ русскій кондукторскій манеръ, — заговорилъ Николай Ивановичъ и, поблагодаривъ кондуктора, сунулъ ему въ руку франкъ.

— *Merci, monsieur,* — кивнулъ кондукторъ и одобрительно сказалъ: — *Oh, je connais les russes et leurs habitudes!*

Поѣздъ простоялъ четверть часа и, наконецъ, послѣ трехъ звонковъ тронулся.

LXIX.

Женева, куда пріѣхали супруги, осенью бываетъ пуста, путешественники въ нее вовсе не заглядываютъ, проживающіе въ ней богатые иностранцы перебираются на берега Средиземнаго моря. Такъ было и въ данное время. Улицы были безлюдны, рестораны, кофейни и лавки безъ покупателей. Хозяева стояли на порогахъ, отъ ничего дѣлать покуривали и позѣвывали. Гуляющихъ совсѣмъ было не видно. Кое-гдѣ виднѣлись прохожіе, но они спѣшили дѣловой походкой. Первое время супруги даже не видѣли и экипажей на улицѣ, не видать было и ломовыхъ извозчиковъ. Все это несказанно поразило супруговъ послѣ парижскаго многолюдія и выставочной и бульварной толкотни.

— Что-же это такое? Женева-ли ужъ это! — воскликнула Глафира Семеновна, озираясь по сторонамъ. — Такъ расхваливали Женеву, говорили, что такой знаменитый городъ, а вѣдь все пусто. А ужъ въ

книжкахъ-то про Женеву, сколько писано! Николай Иванычъ. Женева-ли это?

— Женева, Женева... Самъ я читалъ на вывѣскѣ на станціи.

— Удивительно! Гдѣ-же Монбланъ-то этотъ самый? Я Монблана не вижу.

— Да вонъ горы... — указалъ Николай Ивановичъ. Они подходили къ мосту.

— Монбланъ, по описанію, долженъ быть бѣлый, снѣговой, покрытый льдомъ, а я тутъ рѣшительно ничего не вижу. Самая обыкновенная гора, а сверху тучи, — продолжала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь день пасмурный. Монбланъ, надо полагать, тамъ вонъ, за тучами.

— Нѣтъ, это не Женева, рѣшительно не Женева. Въ книжкахъ я читала, что видъ на горы долженъ быть необыкновенный, но никакого вида не вижу. Самыя обыкновенныя горы.

— Ну, никакого, такъ никакого. Тѣмъ лучше: не нравится тебѣ, такъ скорѣе изъ Женевы уѣдемъ, — сердито отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Подойдя къ мосту и взглянувъ съ набережной на воду озера, Глафира Семеновна воскликнула:

— Синяя вода! Нѣтъ, это Женева, Женева! По синей водѣ узнала. Эту синюю воду страсть сколько описывали. Дѣйствительно, замѣчательная вода: синяя, а какъ прозрачна! Смотри, Николай Иванычъ, вѣдь здѣсь ужъ какъ глубоко, а дно видно. Вонъ разбитая тарелка на днѣ лежитъ.

— А чортъ съ ней!

Николай Ивановичъ зѣвнулъ и отвернулся.

— Но вода, вода — прелесть что такое! — восхищалась Глафира Семеновна. — Отчего это, Николай Иванычъ, здѣшняя вода такая синяя? Неужели отъ природы?

— Фабрики гдѣ-нибудь нѣтъ-ли поблизости, гдѣ кубомъ и синькой матеріи красятъ, а потомъ синюю краску въ воду спускаютъ.

— Да полно, что ты! Неужели-же столько воды можно въ синюю краску выкрасить! Вѣдь тутъ цѣлое

озеро — возразила Глафира Семеновна. — Смотри, смотри: вонъ пароходъ бѣжитъ, вонъ двѣ лодочки подъ парусами бѣгутъ.

Николай Ивановичъ опять зѣвнулъ.

Супруги перешли мостъ и очутились на большой улицѣ, сплошь переполненной богатыми магазинами съ зеркальными стеклами. На окнахъ — выставки со всякой модной и галантерейной дрянью. Глаза у Глафиры Семеновны такъ и разбѣгались. Она останавливалась у каждаго окна и восклицала: „Ахъ, какая прелесть! Ахъ, какой восторгъ! Да тутъ есть вещи лучше, чѣмъ въ Парижѣ!“ Николай Ивановичъ, какъ хочешь, а ты за твою парижскую провинность долженъ мнѣ разрѣшить купить разныхъ мелочей на подарки хоть франковъ на сто, — сказала она.

— Опять за провинность! Да что ты, матушка! Вѣдь этому конца не будетъ.

Глафира Семеновна надулась.

— Мнѣ безъ подарковъ домой вернуться нельзя. И Глафира Семеновна слезливо заморгала глазами, наконецъ плюнула и побѣжала по тротуару. Николай Ивановичъ пустился за ней.

— Глаша! Куда ты? Не дури. Пожалуйста, не дури, — уговаривалъ онъ, стараясь съ ней поровняться и заглянуть ей въ лицо, но только что поровнялся съ ней, какъ она ударила его зонтикомъ по рукѣ.

Прохожіе останавливались и въ недоумѣніи смотрѣли на нихъ. Хозяева и приказчики магазиновъ, видя эту сцену сквозь зеркальныя стекла оконъ, также выбѣгали на улицу и долго глядѣли имъ вслѣдъ. Добѣжавъ до какого-то бульвара, Глафира Семеновна перестала рысать, сѣла на скамейку и, закрывшись платкомъ, заплакала.

— Извергъ, злодѣй! По Европѣ-то только ѣздите, цивилизацію изъ себя разыгрываете, а сами хотите дикія азіатскія звѣрства надъ женой распространять, — говорила она.

Николай Ивановичъ подсѣлъ къ ней и сталъ извиняться.

Кончилось тѣмъ, что Глафира Семеновна кой-какъ

утѣшилась и перестала плакать. Николай Ивановичъ повелъ ее по магазинамъ, гдѣ она и накупила разной галантерейной дряни уже не на сто, а на двѣсти франковъ. Были куплены плетеныя корзинки, бездѣлушки изъ альпійскихъ горныхъ породъ, плато подъ лампы, какая-то ювелирная дрянь изъ раковинъ, булавки съ дешевенькими камнями, галстучки, рѣзные домики изъ дерева и т. п. Все это было отправлено домой.

Сдѣлавъ покупки, супруги отправились отыскивать ресторанъ, гдѣ-бы имъ поѣсть, а въ тотъ-же день въ пять часовъ они были уже на станціи желѣзной дороги и сидѣли въ поѣздѣ, взявъ билеты прямого сообщенія до границы.

Пассажировъ, выѣхавшихъ изъ Женевы, было немного, да и тѣ размѣстились, главнымъ образомъ, въ вагонахъ третьяго класса, второй же классъ почти совсѣмъ пустовалъ, такъ что супруги ѣхали одни въ купѣ.

Швейцарскія желѣзныя дороги изобилуютъ станціями. Поѣздъ бѣжалъ съ необыкновенной быстротой, но то и дѣло, почти каждая десять минутъ останавливался на какой-нибудь станціи на одну минуту, быстро выпускалъ и забиралъ пассажировъ и снова мчался. Второй классъ такъ и не наполнялся пассажирами—всѣ ограничивались третьимъ классомъ, и супруги сидѣли въ купѣ второго класса попрежнему одни. Николай Ивановичъ спалъ крѣпкимъ сномъ и раскатисто храпѣлъ. Глафирѣ Семеновнѣ не спалось. На каждой станціи она отворяла окно и наблюдала выходящую изъ поѣзда и входящую публику, продавцовъ и продавщицъ, снующихъ по платформѣ и предлагающихъ публикѣ пиво въ стаканахъ, сандвичи, груши, яблоки, виноградъ, букетики цвѣтовъ, плетеныя корзиночки, мелкія стеклянныя издѣлія, фотографіи швейцарскихъ видовъ, конфекты, печенье и т. п. Сначала продавцы и снующая публика говорили только по французски, потомъ къ французскому языку сталъ примѣшиваться нѣмецкій языкъ и, наконецъ, вдругъ французскій языкъ исчезъ совершенно и воцарился одинъ нѣмецкій. Началась нѣмецкая Швейцарія. Глафира Семеновна, замѣтивъ

измѣненіе языка при покупкѣ съѣстныхъ предметовъ, начала будить мужа.

— Можешь ты думать, опять Нѣмецчина началась, — говорила она, расталкивая его. — Повсюду нѣмецкій языкъ и самыя серьезныя рожи. Пока былъ французскій языкъ, рожи были веселыя, а какъ заговорили по-нѣмецки—все нахмурилось.

Николай Ивановичъ что-то промычалъ и сталъ протирать заспанные глаза.

— Боюсь, какъ бы намъ опять не перепутаться и не попасть туда, куда не слѣдуетъ. Нѣмецкая земля намъ несчастлива, — продолжала Глафира Семеновна. — Ты ужь не спи. Надо опять поспрашивать, туда-ли мы ѣдемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Какой тутъ сонъ! Довольно. Я ѣсть хочу, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ёды здѣсь много. На каждой станціи можешь наѣсться и напиться, не выходя изъ вагона. Къ окнамъ и пиво, и бутерброды подносятъ. А вотъ поспрашивать то надо, туда-ли мы ѣдемъ.

— Да мы куда собственно ѣдемъ-то теперь? Прямо въ Россію или...

— Нѣтъ, нѣтъ, надо остановиться въ Вѣнѣ. День проживемъ въ Вѣнѣ. Но вотъ вопросъ—въ Вѣну-ли мы ѣдемъ? Можетъ быть, давно уже нужно было пересѣсть въ другой вагонъ, а мы сплеховали. Въ Нѣмецчинѣ вѣдь все съ пересадкой...

— Непремѣнно нужно спросить кондуктора.

На слѣдующей же станціи Глафира Семеновна, высунувшись изъ окна, кричала проходившему мимо вагона кондуктору:

— Херъ кондукторъ! Коммензи бите! Вѣнъ... Во Вѣнъ?

— Но слова „Вѣнъ“ онъ не понималъ и отвѣта никакого не далъ. Наконецъ, кельнеръ, разносившій мимо вагоновъ пиво на подносѣ и у котораго Николай Ивановичъ выпилъ два стакана, сжалился, надъ супругами и спросилъ по-нѣмецки:

— Wie heiss die Station?

— Вѣнъ... Штадтъ Вѣнъ... — повторила Гла-

фира Семеновна и показала книжку, а въ ней билетъ на которомъ было написано: „Wien“.

— Wien, — прочиталь кельнеръ, улыбаясь, и прибавиль по-нѣмецки: — это далеко... это Австрія, а вы въ Швейцаріи.

— Винъ... Винъ... — подхватила Глафира Семеновна. — Винъ по-нѣмецки Вѣна-то называется, а не Вѣнь... — пояснила она мужу. А я то Вѣнь! Онъ говоритъ, что Винъ еще далеко. Ну, а сидимъ то мы въ томъ вагонѣ, въ которомъ слѣдуетъ? Вагонъ истъ Винъ? — допытывалась она у кельнера.

Тотъ началъ говорить что-то по-нѣмецки, но паровозъ свистнулъ, и поѣздъ помчался.

LXX

Давка и толкотня царствовали на вокзалѣ, когда супруги пріѣхали въ Вѣну. Изъ оконъ вагона виднѣлась толпящаяся на платформѣ публика, и дивное дѣло, большинство ея было жида: жида длиннополые и жида короткополые, жида въ цилиндрахъ и шляпахъ котелками и жида въ картузахъ, жида съ сильными признаками пейсовъ и жида съ слабыми признаками пейсовъ. Даже добрая половина нарядныхъ женщинъ отличалась семитическими горбатыми носами и крупными сочными губами. Поѣздъ еще не остановился, и медленно катясь, шелъ мимо платформы, а ужъ въ купэ второго класса появился тоненькій юркій еврейчикъ въ шляпѣ котелкомъ, съ тощей, щипаной бородкой клиномъ, въ красномъ галстухѣ, въ кольцахъ съ цвѣтными камушками на грязныхъ рукахъ, расшаркивался передъ супругами, кланялся и соваль въ ихъ руки адресъ гостиницы, приговаривая по-нѣмецки:

— Готель перваго ранга... Въ лучшей части города. Цѣны дешевыя... Завтраки, обѣды и ужины по умѣреннымъ цѣнамъ... Съ извозчикомъ можете не торговаться... Багажъ со станціи получимъ въ двѣ минуты.

Говориль онъ безъ умолку, вертѣлся и то и дѣло приподнималъ шляпу.

— Глаша! Что онъ бормочетъ? — спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Да кто-жъ его разберетъ,—отвѣчала та. — Кажется, гостиницу предлагаетъ.

Еврейчикъ, слыша русскую рѣчь и видя, что его не понимаютъ, заговорилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Прочти хоть, что на карточкѣ-то стоитъ, можетъ быть, адресъ и понадобится, — продолжалъ Николай Ивановичъ, принимая отъ еврея карточку и передавая ее женѣ.

— Ну, его... Не желаю я съ жидами возиться.

Еврейчикъ, видя, что и французская его рѣчь остается безъ отвѣта, заговорилъ по-польски.

— Да мы русскіе, русскіе — отвѣчала, наконецъ, Глафира Семеновна, улыбаясь.—Руссенъ виръ и ничего намъ не надо.

— Ach hochachtungswolle, Madame! — вздохнулъ еврейчикъ. — Какъ жалко, что я не говорю по-русски! Я говорю по-нѣмецки, по-французски, по-польски, по-венгерски, по-чешски, по-хорватски, по-сербски, но-русскаго языка я, къ несчастію, не знаю. Доставьте случай услужить вамъ гостиницей, и я представлю вамъ поляка, говорящаго по-русски—бормоталъ онъ по-нѣмецки.

Поѣздъ остановился, появился носильщикъ въ сѣрой курткѣ, которому супруги поручили свои подушки и саквояжи, и съ нимъ вмѣстѣ вышли изъ вагона, но еврейчикъ не отставалъ. Онъ уже прыгалъ около носильщика и бормоталъ что-то ему.

— Экипажъ прикажете?—спросилъ супруговъ носильщикъ.

— Я, я, экипажъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Виръ инъ готель.

У подъѣзда вокзала носильщикъ поманилъ извозчика. Еврейчикъ продолжалъ тереться и около извозчика, даже подсаживалъ супруговъ въ экипажъ.

— Да не надо намъ, ничего не надо,—отпихнулъ его Николай Ивановичъ.

— Въ какую же гостиницу мы ѣдемъ?—спросилъ онъ жену.

— Да въ какую извозчикъ привезеть. Въдъ намъ все равно. Только-бы не въ жидовскую.

Сначала ѣхали по плохо освѣщеннымъ улицамъ но, наконецъ, въѣхали въ улицы, залитыя газомъ. Извозчикъ сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ и остановился передъ подъѣздомъ гостиницы, освѣщенной двумя электрическими фонарями. Изъ подъѣзда выскочили швейцаръ въ шапкѣ съ позументомъ, мальчишка въ красной кэпи и сѣрой курткѣ и принялись высаживать супруговъ изъ экипажа.

— Циммеръ... Циммеръ фюръ цвей... Съ цвей кровати, — сказалъ Николай Ивановичъ...

— Прошу панъ. Дрей гульденъ, — отвѣчалъ швейцаръ.

Николай Ивановичъ полѣзъ въ карманъ и хотѣлъ рассчитаться съ извозчикомъ, но передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ тотъ самый еврейчикъ, который къ нему приставалъ въ вагонѣ и на станціи, и съ учтивымъ поклономъ отстранилъ его руку.

— Ist nicht nöthig zu zahlen... Ist schon bezahlt... Nach her werden Sie zahlen. Il ne faut pas payer... C'est payé déjà — затрещаль онъ.

— Ужъ сюда поспѣлъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ при видѣ еврейчика. — Вамъ чего? — крикнулъ онъ на него — Глаша! Чего онъ хочетъ?

— Говорить, что не надо платить извозчику.

— Да причемъ-же тутъ еврюга-то этотъ? Ежели этотъ еврюга здѣшній, то я не желаю останавливаться въ жидовской гостиницѣ, — сказалъ онъ женѣ.

— Да ужъ иди, иди въ подъѣздъ-то. Гдѣ-же теперь другую гостиницу искать.

— Опуталь-таки еврюга, опуталь! Привезъ куда хотѣлъ, — хлопнулъ себя по бедрамъ Николай Ивановичъ и вошелъ въ подъѣздъ.

Гостиница была роскошная, съ великолѣпной лѣстницей. Супруговъ встрѣтилъ на лѣстницѣ цѣлый сонмъ прислуги: тутъ были и кельнеры во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и горничныя дѣвушки въ форменныхъ коричневыхъ платьяхъ, бѣлыхъ чепцахъ и передникахъ, мальчишки въ сѣрыхъ курткахъ съ зеленой оторочкой.

Все это кланялось и повело супруговъ въ коридоръ показывать комнаты. Супруги выбрали большую комнату въ четыре гульдена и остались въ ней. Двѣ горничныя бросились снимать съ Глафиры Семеновны ватерпруфъ, два кельнера стаскивали съ Николая Ивановича пальто. Третій кельнеръ стоялъ въ почтительной позѣ и ждалъ приказаній.

— Я думаю, Глаша, прежде всего чайку и закусить,—началь Николай Ивановичъ, обращаясь къ женѣ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, хотѣлъ отдать приказъ кельнеру, но тотъ уже, почтительно поклонившись, пятился къ двери и бормоталъ.

— Ich verstehe, mein Herr... Gleich werden Sie kriegen...

— Понимають по-русски-то, но только не говорятъ, — замѣтила Глафира Семеновна, когда кельнеръ исчезъ за дверью.

LXXI.

Такъ какъ супруги положили остаться въ Вѣнѣ всего одни сутки, то, умывшись, напившись чаю и закусивъ, они тотчасъ-же отправились осматривать городъ. На этотъ разъ они уже были осторожны, и дабы не разыскивать свою гостиницу на обратномъ пути, какъ они разыскивали въ Парижѣ, запаслись адресомъ гостиницы у швейцара. Когда они брали карточку и адресъ у швейцара, вдругъ передъ ними завертѣлся знакомый уже имъ тоненькій еврейчикъ. Снимая шляпу и раскланиваясь, онъ спрашивалъ, не нуженъ-ли супругамъ экипажъ. Дабы супруги могли его понять, онъ одну и ту же фразу произносилъ по-французски, по-нѣмецки и по-польски.

— Вотъ навязывается-то—сказала Глафира Семеновна. — Не надо. Ничего не надо! Нихтсъ... Геензи прочь. Мы идемъ гулять, шпациренъ...

И супруги отправились пѣшкомъ. Вскорѣ они вышли на большую улицу, блистательно освѣщенную газомъ. Направо и налево сплошь были магазины съ великолѣпными выставками товаровъ и съ обозначе-

шемъ цѣнѣ. Такого сильнаго движенія въ экипажахъ, какъ въ Парижѣ и Берлинѣ, на улицѣ не было, но зато на тротуарахъ была толпа отъ пѣшеходовъ, и эта толпа изобиловала евреями всѣхъ мастей и степеней полировки. Прежде всего, что поразило супруговъ, это масса покрашенныхъ женщинъ извѣстнаго сорта, пестро расфранченныхъ, въ высокихъ шляпахъ съ широкими полями, ухарски надѣтыхъ на бокъ и непременно съ громаднымъ бѣлымъ страусовымъ перомъ, развѣвающимся на этихъ шляпкахъ. Женщины дымили папиросками и бросали вызывающіе взгляды на мужчинъ.

— Въ Парижѣ и Берлинѣ такихъ бабьихъ стадъ на улицахъ вѣдь мы не видѣли,—замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.—Это ужасъ сколько ихъ! И всѣ съ бѣлыми перьями. Форма здѣсь такая, что-ли?

Они проходили мимо колоссальнаго потемнѣвшаго храма и остановились взглянуть на барельефы, еврейчикъ подскочилъ къ нимъ и произнесъ, указывая на храмъ:

— Die berühmte Stephanskirche.

Глафира Семеновна улыбнулась на еврейчика и перевела мужу.

— Церковь св. Стефана, онъ говоритъ.

Далѣе Глафира Семеновна стала останавливаться около оконъ магазиновъ. Въ окнахъ было свѣтло, такъ что больно было смотрѣть, до мельчайшихъ деталей виднѣлась вся внутренность магазиновъ и въ нихъ онятъ таки носатые и губастые евреи, хоть и одѣтые по послѣдней модѣ.

— Приказчики-то также все изъ іерусалимскихъ. Какъ-же намъ сказано, что Вѣна—славянскій городъ. Вотъ тебѣ и славянскій! — замѣтила сна мужу.

Жиденекій еврейчикъ не отставалъ отъ супруговъ и при каждой ихъ остановкѣ около оконъ магазиновъ вертѣлся тутъ-же.

— Вотъ надоѣлъ-то! Брысь, окаянный! — крикнулъ на него Николай Ивановичъ и даже махнулъ лонтикомъ.

Еврейчикъ мгновенно приподнялъ шляпу и отскокилъ, но когда супруги оглянулись, онъ шелъ сзади.

ніемъ цѣнь. Такого сильнаго движенія въ экипажахъ, какъ въ Парижѣ и Берлинѣ, на улицѣ не было, но зато на тротуарахъ была толпа отъ пѣшеходовъ, и эта толпа изобиловала евреями всѣхъ мастей и степеней полировки. Прежде всего, что поразило супруговъ, это масса накрашенныхъ женщинъ извѣстнаго сорта, пестро расфранченныхъ, въ высокихъ шляпахъ съ широкими полями, ухарски надѣтыхъ на бокъ и непременно съ громаднымъ бѣлымъ страусовымъ перомъ, развѣвающимся на этихъ шляпкахъ. Женщины дымили папиросками и бросали вызывающіе взгляды на мужчинъ.

— Въ Парижѣ и Берлинѣ такихъ бабьихъ стадъ на улицахъ вѣдь мы не видѣли,—замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.—Это ужасъ сколько ихъ! И всѣ съ бѣлыми перьями. Форма здѣсь такая, что-ли?

Они проходили мимо колоссальнаго потемнѣвшаго храма и остановились взглянуть на барельефы, еврейчикъ подскочилъ къ нимъ и произнесъ, указывая на храмъ:

— Die berühmte Stephanskirche.

Глафира Семеновна улыбнулась на еврейчика и перевела мужу.

— Церковь св. Стефана, онъ говоритъ.

Далѣе Глафира Семеновна стала останавливаться около оконъ магазиновъ. Въ окнахъ было свѣтло, такъ что больно было смотрѣть, до мельчайшихъ деталей виднѣлась вся внутренность магазиновъ и въ нихъ опять таки носатые и губастые евреи, хоть и одѣтые по послѣдней модѣ.

— Приказчики-то также все изъ іерусалимскихъ. Какъ-же намъ сказано, что Вѣна—славянскій городъ. Вотъ тебѣ и славянскій! — замѣтила сна мужу.

Жиденскій еврейчикъ не отставалъ отъ супруговъ и при каждой ихъ остановкѣ около оконъ магазиновъ вертѣлся тутъ-же.

— Вотъ надоѣлъ-то! Брысь, окаянный! — крикнулъ на него Николай Ивановичъ и даже махнулъ зонтикомъ.

Еврейчикъ мгновенно приподнялъ шляпу и отскочилъ, но когда супруги оглянулись, онъ шелъ сзади.

На другой день поутру, когда супруги пили кофе и чай, хотя и безъ самовара, но съ достаточнымъ количествомъ запасного кипятку въ мельхіоровыхъ кувшинахъ съ крышками, въ комнату ихъ постучался еврейчикъ. Онъ вошелъ, раскланялся и заговорилъ по-нѣмецки:

— Не будетъ-ли какихъ порученій отъ господина и мадамъ? Театральные билеты, модные товары, сигары, вино...

И тутъ онъ мгновенно вытащилъ изъ кармана афиши, адреса магазиновъ и ловко разложилъ все это передъ супругами на столъ, продолжая бормотать и мѣшая нѣмецкую рѣчь съ французскою и польскою.

— Ничего, братъ, не надо, ничего... Все кончено... — замахалъ руками Николай Ивановичъ. — Сегодня ѣдемъ въ Петербургъ. Подай счетъ, и чтобъ съ тобой больше не знаться.

— Ну партонъ суаръ а Петербургъ... — перевела еврейчику Глафира Семеновна.

Еврейчикъ даже выпучилъ глаза.

— Какъ сегодня? Въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, и вы не хотите остаться даже на три дня! — воскликнулъ онъ. — Да вы, мадамъ, дѣлаете себѣ убытокъ. Вы можете купить здѣсь много, очень много хорошихъ товаровъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Я-бы могъ рекомендовать вамъ такое венгерское вино, за которое вамъ нужно заплатить въ Россіи втрое дороже. Да вотъ не угодно-ли попробовать, всего два гульдена за бутылку.

— Ничего мнѣ не надо. Баста. Абендъ фаренъ, — отрѣзалъ Николай Ивановичъ.

Попробовать венгерскаго вина еврейчикъ его все-таки упросилъ. Николай Ивановичъ попробовалъ и сказалъ:

— Вино, дѣйствительно, превосходное. Дома можно кого-нибудь попотчевать. Развѣ пару бутылокъ? — спросилъ онъ жену, и когда та не возразила кивнулъ еврейчику:—Ну, гуть, цвей бутель.

За виномъ началось предложеніе сигаръ. Еврейчикъ подалъ сигару, просилъ его попробовать и до

тѣхъ поръ не отсталъ, пока Николай Ивановичъ не заказалъ ему сотню. Послѣ сигаръ еврейчикъ вытащилъ изъ кармана образцы мебельныхъ матерій.

— Довольно, довольно. Маршъ! — раздраженно крикнулъ Николай Ивановичъ и указалъ на дверь.

Еврейчикъ мгновенно скрылся.

— Ну, славянскій городъ Вѣна, нечего сказать. Обуяли жида!—сказалъ послѣ его ухода Николай Ивановичъ.

Вошелъ кельнеръ убирать посуду и спросилъ у супруговъ паспортъ.

— Какой тутъ къ чорту паспортъ, ежели мы сегодня ѣдемъ! — сказалъ Николай Ивановичъ. — Счетъ намъ подавай, рехнунгъ. Сегодня фарень въ Петербургъ.

Кельнеръ все-таки стоялъ на своемъ и требовалъ паспортъ хоть на пять минутъ.

— Да дай ему паспортъ-то... Только на пять минутъ просить. Должно быть, ужъ надо. Вѣрно здѣсь такіе порядки.

Николай Ивановичъ далъ и сказалъ женѣ:

— Замѣть, какая странность: поятъ и кормятъ здѣсь сытно, основательно, на русскій манеръ, и на русскій манеръ паспортъ требуютъ. Нигдѣ вѣдь отъ насъ за границей паспорта не требовали, кромѣ Вѣны.

Поѣздъ до границы, оказалось, идетъ не вечеромъ, а въ три часа дня. Объ этомъ сообщилъ кельнеръ, принесшій счетъ и возвратившій супругамъ паспортъ,—и супруги тотчасъ же стали собираться на желѣзную дорогу. Еврейчикъ терся тутъ-же, помогаль увязывать вещи и, наконецъ, предъявилъ свой счетъ за проѣздъ въ экипажахъ, за театральные билеты, за купленные у него сигары и вино. Послѣ подведенной суммы стояла строчка „Commission“ и около нея помѣщался вмѣсто цифры большой вопросительный знакъ (?). Онъ указалъ на этотъ вопросительный знакъ и сказалъ по-нѣмецки:

— Что милостивый государь и милостивая государыня (gnädiger Herr und gnädige Frau) дадутъ, тѣмъ я и буду доволенъ. Надѣюсь, что они не обидятъ бѣднаго комиссіонера.

Фраза эта была повторена имъ и на ломаномъ французскомъ языкѣ. Глафира Семеновна перевела все это мужу по-русски.

Еврейчикъ низко кланялся и помогаль Николаю Ивановичу надѣвать пальто. Николай Ивановичъ за комиссію далъ ему два гульдена. Еврейчикъ ниже поклонился, поѣхаль провожать супруговъ на вокзалъ желѣзной дороги, усадилъ ихъ въ вагонъ, сунулъ имъ при прощаньи нѣсколько адресовъ гостиницъ и своихъ комиссіонерскихъ карточекъ, прося рекомендовать ѣдущимъ въ Вѣну русскимъ, и низко раскланявшись, вышелъ изъ вагона.

Черезъ минуту поѣздъ тронулся.

LXXII.

По дорогѣ отъ Вѣны до русской границы съ супругами ничего замѣчательнаго не произошло.

Ночь была проведена супругами спокойно въ вагонѣ; спали они довольно хорошо, и утромъ, проснувшись на зарѣ, къ великой своей радости узнали, что до русской границы осталось ѣзды съ небольшимъ часъ. Утро было пасмурное, октябрьское, холодное, неприглядное, навѣвающее при обыкновенныхъ условіяхъ хандру, но лица супруговъ все-таки сіяли отъ удовольствія. Они радовались, что подъѣзжали къ русской границѣ. Николай Ивановичъ, выпивъ натошакъ, вмѣсто утренняго чаю, кружку пива, даже напѣвалъ себѣ подъ носъ:

„Кончень, кончень дальній путь,
Вижу край родимый“.

— Ты рада, Глаша, что скоро мы будемъ въ русской землѣ?—спросилъ онъ жену.

— Очень рада. То-есть, вѣришь, такъ рада, что и сказать трудно,—отвѣчала та, улыбаясь. — Ужасно надоѣло. Всѣ эти заграничные порядки совсѣмъ мнѣ не понутру.

— Да, да... Какъ только пріѣдемъ на русскую

границу, сейчасъ на станціи выпью б-б-большую рюмку простой русской водки... — протянулъ Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ... У тебя только и на умѣ, что водка.

— Душенька, да вѣдь вспомни, сколько времени я съ ней не видался-то! Только въ Женевѣ и удалось пользоваться одинъ разъ, но за то, вспомни, сколько содрали-то за нее!

Но вотъ поѣздъ сталъ убавлять ходъ. Ъхали совсѣмъ тихо между цѣлыми рядами вагоновъ, стоявшихъ на запасныхъ путяхъ. Бродили рабочіе по запаснымъ путямъ. Не взирая на дождь, Николай Ивановичъ отворилъ окно и, высунувшись изъ него, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ по направленію къ русской границѣ. Вдругъ какой-то рабочій громко выругался по-русски, упомянувъ крѣпкое слово. Николай Ивановичъ вздрогнулъ.

— Глаша! Русскіе ужъ! Русскіе мужики! По русски ругаются! — воскликнулъ онъ и торжественно прибавилъ:—Здѣсь русской духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Еще минута. Послышался скрипъ и стукъ тормозовъ, и поѣздъ остановился.

— Пріѣхали на русскую границу? Ну, слава Богу!— произнесла Глафира Семеновна и перекрестилась.

Перекрестился широкимъ крестомъ и Николай Ивановичъ.

Русскій говоръ уже слышался въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Виднѣлись два столба: одинъ съ австрійскимъ гербомъ, другой — съ русскимъ. Вбѣжалъ въ вагонъ носильщикъ и забралъ вещи супруговъ. Супруги вышли изъ вагона и пошли по платформѣ. Вотъ и станціонное зало. У дверей стоялъ бравый русскій жандармъ и отбиралъ паспорта.

— Русскій человекъ! Настоящій русскій! Голубчикъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ и отъ полноты чувствъ обнялъ жандарма.

КОНЕЦЪ.